УСЛЫШАТЬ СЕБЯ

ДАВНО ЛИ ВЫ БЫЛИ В ТЕАТРЕ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ? И ЧТО ЭТО было, тот ваш последний визит к Мельпомене? Уловили ли вы хоть какое-то движение своей души как реакцию на драму страстей человеческих, разворачивающуюся на сцене? Или просто сходили «развеяться», провести время, использовать повод для ухаживания? Или просто по ставшей скучной уже привычке?

Довольно часто теперь можно слышать, что традиционный театр – русский театр, созданный аж в XVII веке, – умирает. Умирает, как умер в основном уже театр европейский – немецкий, французский и пр., – являя себя миру в форме «театральной агонии» – антрепризы (пусть не обижаются те, кто сочтет это высказывание спорным).

Уже ведь окончательно ясно: то, чем был театр для нас в советские времена, не вернется. Ушла сакральность отношений власти и театра, на чем многое держалось: разве что отдельные губернаторы, к счастью для местных театралов, прочно вошли в роль покровителей искусств. Следствием чему, конечно, неизбежные издержки: не всяк губернатор обернется истинно тонким и деликатным покровителем.

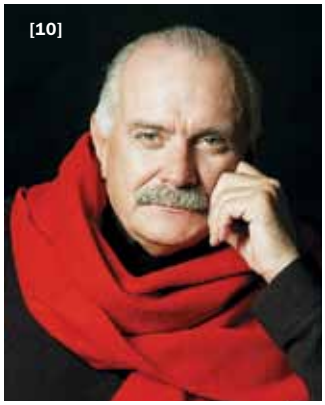
И получается порой, что вот и театров много, а пойти, чтобы вспомнить еще «советские» по уровню и накалу ощущения, некуда. Все – поденщина, рутинное зарабатывание денег, на потребу среднестатистической публике. Притом что публика все больше и больше ленится думать, сопереживать.

Театр больше тратит, чем зарабатывает. Как правило. И власти наконец решили снять с себя хотя бы частично такую обузу, переведя театры в разряд тех бюджетных учреждений, которые отныне должны будут в большей степени, чем ранее, кормить себя сами. Вы хотели свободы от идеологического диктата? Вы ее получили. И не жалуйтесь теперь, что у нас нет для вас «социального заказа». Раз нет идей, откуда взяться заказу?

…И вдруг на таком вот фоне заблестит светлый луч – то тут, то там. Где люди сумели подняться над рутиной, подняться силою душевной работы, то есть работы именно и прежде всего своей души. Не ради денег и даже не ради идей. А движимые гуманистическим вдохновением.

Взять хотя бы театр, что при Школе-интернате для глухих детей в Нижнем Новгороде (см.: «Откровение от «Пиано»). Состоялся бы он без Владимира и Марины Чикишевых, своих основателей? Нет, конечно. Но залог успеха в данном случае не только в факте создания и поддержания (спасибо, разумеется, местным филантропам от власти), но и в четком осознании смысла – ради чего, по большому счету, ты все это делаешь. Глухие дети играют для всех, заставляя зрителей плакать и смеяться. Жизнь и сцена неуловимо меняются местами, и ты уже не понимаешь – ты еще зритель или уже сам играешь, соучаствуешь? Соучастие, сопереживание – вот что помогает подняться над убивающей меркантильной будничной суетой. Которая кажется жизнью, но есть лишь выживание.

ВЕРБИЦКАЯ ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА
Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [01]



ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

БОГДАНОВ СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ
Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета [02]

ВИНОКУРОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами [03]

ДЗАСОХОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
Председатель комиссии Совета Федерации по культуре, заместитель председателя комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО [04]

ДОБРОДЕЕВ ОЛЕГ БОРИСОВИЧ
Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [05]

ИГНАТЕНКО ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ
Генеральный директор ИТАР–ТАСС [06]

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата [07]

КОСТОМАРОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [08]

ЛАВРОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ
Министр иностранных дел Российской Федерации [09]

МИХАЛКОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
Президент Российского фонда культуры [10]

МУХАМЕТШИН ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ
Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество») [11]

НИКОНОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ
Исполнительный директор правления фонда «Русский мир», президент фондов «Политика», «Единство во имя России» [17]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НАРОЧНИЦКАЯ НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА
Президент Фонда исторической перспективы, глава отделения Некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества» в Париже [12]

ПИОТРОВСКИЙ МИХАИЛ БОРИСОВИЧ
Директор ФГУК «Государственный Эрмитаж» [13]

ФУРСЕНКО АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Министр образования и науки Российской Федерации [14]

ЮРКОВ ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ
Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ [15]

ЯКУНИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
Президент ОАО «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы [16]

МОРГУНОВ СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ
Первый заместитель исполнительного директора правления фонда «Русский мир» [18]

КАЛИНА ИСААК ИОСИФОВИЧ
Руководитель Департамента образования Москвы [19]

ПРОКОФЬЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ
Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД Российской Федерации [20]

ШАРКОВ АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ
Начальник департамента Референтуры Президента Российской Федерации [21]

содержание

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКЦИЯ
06 «Первый в космосе»

РУССКИЙ МИР
08 Случаи из жизни
13 Русский сезон в Риге

ПЕРВЫЙ В КОСМОСЕ
14 Дорогой мой человек

РУССКИЙ ЯЗЫК
18 «Масскульт и СМИ не убивают, а ограничивают литературную норму»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ
22 «Образование превращается в выгодный бизнес»

СИТУАЦИИ
26 Отцовское право

ИНТЕРВЬЮ
30 На краю света

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА
34 Капитан без корабля

НАСЛЕДИЕ
38 «Троечисленное число всему добру начало...»

44 Почти болгарский царь

ИСТОРИЯ
50 Белый день календаря

ТЕАТР
58 Откровение от «Пиано»

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ
64 Тысяча дней одного русского в Матиньоне

ЛЮДИ И ВРЕМЯ
70 Довольствуясь малым
74 Английский регент
78 Русский характер
84 Свой путь

ЮБИЛЕЙ
90 Ручная работа

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор, руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Елена КЛИМОВА
Александр КОПИРОВСКИЙ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ
Алексей УРАЗОВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено театром пантомимы «Пиано»

международная акция

«ПЕРВЫЙ В

ПРОГРАММА

12 апреля 1961 года произошло одно из величайших событий в истории нашей цивилизации. Полет корабля «Восток» с первым космонавтом на борту открыл эру космических свершений. Он стал символом созидательной мечты, триумфом науки, упорства и беспримерного личного мужества.

Земля ликовала, приветствуя своего великого сына – нашего соотечественника Юрия Алексеевича Гагарина. Он и поныне живет в нашей памяти, улыбаясь сквозь время.

Пятидесятилетию великого подвига фонд «Русский мир» посвящает международную акцию «Первый в космосе» и призывает к участию в ней всех, кому дороги имя и дело Гагарина.

Первым в космосе стал представитель Русского мира.

Первым в космосе стал русский труд и интеллект: усилия сотен тысяч людей – ученых и конструкторов, инженеров и рабочих – воплотились в гагаринском старте.

Первым в космосе стал русский язык. Первое слово, услышанное вселенной, было русским. Русский язык был и остается языком науки, прогресса и международного сотрудничества.

Мы призываем сделать 12 апреля 2011 года ярким праздником Русского мира. Мы призываем отметить юбилей гагаринского старта созвездием наших дел.

Мы хотим, чтобы образ Гагарина стал живым, современным и близким миллионам людей на планете.

Мы хотим, чтобы мир знал и помнил славный путь отечественной космонавтики, роль России в освоении Вселенной.

Первый в космосе – навсегда ПЕРВЫЙ!

НАПРАВЛЕНИЯ АКЦИИ

Учреждение и организация международного творческого конкурса «Первый в космосе».
Подготовка, издание и распространение книг, учебных пособий и компьютерных программ, посвященных истории российской космонавтики и образу Юрия Гагарина.
Сбор информации, посвященной полету первого космонавта, исторических свидетельств, воспоминаний участников встреч с Юрием Гагариным, создание международного архива «Первый в космосе».
Съемка и демонстрация документального фильма о юбилее первого полета человека в космос.
Организация виртуальных музеев, тематических выставок, фестивалей, популяризирующих подвиг и образ Ю.А. Гагарина, историю российской космонавтики, значение русского языка в международном космическом общении.
Организация тематических международных конференций, круглых столов, лекториев и встреч с космонавтами.
Открытие на информационных ресурсах фонда «Русский мир» специальных разделов акции «Первый в космосе».
Создание информационной юбилейной волны: издание и рассылка специального бюллетеня «Первый в космосе».
Создание интернет-сообщества «Первый в космосе».
Содействие процессам массовой визуализации образа Юрия Гагарина в Интернете.
Проведение на базе Русских центров студенческих и детских конкурсов и олимпиад.
Ретроспектива документальных и художественных фильмов на космическую тематику по всему миру.
Организация международной молодежной эстафеты (флешмоба) 12 апреля 2011 года под девизом «Ура, Юра!».
Организация и проведение заключительного мероприятия акции.
Проведение акции в филиалах фонда, Русских центрах, Кабинетах Русского мира, в партнерских организациях.

КОСМОСЕ»

ПОЛОЖЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ ТВОРЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ «ПЕРВЫЙ В КОСМОСЕ»

УЧРЕДИТЕЛЬ

Учредителем и организатором международного творческого конкурса «Первый в космосе» является фонд «Русский мир».

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

- Ознаменование 50-летия полета Юрия Алексеевича Гагарина, популяризация образа и подвига первого космонавта Земли.
- Объединение усилий Русского мира по сохранению памяти о величайшем событии современности – первом полете человека в космос.
- Популяризация российской науки – ее роли в развитии мировой цивилизации и в процессах модернизации России.
- Поддержка русского языка, первым из мировых языков прозвучавшего в космосе.
- Содействие развитию творческого и научного потенциала Русского мира.

СОДЕРЖАНИЕ КОНКУРСА

На конкурс принимаются статьи, эссе, научно-фантастические рассказы, художественные плакаты, детские рисунки, видеофильмы и мультимедийные презентации по 4 номинациям.

Номинация **«108 минут»** – эссе или статьи на русском языке, посвященные личным воспоминаниям о полете Гагарина или встречам с ним, проходившим по всему миру, – объемом не более 10 тысяч знаков, в формате *.doc. К работам могут прилагаться фотоиллюстрации.

Номинация **«Шаг в будущее»** – научно-фантастические рассказы, посвященные теме освоения космоса и футурологическим прогнозам развития человеческой цивилизации, – объемом не более 20 тысяч знаков, в формате *.doc.

«Созвездье Гагарина» – художественные плакаты и детские рисунки, посвященные образу Юрия Гагарина, темам освоения космоса и стремления к исследованию тайн Вселенной. Материалы представляются в электронном (отсканированном) виде, размер файла не более 2 Mb, формат *.JPG. При необходимости оргкомитет может запросить у автора файл более высокого разрешения.

«Каким он парнем был» – видеоматериалы и мультимедийные презентации, посвященные полету Юрия Гагарина, космическим свершениям России, подготовке и празднованию юбилея гагаринского старта. Видеоматериалы – документальные либо видеофильмы – представляются в формате *.mp4, *.avi, *.wma, *.mkv; хронометраж – не более 30 мин. Мультимедийные презентации – объем не более 50 Mb.

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАБОТ

На конкурс принимаются работы отдельных авторов или авторских коллективов в рамках установленных номинаций.
Материалы должны быть представлены до 10 марта 2011 года на электронный адрес gagarin@russkiymir.ru или на почтовый адрес: 119285 Российская Федерация, Москва, Мосфильмовская улица, д. 40 – с пометкой «Первый в космосе».
Одновременно с материалами в оргкомитет представляется заполненная анкета участника конкурса.
Работы, не соответствующие условиям конкурса, к рассмотрению не принимаются.
Авторские права на представленные материалы должны принадлежать участникам конкурса – с тем чтобы их использование и распространение не нарушало законодательство Российской Федерации об авторском праве.
Работы, представленные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.
Оргкомитет имеет право на редактирование и публикацию конкурсных работ без уведомления авторов и без выплаты им гонораров.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Организация работы по сбору, изучению, публикации материалов и подведению итогов конкурса возлагается на следующие структуры:

- экспертный совет: формируется учредителем из своих представителей; осуществляет экспертизу работ, принимает решение об их размещении на информационных ресурсах фонда, составляет шорт-листы лучших работ по категориям и номинациям и представляет их на рассмотрение жюри.
- жюри: формируется учредителем из числа авторитетных ученых, известных космонавтов, общественных деятелей, писателей, художников, журналистов; рассматривает работы, включенные в шорт-листы; определяет лауреатов и дипломантов конкурсов.

ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ

Конкурс проводится в два тура.

I тур: декабрь 2010 года – март 2011 года

Все поступившие конкурсные работы проходят регистрацию и представляются на рассмотрение экспертного совета.
В соответствии с решением экспертного совета работы, получившие положительную оценку, направляются для размещения на информационных интернет-ресурсах фонда, а также публикуются в журнале «Русский мир.ru».
Лучшие работы, включенные в шорт-листы, направляются на рассмотрение жюри.

II тур: март–апрель 2011 года

Жюри конкурса рассматривает работы, выдвинутые во II тур, и принимает решение по определению лауреатов и дипломантов, а также конкретным формам их поощрения.
Решение жюри оформляется протоколом и публикуется в средствах массовой информации.

НАГРАЖДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Награждение победителей конкурса производится в соответствии с решением жюри. Наградной комплект победителя состоит из памятного наградного знака и диплома.
В целях поощрения лауреатов конкурса жюри принимает решение о премировании победителей. Премии устанавливаются в размере от 50 тысяч до 200 тысяч рублей в зависимости от содержания и характеристик работ.
По решению жюри работы, выдвинутые во II тур, но не вошедшие в число победителей, могут награждаться дипломами.
Подведение итогов и награждение победителей конкурса осуществляется публично – на специальной общественно значимой церемонии.

ВСЯ ИНФОРМАЦИЯ О КОНКУРСЕ РАЗМЕЩЕНА НА ПОРТАЛЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»
www.russkiymir.ru

СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» В КОНЦЕ ЯНВАРЯ В МОСКВЕ ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАРУБЕЖЬЯ», ФАКТИЧЕСКИ ПРЕВРАТИВШАЯСЯ В СВОЕОБРАЗНЫЙ МОНИТОРИНГ НЫНЕШНЕГО СОСТОЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАШИХ ДИАСПОРАХ.

РЕЧЬ ШЛА О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ с «великим и могучим» в странах ближнего и дальнего зарубежья. Из подробных докладов следовало, что в некоторых странах русский язык находится под угрозой исчезновения. Как отметил в письменном обращении к участникам конференции исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, «изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием, но насущной необходимостью». Решать, как жить дальше, собрались ведущие социолингвисты США, Израиля, Италии, Финляндии, Армении, Азербайджана, Украины, Эстонии и Казахстана, а также сотрудники Института лингвистики РГГУ, представители фонда «Русский мир», Россотрудничества, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, исследовательских институтов РАН, учебно-издательского центра «Златоуст», радиостанции «Эхо Москвы», интернет-портала «Грамота.ру». Почти каждый выступавший дарил организаторам свои книги и учебники и благодарил за возможность быть услышанным. Но если отвлечься от книг и благодарностей, то, как выяснилось, русский язык в России и в мире переживает не самые простые времена. Хотя сейчас по степени распространенности он находится на четвертом месте на планете, свои позиции теряет. Вот почему сохранение русского языка в среде наших соотечественников требует немедленных и продуманных действий.

Идея конференции принадлежит директору Института лингвистики РГГУ Максиму Кронгаузу. Его задача состояла в том, чтобы не только начать собирать статистический материал по теме, но и ответить сразу на несколько важных вопросов. Можно ли говорить об общих для всех стран проблемах с русским языком? Нужно ли решать эти проблемы сообща или они настолько специфичны, что нет смысла в подобных конференциях? Какова должна быть роль России в поддержке русского языка за рубежом? Как вывести язык с «семейного» уровня на более широкий? Что делать с вариативностью русского языка зарубежья? Нужно ли навязывать нормы «американскому русскому» или «итальянскому русскому»?

Чем плох «Таллин»

В Армении русским языком владеют 85 процентов населения, 13 процентов – считают его родным. В 42 школах его изучают в обязательном порядке. Но молодежь все реже выбирает русский в качестве второго иностранного. Ректор Ереванского государственного лингвистического университета им. В.Я. Брюсова Сурен Золян видит выход в организации универсальных уроков языка. «Нельзя значительно увеличивать количество часов на изучение языков, – говорит он. – Но можно русский, армянский, английский или французский объединить в одно занятие. Допустим, задание ставится на армянском, студент отвечает на русском, а пишет на английском. Другое дело, что у нас нет учителей, прекрасно владеющих несколькими языками, и вряд ли они появятся. Мы не можем обеспечить им достойный уровень зарплаты». Да и с обычными преподавателями русского не все гладко. «К сожалению, наши зарубежные партнеры куда внимательнее к нам, чем российские. В нашем университете постоянно работают 20 преподавателей из стран дальнего зарубежья, но никогда преподаватель из России не приезжал хотя бы на месяц. К тому же наши студенты говорят на русском в основном дома, из-за чего мы получаем очень низкий содержательный уровень владения языком».

В Эстонии на языке Пушкина говорят 30 процентов населения, из которых 26 процентов (350 тысяч человек) – русские. Причем около 37 тысяч из них – староверы, довольно замкнуто живущие уже лет триста и говорящие на «законсервированном» языке, полном диалектов. Остальные русские все реже желают общаться на языке предков, предпочитая ему европейские. «В итоге мы получаем не двуязычных, а «полуязычных» детей, – с горечью констатирует Ирина Кюльмоя, профессор Тартуского университета. – Они не владеют в совершенстве ни одним языком. Проблема в том, что изначально они говорят по-русски, но родители отдают их в эстонские школы, где ребятам нечего делать на одном уроке с эстонцами. А система внешкольного русскоязычного образования развита слабо». В условиях изоляции и сам «русский эстонский» язык сильно меняется: в него вкрапляется

АНТОН БЕРКАСОВ

множество эстонских слов, неоправданно часто употребляются слова «тогда» и «теперь», кальки, меняется построение фраз. «Если бы вы в 80-е годы приехали в Эстонию и спросили на улице, как проехать туда-то, вас намеренно могли отправить в другую сторону, – продолжает Елизавета Костанди, доцент Тартуского университета. – Сейчас бытовой национализм исчез абсолютно. Молодое поколение действительно не знает русского языка. Сложно сказать об общем уровне тех, кто «знает». Это можно замерить в нашем центре тестирования, но туда приходит не так уж много народа». Кстати, в конце выступления эстонские коллеги рассказали, чем их политикам так не нравится написание Таллина с одной «н». Они специально спрашивали об этом чиновников Министерства культуры. Их раздражает не русскоязычное написание, а латиница в российских указателях.

Ни один из докладчиков не говорил о политике столько, сколько Евгений Степанов, преподаватель Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (ОНУ). И это понятно. Он озвучил результат опроса, по которому дискриминацию по национальному признаку ощущают 33 процента граждан Украины – в области выбора языка обучения, 32 процента – в отношениях с чиновниками, 29 процентов – на телевидении, 29 процентов – в общественных местах, 17 процентов – при трудоустройстве, 7 процентов – в суде, 14 процентов – в других сферах. Преподаватель ОНУ рассказал, как ему с коллегами удалось отстоять государственное тестирование школьников по русскому и литературе. «В некоторых регионах русский язык и русская литература выделены в вариативный компонент, то есть школьник может выбирать, учить ему эти предметы или, вместо них, – домоводство, – говорит Евгений Степанов. – По испанскому языку – государственное тестирование, хотя испанский учат лишь в 15 школах по всей Украине. Но мы боролись, и в результате с этого года русский язык и литература станут общегосударственными, правда, только для тех, кто поступает на эту профильную специальность. В этом плане «демократическая» Украина не догоняет советскую, где каждому был предоставлен свободный выбор между украинским и русским».

Привет, браток!

На таком фоне выступление финского социолингвиста звучало празднично. В Финляндии с XIX века русский учат как родной, а православная церковь является государственной, хоть туда и ходит всего 1 процент населения. Более того, на русском уже говорят больше, чем даже на шведском, – причем это люди 25–29 лет, у которых в ближайшее время будут рождаться дети. «Но не спешите делать ложных выводов, – предупредила

АНТОН БЕРКАСОВ

АНТОН БЕРКАСОВ

Екатерина Протасова, доцент Хельсинкского университета. – Русский язык у нас никогда не введут вместо шведского, потому что Финляндия ментально хочет ассоциировать себя не с Россией, а со Швецией». Екатерина Протасова подняла один из самых больных вопросов для участников конференции: «Но сколько же можно учить детей по таким ужасным учебникам русского! Фонд «Русский мир» финансирует прекрасные новые учебники для зарубежья. Но когда же кто-нибудь профинансирует издания для нормальных школ? Это все равно как самое лучшее оружие Россия продает за границу, а армию по-прежнему вооружает винтовками 1902 года». В заключение г-жа Протасова сделала неожиданное объявление: «Если вы знаете какого-нибудь миллионера, который хочет, чтобы его именем назвали профессорскую должность в Хельсинкском университете, то пусть он внесет деньги на счет нашей кафедры, и тогда мы введем должность профессора имени кого-то, который будет преподавать русский язык до тех пор, пока будет стоять Хельсинкский университет».

«Лучшее, что есть на конференциях, – случаи из жизни, – задушевно начала свое выступление Марина Низник, преподаватель Института Тель-Авива. – Они часто дают более полное представление о том, что происходит». Социолингвист в красках рассказала о русскоязычной культуре Израиля – например, о вымирающей прессе, в которой за небольшую плату работают люди 40–50 лет, которых больше никуда не берут. Заголовки пестрят цитатами из «прошлой жизни»: «Плачет девочка с автоматом», «Я сказал, сидеть будешь!»... Молодежь, выросшая в другой среде, их не понимает и, если удается прилично выучить иврит, перестает читать на русском. В последнее время появились русские клубы и дискотеки – не особенно популярные. Известной стала группа рэперов. Их главный хит – «Нас воспитала улица», о трагедии жителя «русского гетто», предъявляющего претензии к родителям и стране, которая приняла гостей не так, как хотелось бы. Это трагедия сразу нескольких поколений «полуязычных» детей. Марина Низник подняла проблему «семейного русского», общую почти для всех стран: люди общаются на русском только в кругу семьи, язык деградирует, вымирает, в лучшем случае видоизменяется. Для детей российских эмигрантов не только в Израиле вопрос самоидентичности становится одним из главных. В израильской Сети есть подростковые тексты на тему «Что

значит быть русским». «Ты русский, если знаешь, кто такой Чебурашка и что матрешка – это не бабушка; что Александр может быть Сашей, Шурой, Алексом и Саней; если, зайдя в квартиру, ты переодеваешься в комнатные тапочки; если в телефоне имена друзей у тебя написаны латиницей, а в конце списка по-русски написано «дом». Дети, выросшие за рубежом, уже не понимают разницы обращений на «ты» и на «вы». На одном из экзаменов русский студент описывал сцену «В турагентстве». Желая обратиться «по-человечески», сказал: «Привет, браток!» Приведя эти примеры из жизни, Марина Низник заключила: «Даже пророк не сможет предсказать, что станет с русским языком в Израиле. Но одно ясно: без институционной поддержки он будет обречен на смерть. Я имею в виду язык как средство общения».

Сказанное об Израиле во многом напоминает ситуацию в США, утверждает Мария Полинская, профессор Гарвардского университета. Схема видоизменения языка – та же. Дети выучивают русский, только если летают в Россию на лето. Но диаспора увеличивается, начиная с 2000 года прирост эмигрантов составил 200 процентов. Мария отметила, как различаются языки разных волн эмиграции. «Современный русский – это язык эпохи катаклизмов, – говорит она. – Его отличия – распространение просторечий, многие из которых ужасают, стирание стилистических и сословных различий, нестабильность норм, ностальгия по языку советской эпохи, агрессивное вторжение английских слов». Заведующая лабораторией языковых исследований также отмечает, что культура чтения сильно вытесняется визуальной культурой – впрочем, это касается всех. Она особо остановилась на так называемых «херитажниках» (лингвисты никак не могут подобрать точный термин эмигрантам второго, третьего поколения, нестабильным билингвам). Этим людям легче говорить по-английски, но их также и легче обучить русскому, чем иностранца. Они любят решать задачки, отгадывать загадки. Вот «нерешаемый» пример. Предлагается выбрать правильную картинку из двух: на одной полосатая собака бежит за кошкой, на другой – полосатая кошка – за собакой. И дается предложение: «Кошка, которая догоняет собаку, – полосатая». Мария Полинская в заключение призвала всех собравшихся не относиться к языку эмигрантов как к «ущербному, неправильному – куда важнее понять, что с ним делать».

Нужно помочь развить русский язык «до нормального состояния», а не наблюдать, как мы удаляемся друг от друга, отвечает на этот

АНТОН БЕРКАСОВ

АНТОН БЕРКАСОВ

вопрос Максим Кронгауз. Конечно, большое подспорье – Рунет, который уже перестал иметь границы российского государства, теперь это зона русского языка с разными расширениями, будь то com или ua. Но нельзя замыкаться только в электронном пространстве – необходимо и дальше развивать Русские центры, возможность общаться не только письменно. «Зачем нам распространять свою культуру? – спрашивает директор Института лингвистики РГГУ. – Чтобы помочь тем, чьи корни – в России, и чтобы нам самим было комфортно общаться с Русским миром зарубежья».

В рамках конференции прошли два круглых стола – «Вариативность русского языка и его кодификация. Особенность языкового планирования и регулирования сегодня» и «Русский язык в электронных СМИ и блогосфере: преодолевая границы». На них ученые ответили на вопросы: нужно ли спасать язык от вопиющей безграмотности Интернета? Настаивать ли на жестких нормах или, наоборот, идти вслед за свободным развитием языка, фиксировать явные изменения? Мнения разделились. Высказывались суждения, что вообще никакая значительная реформа языка невозможна в свободном обществе, потому что всегда найдутся противники. Руководитель информационно-издательского управления фонда «Русский мир» Георгий Бовт сказал, что «интернет-вольница» снижает общее качество русского языка. Среди новых пагубных явлений – принуждение чиновников вести интернет-дневники. «На языке официоза не говорит улица, на нем не создаются литературные произведения, – подчеркнул Георгий Бовт. – Блогосфера предполагает демократическую стилистику, а в нее приходят люди, которые не обладают такой стилистикой по определению, прямо ей противоречат. Что получится от скрещивания официоза и демократии, замешанной на литературной безграмотности?»

Красной нитью многих выступлений прошел – или уже прошло (?) – «кофе» как яркий пример реформирования языка. Под конец Елена Шмелева, специалист по анекдотам, сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, вспомнила цитату одного из чиновников Санкт-Петербурга: «Пусть эти лингвисты говорят и пишут что хотят. Для меня кофе было и осталось мужского рода».

В будущем Максим Кронгауз хочет сделать подобные конференции регулярными. Их необходимость очевидна. «Работу имеет смысл вести как минимум в двух направлениях, – говорит он. – Первое – это анализ ситуации с русским языком в разных странах, сбор информации. Второе – практическое. Думаю, участники конференции вполне уже готовы к практическим заданиям, таким как написание учебников».

РУССКИЙ СЕЗОН В РИГЕ

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ТАКОГО НАПЛЫВА РОССИЙСКИХ ТУРИСТОВ НА ПРАВОСЛАВНОЕ РОЖДЕСТВО СТОЛИЦА ЛАТВИИ НЕ ПОМНИТ, ПОЖАЛУЙ, С СОВЕТСКИХ ВРЕМЕН. В НОЯБРЕ И ДЕКАБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА ЛАТВИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЫДАЛО РОССИЯНАМ ПОЧТИ НА 90 ПРОЦЕНТОВ ВИЗ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗА ТЕ ЖЕ МЕСЯЦЫ ПРЕДЫДУЩЕГО ГОДА.

МИНУВШИМ ЛЕТОМ МНОГИЕ ЖИТЕЛИ Москвы и Подмосковья спасались от небывалой жары и смога на балтийских пляжах, и в 2010 году число отдыхавших россиян в Юрмале приблизилось к показателям советского периода. Но вот то, что многие из них приехали в Латвию и на длинные новогодние каникулы, стало для латвийцев приятным сюрпризом. Так, впервые за долгие годы к причалу Рижского торгового порта в первых числах января прибыли один за другим два лайнера, на борту которых находилось более 3 тысяч российских туристов с детьми, совершавших путешествие по маршруту Санкт-Петербург – Таллин – Рига – Стокгольм – Хельсинки.

Рига встретила гостей снегопадом, яркими рождественскими огнями и веселыми городскими ярмарками с глинтвейном и сувенирами. Самые решительные смельчаки прогулялись по заснеженному берегу Рижского залива, полюбовались зимней Юрмалой. Обычно в эти дни знаменитый город-курорт впадает в ленивую зимнюю спячку, и вечером даже на главной улице Йомас редко можно увидеть больше двух-трех прохожих. В нынешний русский сезон все было по-другому, Йомас бурлила и шумела с утра до поздней ночи. Главная юрмальская улица заговорила-запела по-русски. В беседах россияне признавались, что им очень нравится Рига, где все понимают по-русски – что немаловажно. А многие бывали здесь в детстве с родителями или в молодости, и романтическое возвращение в юность стало для них приятным сюрпризом. «Поездку на круизном лайнере нам с женой подарил сын, – рассказал журналу «Русский мир.ru» Николай Савельев, преподаватель из Санкт-Петербурга. – Мы бывали здесь лет двадцать назад, но с тех пор Рига сильно изменилась, похорошела, появилось много новых памятников, красивых строений. Мы побывали на экскурсии в великолепном Доме Черноголовых, восстановленном в 1991 году, а в советские годы на этом месте вообще ничего не было. Зашли в новое здание Рижской думы, посмотрели на Дом Москвы, как я узнал, это подарок городу от московской мэрии. Но больше всего, конечно, понравилась прогулка по знаменитым узким улочкам Риги, к нашей радости, они остались прежними...».

В январские каникулы в латвийской столице побывали и учащиеся из разных московских школ, прибывшие в рамках программы «Рижские каникулы». Этот проект родился в 2009 году, когда Москва и Рига подписали соглашение о культурном сотрудничестве. В 2010 году участниками программы стали 140 юных москвичей, в нынешнем – 160. Среди школьников в основном были дети из малообеспеченных или многодетных семей, а также победители школьных олимпиад и участники коллективов художественной самодеятельности из разных округов Москвы. Детей поселили в центре Риги, все расходы оплачивало правительство Москвы, а Рижская дума совместно с Домом Москвы выступила организатором всех культурных мероприятий.

В первый же день школьников, самым младшим из которых было по десять лет, пригласили в Рижскую думу, где они пообщались с мэром города Нилом Ушаковым. Ребята засыпали его вопросами, на которые получили подробные ответы. На прощание старшеклассницы с удовольствием сфотографировались с молодым симпатичным мэром. Младшие же дети посокрушались, что в их программу не попал аквапарк, а хотелось бы! Нил Ушаков обещал уладить это дело и свое слово сдержал: школьников отвезли в аквапарк. Еще ребята побывали на экскурсиях по Старой Риге, осмотрели знаменитый Домский собор, были в музеях и даже в Рижском зоопарке. А в Доме Москвы российские школьники посмотрели сказочную пьесу в постановке детского театра-студии «Реверанс». В один из вечеров здесь же для гостей была организована встреча с рижскими сверстниками из «Клуба веселых и находчивых», показавшими свои лучшие номера. В качестве «алаверды» москвичи исполнили зажигательные танцы в исполнении участников грузинского ансамбля «Колхидари». Ну а потом, конечно, была дискотека!..

ДОРОГОЙ МОЙ ЧЕЛОВЕК

БЕСЕДОВАЛА **ОКСАНА ПРИЛЕПИНА**

ТАМАРА ФИЛАТОВА, ПЛЕМЯННИЦА И КРЕСТНИЦА ПЕРВОГО КОСМОНАВТА, ПОДЕЛИЛАСЬ С «РУССКИМ МИРОМ.RU» ВОСПОМИНАНИЯМИ О ЮРИИ ГАГАРИНЕ.

ДО 12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА семья Гагариных не знала, что Юрий будет первым космонавтом. Гагарин часто приезжал в Гжатск, но, как только он проезжал мимо поста ГАИ, расположенного за 7 километров от города, главе горкома сразу докладывали об этом по телефону – и у порога родного дома космонавта встречал весь город. Только ночью родственники могли узнать, как здоровье, жена, дети, да вкратце рассказывали о себе. Несмотря на недолгую жизнь, Юрий Гагарин многое успел сделать не только для космонавтики и имиджа СССР, но и для родных, друзей и всех жителей Гжатска.

– Тамара Дмитриевна, кем вы приходитесь Юрию Гагарину?

– Племянницей и крестницей, я – дочь его старшей сестры, Зои. Мама мне рассказывала, как Юра радовался появлению на свет первой своей племянницы, то есть меня. Это он придумал мне имя Тамара, постоянно со мной нянчился и в итоге стал крестным отцом.

– Будущий космонавт был верующим и ходил в церковь?

– В нашей семье все были крещеными. Но в церковь не ходили, так как это было советское время. Юра однажды даже попросил меня не называть его крестным в присутствии друзей. Я со смехом ответила: «Не буду, крестный!» Он тоже смеялся, и я его крестным звала всегда и где хотела, потому что не могла называть его дядей – Юра же был всего на тринадцать лет старше меня! Крестный всех регулярно баловал подарками, но меня особенно. Помню, как однажды подарил мне трехколесный велосипед – неслыханная роскошь для Гжатска! Потом велосипед побольше, со съемным третьим колесом. Чтобы привезти такие дорогие подарки и на что-то жить самому, он по ночам работал грузчиком. Стипендии на все не хватало. Много лет спустя, работая в музее, я часто бывала в Саратове, где Юрий учился в индустриальном техникуме. Перелистывая страницы журнала успеваемости, против фамилии Гагарин увидела пропуски занятий и очень удивилась, ведь все учителя в один голос говорили, что Юрий – один из лучших их студентов. Мне объяснили, что накануне пропусков он работал в порту в ночную смену – ночью оплата труда выше. Так как он учился очень хорошо, ему разрешали иногда пропускать уроки.

– Родители не помогали ему материально?

– Немного, ведь времена были тяжелые. Наоборот, он помогал. У крестного было обостренное чувство любви к родственникам и желание всем помочь. Он помогал и родителям, и сестрам матери – Ольге Тимофеевне и Марии Тимофеевне, жившим в Клязьме Московской области. Заборы чинил, грядки копал, окна красил – все, что только можно сделать по хозяйству. Наша семья в то время жила трудно: отец работал на почте, мама – в больнице. Юра поразительно много всего успевал. Например, обязательно навещал учителей в родной школе. Как мы все ждали его приездов! В доме сразу же чувствовалось оживление, часто приходили его друзья, слышались шутки, смех. Крестный всегда был в центре любой компании, у него было море друзей. Ребята делились новостями, играли в шахматы, шашки, лото, пели под гармонь, на которой играл папа Юры, мой дедушка Алексей Иванович. В нашем доме все знали, любили и хорошо пели русские на-

АНТОН БЕРКАСОВ

родные песни и песни советских композиторов. Если за праздничным столом собиралась молодежь, то под гармонь или пластинки устраивались танцы. Кстати, Юра всегда привозил с собой много пластинок, которые мы слушали на патефоне. Особенно любили русские плясовые, «Барыню», цыганочку с выходом. Плясать любил и умел мой отец, Дмитрий Дмитриевич, он и заводил молодых людей.

– Вы помните, как ваш крестный впервые привез домой будущую жену, Валентину Горячеву?

– Конечно. Это был ноябрь 1957 года. Тогда моя мама пришла с работы и рассказала, что их сотрудницы были на танцах в Доме культуры швейной фабрики и наперебой говорили о необыкновенно красивой паре – молодом летчике-лейтенанте в новенькой форме и его спутнице, которые танцевали в этом клубе. Это были Юра и Валентина. Валентина всем нам сразу очень понравилась – такая доброжелательная, теплая к людям и необыкновенно красивая. Если она расплетала косу, волосы касались пола! Молодые каждый год приезжали в отпуск и часто баловали нас письмами, открытками и посылками, в которых всегда было много копченой рыбы и шоколада. Как Юра любил жену! Каким прекрасным он был отцом! Он любил детей до безумия, называл их болтушками-хохотушками и прилипалами. «Прилипала» – это его самое любимое было. Вот отец на пороге, они к нему – одна с одной стороны, другая с другой как бы прилипали, и они уже отца не отпускали ни на секунду. Со старшей дочерью, Леночкой, я летом 1960 года приезжала нянчиться, мне тогда было тринадцать лет. В марте 1960 года крестного перевели в Подмосковье, на станцию Чкаловская, Валентина устроилась в медсанчасть, Леночке шел второй год. Юра уговорил мою маму отпустить меня в Чкаловскую на каникулы. По выходным мы ездили купаться и кататься на лодках на Медвежьи озера. Личных машин тогда ни у Гагариных, ни у их друзей не было, в общественный транспорт не всегда удавалось втиснуться, так что мы просто выходили на шоссе и шли пешком. По пути нас обязательно подхватывал какой-нибудь газик. Счастливое, беззаботное было время. Я очень гордилась тем, что мой дядя – летчик-испытатель.

– И космонавт.

– Что вы! Эта информация была строго засекречена. Нам даже в голову не приходило, что уже через год человек покорит космос, а что этим человеком станет Юра – и подавно не могли вообразить. О том, что Юрий – космонавт, мы узнали 12 апреля из сводок ТАСС вместе с другими жителями планеты.

– Что вы почувствовали в этот момент?

– Жуткий страх за очень дорогого и любимого человека. И чувство гордости за то, что и жители родного города, и всей страны, и всего мира чествуют нашего Юрия. Хотя в то время, в свои четырнадцать лет, я не могла да конца понять и осмыслить важности события. На встречу с ним в Москву 14 апреля меня не взяли: у нас было большое хозяйство – четыре поросенка, куры, кролики – кому-то надо было за всем этим присмотреть. Я считалась взрослой, мне и доверили «почетную» миссию. Я увидела крестного только 17 июня 1961 года. И не предполагала, что с этого момента у нас почти не будет времени на общение, ведь Юра стал, как сейчас принято говорить, публичным человеком. Как он сам говорил, земные перегрузки стали потяжелее космических.

– Много неоднозначного писали об этом периоде жизни Юрия Гагарина...

– Особенно в перестроечные времена столько было грязи! Вы не представляете, сколько слез я пролила от бессилия. Как-то не приучены мы были еще подавать в суд за клевету. Я все думала: ну зачем же вы? Гагарин – наша национальная гордость. Почему мы обязательно втаптываем в грязь то, чем должны гордиться? Менталитет, что ли, наш такой? Не понимаю.

– Изменила ли Юрия Гагарина публичная жизнь?

– Да, он стал еще лучше. Он отлично понимал, что его новый статус позволял открывать двери любых кабинетов, что его везде выслушают. И Юрий этим активно пользовался, будучи депутатом Верховного Совета СССР 6-го и 7-го созывов. Под «покровительством» первого космонавта в 60-х расцвел Гжатск. Какие только артисты сюда не приезжали! Каких только концертов, лекций не было! Благодаря помощи Гагарина в городе были заасфальтированы ули-

Несмотря на недолгую жизнь, Юрий Гагарин многое успел сделать не только для космонавтики и имиджа СССР, но и для родных, друзей и всех жителей Гжатска.

цы, проложены коммуникационные сети – ведь до этого у нас практически не было ни канализации, ни теплосетей, ни водопровода. Были построены завод «Динамик», кинотеатр, дом культуры, средняя школа, больница, быстрыми темпами начали строиться жилые дома. Благодаря Юрию Гагарину активно восстанавливалось сельское хозяйство – он не оставлял без внимания ни одну просьбу, будь то обеспечение кормами, строительство сельхозпостроек или адресная помощь жителям города. Он всегда был очень занят, поэтому родным отводились только ночные часы. Даже когда он ехал в Гжатск без предупреждения, то с поста ГАИ перед городом звонили в горисполком. Пока космонавт проезжал 7 километров, полгорода уже собиралось у нас в зеленом домике. Только перед сном мы успевали наскоро спросить о здоровье, о домашних да вкратце рассказать о себе.

– Трудно ли было семье нести бремя публичности?

– Было неловко, что нас так чествуют, ведь это не мы совершили подвиг, летали в космос. Но было очень приятно, что люди любят нашего Юру. Помню, как-то мы ехали со школьниками в Ригу и хотели пообедать в привокзальной столовой. Я тогда тоже еще в школе училась. Но кто-то проговорился, что с нами едет мама Гагарина Анна Тимофеевна, и нас мгновенно окружили толпы людей – какая уж тут еда.

– А вас как-то специально готовили правильно себя вести на людях, давать интервью? Вы же создавали образ Юрия Гагарина как символа СССР, символа новой эры человечества...

– Нет, никто никогда. Образ Юры невозможно было ничем испортить, потому что он был очень светлым человеком. Очень.

– Таким же идеальным, каким его представлял любой советский гражданин?

– Вообще, и крестному, и нам не нравилось, что его представляют эдаким суперменом без единого недостатка. А ведь у него не все в жизни получалось. Например, поначалу ему никак не удавалась самостоятельная посадка самолета. Его даже чуть не отчислили из аэроклуба, потому что он к тому же пропускал занятия, сдавая экзамены в техникуме. Но Юра так рвался в небо, что первым из всего аэроклуба самостоятельно посадил самолет. Он всегда и везде был одним из первых.

– Как вы считаете, в чем причина гибели Юрия Алексеевича?

– Какая разница?! Его нет, и какая разница почему. Я с детства обожала его, он был моим кумиром еще до того, как стал космонавтом.

– Какой версии придерживалась мама?

– Анна Тимофеевна не знала, как пережить то, что ее ребенка не стало. Она ведь похоронила двоих детей, причем младших: Юру и Бориса. Что может быть страшнее? День похорон 30 марта я помню урывками: огромное число людей на улицах, в квартире, лица, музыка, не хватало воздуха. После казалось, что жизнь остановилась.

– Вы тогда приняли решение посвятить жизнь памяти крестного?

– Так совпало, что вскоре я развелась с мужем и приехала домой, уже не в Гжатск, а в Гагарин. Мне предложили работать в Объединенном мемориальном музее Ю.А. Гагарина, сказав: «Кто ж еще, как не вы». Я работаю здесь уже больше сорока лет, это моя жизнь. Делюсь с детьми воспоминаниями о крестном – эти занятия я назвала «Дорогой мой человек». Юрий не мыслил себя без малой родины, без традиций русского народа. И я считаю, что современным детям недостаточно рассказывать, каким был первый космонавт. Нужно играть с ними в старые русские игры, изучать фольклор, учить писать перьевыми ручками – то есть прививать любовь к истокам. У нас в музее есть экспозиция «Школа Гагарина. 40-е годы», где мы показываем, во что играли дети гагаринской поры. Знаете, мне сейчас очень больно, что современные дети не читают русских народных сказок, сказок Пушкина, а только смотрят грубые, некорректные, на мой взгляд, диснеевские мультфильмы. Меня очень беспокоит грубость вокруг, оторванность от корней. Рассказывая истории о Юрии и о том времени с теплотой и любовью, я хочу, чтобы в современных детях осталось от наших бесед что-то светлое, теплое, чтобы они учились добру.

– Расскажите и нам пару любимых историй о Гагарине.

– Ой, любимые все, мне дорого абсолютно всё. Первое, что в голову приходит, – как Юра нашел время приехать на мой выпускной вечер. Подарил мне очень красивое платье и туфли – это были мои первые красивые туфли, белые лодочки. Еще помню, как он катал меня на серой гоночной машине, подаренной ему во Франции. Я как раз поступала на подготовительные курсы в МГУ, жила у него в Звездном, и мы с ним в 4 утра уезжали в Москву на этой двухместной «гонке» по совершенно пустому Минскому шоссе. Он спросил: «Хочешь, я тебе покажу скорость?» «Хочу», – ответила я. А самой страшно, я скорость не люблю. «Тормози!» – кричу. Тогда уже поехали тише. Юра мне никогда ни в чем не мог отказать. Отношения были тесные, по-родственному нежные. Однажды он даже взял меня на зимнюю охоту, это было как раз в его последний приезд на родину, 5 декабря 1967 года. Они с друзьями никогда женщин на охоту не брали. Говорили, женщина на охоте и на корабле – одно и то же. Я начала уговаривать: «Крестный, ну возьми!» Мне так хотелось побыть с ним. Он сказал: «Ай, ладно, собирайся, поехали!» А охота была на лосей. На лосей охотятся обычно так: охотники с ружьями стоят на номерах, а кто-то идет в загон – шумит и бренчит. Юру поставили со мной на номер, мы должны были стоять в идеальной тишине, не шевелясь. А какой там! Мы кричали, хохотали, валялись в снегу… Лося убить, конечно, не получилось. На обратном пути ребята ворчали: «Никогда больше бабу на охоту не возьмем!» Но это, конечно, не крестный говорил, он-то был доволен. Ему эта охота была нужна – да, в принципе, им всем, – чтобы пообщаться с природой, душой отдохнуть. Такая красота была в тот день! Тишина, морозная свежесть, запах елей и белый-белый снег…

«МАССКУЛЬТ И СМИ НЕ УБИВАЮТ, А ОГРАНИЧИВАЮТ ЛИТЕРАТУРНУЮ НОРМУ»

БЕСЕДОВАЛ
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ПОЧЕМУ ЛИТЕРАТУРА УТРАТИЛА СВОИ ПОЗИЦИИ, УСТУПИВ ВЕДУЩУЮ РОЛЬ В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА СМИ? И СМОЖЕТ ЛИ ОНА ВЕРНУТЬ СВОЙ БЫЛОЙ АВТОРИТЕТ? ОБ ЭТОМ И МНОГОМ ДРУГОМ КОРРЕСПОНДЕНТ «РУССКОГО МИРА.RU» БЕСЕДУЕТ С ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЧЛЕНОМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, ПРОФЕССОРОМ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО МАРИЕЙ ИВАНОВОЙ.

МАРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА, ВЫ разделяете мнение о том, что литература уступила лидерство в развитии современного русского языка средствам массовой информации?

– Видите ли, факторов, влияющих на развитие языка, много. Это прежде всего языковая традиция в семье, языковое образование в школе, общее состояние культуры. Книги, наконец. Но сегодня главным фактором, развивающим язык, действительно являются СМИ, а не литература, поскольку жизнь становится интереснее художественного вымысла. Новости актуальны, интересны, многообразны, рассказ о них краток и экспрессивен. А если речь идет о телевидении или Интернете, то еще добавляются картинка, звук, развлекательность. В обществе возрастает авторитет СМИ, и их языковые характеристики начинают влиять на литературную норму. Эти характеристики определяются особым типом общения – массовой коммуникацией. В связи с тем, что СМИ открыты для прямого социального воздействия, в эфире мы слышим не только речь подготовленную и продуманную, речь талантливых и образованных людей, но и речь невежественную, лексически бедную, а то и поток речевого мусора. Самое главное, в ней нет мыслей.

Но СМИ не сегодня вторглись в языковую ситуацию, это случилось раньше, когда Петр I принял решение печатать «Вести-куранты» – памятники деловой письменности, и первую русскую газету, «Ведомости». Но, во-первых, в ней были самые разнообразные сведения (от военных действий до описания диковинных предметов), во-вторых, эти сведения черпались из разных источников – из иностранных газет, из отчетов русских послов, из отписок воевод пограничных городов, из специальных записок купцов. Поэтому характер газетной речи был компилятивным. Но поскольку чтение газеты стало модным занятием, то и стиль газетного изложения отразился на общей языковой ситуации. В обществе началась мода на знание новых слов и речевых оборотов, заимствованных из газет. Это очень повлияло на пестроту русского литературного языка XVIII века и на разрушение принятого в предшествующие эпохи языкового стандарта в литературных текстах.

– То есть все повторяется, но уже на ином технологическом уровне? А электронная почта и SMS-переписка, язык социальных сетей и Интернета в целом приблизятся к классической литературной норме?

– Я думаю, они по-своему развивают язык, но к русской литературной норме не приблизятся. Язык новых СМИ лишен сложности продуманной формы, красоты выражений. В условиях глобализации, в условиях сокращения пространства и времени вырабатываются единые стандарты языка, упрощающие его. Они служат ускорению общения. В социальных сетях, в частности, реплики упрощаются и укорачиваются. Красота изложения, правильность и законченность речи становятся вторичными по отношению к задачам коммуникации. Но у социальных сетей есть другое интересное преимущество – возможность записи звучащей речи. Речь разговорная и речь письменная устроены по-разному. Чтобы наши разговоры записать, их надо подвергнуть определенной грамматической трансформации. Другими словами, осуществить перевод с разговорного языка на письменный. А в социальных сетях записывают разговорную речь, точнее, пишут свои разговоры без специального преобразования, что значительно снижает уровень владения литературным языком, снижает культуру речи, но что интересно с точки зрения лингвистики.

АНТОН БЕРКАСОВ

– Зачем?

– Чтобы лучше понимать глобальную деревню, в которую превращается наша жизнь. Это отражается на речи. Интернет – это же немного сплетен, немного подглядываний, немного пересудов, разговоров и много-много информации. Житель виртуальной деревни или пользователь Сети превращается в псевдоуниверсала – он все знает, все умеет, но не по-настоящему. Это ему кажется, что он, пользователь, знает и умеет все. Сеть, с одной стороны, разрушает национально-культурную традицию, языковую в том числе, не развивая сознания, с другой – позволяет каждому пользователю быть лженоватором. Например, любой художественный текст предполагает соавторство читателя. Талант мастера в том и состоит, чтобы допустить читателя до соавторства, но не дать ему исказить текст. А в Интернете мы можем не только найти нужную информацию, найти единомышленников, пообщаться с ними, но и создать свой оригинальный текст, стать автором. И псевдоуниверсал считает, что создает новый язык или новую, «продвинутую» стилистику общения, а на самом деле это всего лишь иллюзия, и его творчество не вызывает интереса. А вот для талантливого, образованного человека Сеть открывает большие возможности. Более того, только люди обширных знаний, чьи интересы выходят далеко за пределы Интернета, могли придумать *аську* вместо ICQ, *мыло* или *Емелю* вместо e-mail. Скажите, кто из невежественных людей может знать о существовании и образовании «олбанского» языка или так играть с языком? Но пользуются этим все, полагая, что они универсалы. Опыт доказывает: если с детства знать только Интернет, человек не получит ни необходимого интеллектуального развития, ни должного образования, что может привести и, к сожалению, приводит к узости мышления, к нарушению культурной и языковой традиции. И наоборот: образованному человеку Интернет предоставляет огромные возможности для совершенствования.

– Так как же новые слова не влияют на изменение литературной нормы, если, например, только за 2010 год слова *блогер* и *креатив* вошли в толковый словарь русского языка и в художественную литературу?

– О влиянии отдельных новых иноязычных слов на художественную литературу сказать ничего не могу, а об иностранных заимствованиях скажу. Они были всегда в русском языке. Как только появились первые письменные памятники в Древней Руси, в язык вошли заимствования из церковнославянского и греческого, потом – из польского, голландского и немецкого, латинского, еще позже – из французского, теперь вот – из английского. Заимствования – неотъемлемая часть развития русской лексики. Нужно иметь в виду, что при языковых влияниях активной стороной является заимствующая. Это означает, что русская языковая система нуждается в этих словах, во всяком случае, не сопротивляется их появлению, поскольку это одна из форм обогащения языка. Даже в теоретическом отношении достаточно трудно определять заимствования. Что считать заимствованиями? Например, слова *конверт, газета, манжет, нота* и многие другие сегодня для носителей языка лишены яркой иноязычной маркированности. Они, войдя в русскую языковую систему, адаптировались, стали склоняться по-русски. А многочисленные современные иностранные заимствования, которые в основном относятся к научно-технической терминологии, не являются проблемой языка. К сожалению, это проблема нашей технической отсталости, проблема необходимости инноваций и модернизаций. Именно так – яркими заимствованиями – язык сигнализирует об этой проблеме. Если бы в России создавались новые технологии, новые технические средства, то и новые термины, их обозначающие, звучали бы по-русски. У русских ведь величайшая научная терминологическая система, в основе

которой лежит языковая метафора. Так что если Россия станет лидером в разработке инноваций, изменится и наша речь.

– А как литература переваривает этот поток новых слов? Почему массовая литература – Дарьи Донцовой, Олега Роя или Оксаны Робски – ими живет, а большая литература как бы и не замечает? Не потому ли литература уступает лидерство в развитии языка не только СМИ, но и масскульту?

– Названные вами авторы – разного порядка. Донцова и Маринина – несколько устаревшая литература 90-х или периода «Бригады». Что касается Олега Роя и Сергея Минаева – это хорошие пиарщики и бизнесмены от литературы. До Робски в массовой литературе были только «чернуха» и «порнуха», а она добавила «гламур». Эти люди создали себя как проекты, и эти проекты с большим успехом реализованы. Правда, с моей точки зрения, их творчество не может рассматриваться с традиционных позиций больших художественных достижений. Такова особенность времени: у нас эпоха интересных личностей и событий, которые и реализуются через бизнес- или массмедийные проекты. Настоящая русская литература очень разная, не буду ее оценивать или ранжировать, у нас литература есть, и ее читают. В поэзии – это Владимир Костров, Тимур Кибиров, Евгений Рейн, Юрий Кублановский. В прозе – Владимир Орлов, Фазиль Искандер, Юрий Поляков, Дмитрий Быков, Сергей Есин, Александр Рекемчук, Александр Сегень, Павел Санаев, Виктор Пелевин, Борис Акунин, Илья Кочергин. В драматургии – Николай Коляда. Если говорить о женском феномене в литературе – это Татьяна Толстая, Людмила Улицкая, Нина Садур. Я многих не назвала. Современная детская литература последнее время была слабой, иногда возникало ощущение, что пишут дети для детей, играя в литературу. И вот произошло замечательное событие – Мариэтта Чудакова написала детскую политическую сказку о приключениях Жени Осинкиной. Это литература уровня Аркадия Гайдара, литература воспитания гражданской позиции и передачи духовного опыта.

– Насколько эта новая литература обновляет языковую норму? Или она тяготеет к классическому русскому языку?

– А по-разному. Дело в том, что диапазон нормы литературного языка широк. И в этом диапазоне есть возможности самого разнообразного языкового самовыражения. Другое дело, что эта новая литература, уступив лидерство в развитии русского языка СМИ, уже не формирует литературную норму. Потому что литература утратила свои безраздельно высокие авторитетные позиции, какими они были в XIX веке или в советскую эпоху. А в СМИ, к сожалению, идет если не разрушение нормы, то ее ощутимое колебание. Но главное, литература – дело очень серьезное и ответственное, литература должна проповедовать высокие нравственные идеалы. А сегодня потеряны ориентиры добра и зла в человеческой жизни, утрачиваются норма и культура поведения и, соответственно, культура речевого поведения.

– Как вы относитесь к модным утверждениям о том, что новая литературная норма трансформирует, например, творчество Толстого, поскольку будущее русской литературы – «это вместимость содержания «Войны и мира» в экран монитора»?

– Творчество Льва Толстого, как и любого другого выдающегося писателя, трансформировать или переделать нельзя. Не думаю, что те, кого интересует Лев Толстой, будут знакомиться с его произведениями в кратчайшем изложении. А тем, кому это совсем неинтересно, не нужен и краткий вариант. Ведь интерес представляет не только собственно сюжет «Войны и мира», который, если задаться целью, можно со значительными утратами уместить в несколько предложений. Роман интересен не только сложной историей, но и художественными приемами создания образов, языковой композицией, «диалектикой души» и т.д. Поэтому он может существовать только в том формальном объеме, который создал Толстой.

– Но ведь миллионы людей устраивает знать классику не для размышлений, а для информации. Даже целая отрасль такого рода мобильных романов возникает. Как, кстати, вы относитесь к явлению SMS-романов? Вот недавно хитом скачивания в Сети стал новый SMS-роман о любви Антона Первушина «Чтоб ты сдох». Позволите цитату из него? «Привет, милый! Ты где? Дозвониться невозможно. Я скучаю. М.
Хай любимая изв не успел позвонить мы с бочаровым экспедиции собр быстро мне не звони связь неустойч роуминг огромный лучше смс ок? люблю целую твой К». Причем, если первый SMS-роман написал китаец Кан Фучан и он состоял из 60 SMS-сообщений, каждое из которых должно было умещаться в 60 знаков, то русский роман построен на 70 SMS-сообщениях, каждое из которых вмещает предложения из 70 знаков.

– Думаю, все же в жанровом отношении это не роман, а технологическая концепция – чтобы каждая фраза укладывалась в размер SMS-сообщения. У большого писателя нет технической задачи, у него задача передачи духовного опыта художественными средствами. Я не думаю, что SMS-роман – это что-то принципиально новое. Это лишь форма эксперимента. Форма в литературе, конечно, очень важна. Она даже иногда может сама стать главным содержанием произведения. Еще Пушкин говорил, что после Шекспира в литературе делать нечего, имея в виду сюжеты. Но сам Пушкин написал многое в разных жанрах и формах. Много позже Набоков заметит, что важно не то, что написано, а важно то, как написано. Явление SMS-романа – это продолжение интереса к тому, как написано. Но это вряд ли достойно широкого обсуждения.

– Массовая культура в таком радикальном ее проявлении, как «концептуальный» SMS-роман, убивает литературную норму, не имеет к ней отношения или развивает ее?

– Убивает или развивает? Система национального русского языка устроена очень сложно, чтобы дать простой ответ. Эпицентр языковой системы составляет нормированный литературный язык. В систему входят и нелитературные формы употребления языка – разговорный язык, просторечие, территориаль-

ные и профессиональные диалекты, жаргон. У литературного языка помимо многих других есть охранная функция – вся сложная система национального языка существует благодаря языку литературному, благодаря противопоставленности, «оппозиции» в системе литературных и нелитературных форм языкового употребления. Поэтому литературную норму – а именно она определяет язык литературный – надо очень беречь. Если будет разрушена норма, не будет литературного языка, а без него разрушится вся русская языковая система. Например, русский мат. Я противница употребления мата в речи. Конечно, мое сопротивление касается только меня, а на мате никак не отражается. Но если разрешить наиболее грубую, сквернословную, экспрессивную форму выражения – мат в литературном языке, сделав его печатным, то пострадает не только литературный язык, но и мат, поскольку вся его суть – в запрете на него. А если он будет официально разрешен, он потеряет свою нарочитую грубость и экспрессивность за счет утраты оппозиции «низкое – высокое». Получается, чтобы уберечь мат, сохранить его особую функцию в речи, необходим запрет на его употребление в литературном языке. Что же касается литературной нормы, то она сформировалась в эпоху Пушкина, и я считаю, пушкинская литературная норма длится до сих пор. Заслуга Пушкина в том, что до него реформировали язык, отказываясь от тех или иных элементов. А новаторство Пушкина состоит в том, что он все разрешил, сделав главным источником постоянного обновления литературной нормы живой разговорный русский язык в наиболее правильных общенациональных формах. Он допустил использование в литературных текстах церковнославянских элементов, иностранных заимствований, живой разговорной речи, что по тем временам считалось вульгарным. Но главное – Пушкин выработал принципы соразмерности и сообразности использования генетически, культурно и социально разных языковых элементов в литературном тексте на основе благородной простоты и точности выражения. Еще Аристотель соразмерность и сообразность провозгласил принципами красоты. В связи с такими пушкинскими разрешениями диапазон нормы стал широким. Поэтому масскульт и СМИ не убивают литературную норму, они ее сужают и ограничивают. Это принято номинировать как колебание нормы, а не разрушение. Масскульт не развивает ее, замусоривает – да. Продолжает? Возможно, хотя спорно. Впрочем, есть мнение, что пушкинский период в развитии литературной нормы заканчивается. И теперь новая литературная норма будто бы создается не в литературе, а в СМИ. Не создается. На мой взгляд, СМИ приспосабливают норму к новой эпохе. Правда, с некоторыми утратами и с нарушением принципов соразмерности употребления различных языковых элементов в тексте и сообразности их авторскому замыслу.

– Не потому ли, что активные читатели ушли в СМИ, у нас стали меньше читать литературу?

– Мне кажется, народ читал и читает не меньше, чем раньше, и книги, и газеты, и электронные СМИ. Что же касается утверждений, что люди перестают читать, я не знаю таких людей, которые бы не читали – газеты, журналы, Донцову или классику. Культура чтения у нас есть. Действительно ли раньше моя страна была самой читающей в мире или желаемое выдавалось за действительное? Но для того, чтобы окончить школу и получить аттестат зрелости, необходимо было знать всю русскую литературу, а при поступлении в вуз ее надо было знать очень хорошо. Но все же, полагаю, это миф, будто мы были самыми читающими, как и новый миф, будто сегодня мы перестали читать. Истина всегда где-то посередине. Думаю, в семье, где есть традиция чтения, она передается из поколения в поколение. Разумеется, новые технологии массмедиа и Интернет усложняют этим традициям жизнь, но не отменяют их.

– Как полагаете, сможет ли большая литература и дальше формировать литературную норму языка или инициатива его развития окончательно отойдет к СМИ?

СМИ не сегодня вторглись в языковую ситуацию, это случилось раньше, когда Петр I принял решение печатать «Вести-куранты» и первую русскую газету, «Ведомости».

– В 1802 году Николай Карамзин написал статью «Отчего в России мало авторских талантов?». Представляете, это самое начало XIX века – эпоха Радищева, Новикова, Крылова, Державина, Дмитриева, Жуковского и самого Карамзина. С его точки зрения, этого мало. Может быть, и нам сегодня всего лишь кажется, что литература хуже и слабее, чем была прежде. А может, мы, как в самом начале XIX века, стоим перед прорывом, когда за карамзинской эпохой последовала пушкинская? И вслед за засорением русского языка грубыми выражениями, техническими терминами и заимствованиями наступит эпоха его обогащения, обновления и духовного совершенствования? Мой прогноз не печальный. В русской культуре есть такая сокровищница былого и дум, которая сохраняет и национальную литературу, и язык русского народа.

«ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ВЫГОДНЫЙ БИЗНЕС»

БЕСЕДОВАЛ
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО
[МОСКВА–ДОХА]

ТРЕВОЖНЫЙ ДИАГНОЗ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПОСТАВИЛ II ВСЕМИРНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ САММИТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ (WISE), ПРОШЕДШИЙ НЕДАВНО В СТОЛИЦЕ КАТАРА – ДОХЕ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ВСЕ МЕНЕЕ ДОСТУПНЫМ СТАНОВИТСЯ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ – В МИРЕ РАСТЕТ ЧИСЛО НЕГРАМОТНЫХ. С ДРУГОЙ – УСИЛИВАЕТСЯ КОНКУРЕНЦИЯ ЗА УМЫ И КАК СЛЕДСТВИЕ – ЗА ЭКСПОРТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ДОХОДНУЮ ОТРАСЛЬ ЭКОНОМИКИ. О ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ, КОТОРУЮ ЭКСПЕРТИЗА ООН КВАЛИФИЦИРУЕТ КАК РЕГРЕСС, В ЭКСКЛЮЗИВНОМ ИНТЕРВЬЮ «РУССКОМУ МИРУ.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ WISE, ЭКСПЕРТ ООН, ДОКТОР АБДУЛЛА БИН АЛИ АЛЬ-ТХАНИ.

ДОКТОР АБДУЛЛА, ПОЧЕМУ ООН настаивает на том, что надо комплексно решать две проблемы: унифицировать начальное и среднее образование и, модернизируя высшее, делать его доступным и стандартным по всему миру?

– Проблема в том, что человечество встало перед новым тревожным вызовом: с одной стороны, мир, благодаря высоким технологиям и скачку прогресса, превращается в глобальную деревню, с другой – разрывы в образе жизни обитателей этой глобальной деревни опасно поляризуются. Сегодня в мире из 1,9 миллиарда детей 75 миллионов не ходят в школу, из них 41 миллион – девочки. Около 700 миллионов детей и подростков, можно сказать, неграмотны, если учитывать требования XXI века, хотя в школу многие из них ходили два-три года. По разным подсчетам, число детей, которым современная, технически оснащенная школа окажется недоступна, к сожалению, в ближайшие годы вырастет. Вот и встает новая проблема: кто будет управлять высокими технологиями? Безграмотные люди? Технологии усложняются, динамика развития ускоряется, а число образованных людей, даже с начальным и средним образованием, сокращается. К тому же доступность и качество высшего образования – из-за его дороговизны в развитых странах и низкого уровня в развивающихся – в целом тоже снижаются. Цель ООН – переломить негативную тенденцию. К 2015 году WISE рассчитывает достичь всеобщего среднего образования в мире, а к 2018–2020 годам – создать систему единых стандартов высшего образования, с тем чтобы квалифицированные специалисты свободно перемещались по миру и их дипломы если не повсюду, то в большинстве стран признавались.

– Однако делегаты WISE в Дохе в публичных выступлениях часто говорили о невыполнимости и даже утопичности этих целей. Вы с ними не согласны?

– Ситуация действительно ухудшилась, и вряд ли в ближайшие годы цель будет достигнута. Число детей, которым недоступно образование, растет даже там, где была ликвидирована безграмотность. Это страны бывшей советской Средней Азии, часть стран Латинской Америки, включая экономически растущую Бразилию, Индия, ряд государств Северной Африки. Только один пример. В 1981 году «культурная революция» отбросила Китай на двадцать лет назад. Сегодня уровень образования в КНР, несмотря на мощную динамику экономического и культурного роста, так и не достиг количественного и качественного уровня 1970 года. Но самая острая проблема в другом: регресс произошел и не сбавляет темпы не только в количестве, но и в смыслах образования. Анализ ООН показывает, что в семьях, где от 5 до 10 детей, только 3,4 ребенка получают среднее образование и 0,1 – высшее. В Латинской Америке родители забирают детей из пятого-шестого класса, с тем чтобы увезти их на заработки – на кофейные или наркоплантации. В Азии и Африке порог лишения ребенка образования еще ниже – после третьего-четвертого класса и даже раньше. Возвращение

HTTP://WWW.FLICKR.COM/PHOTOS/WISEOFFICIAL/

к патриархальному, основанному на натуральном хозяйстве и обменной торговле образу жизни в эпоху глобализации чрезвычайно опасно. Поэтому ООН настаивает на введении в законодательства стран положения, запрещающего забирать детей из средней школы. Но правительства не всех стран согласны на введение такого закона. Индия, например, догоняет по темпам экономического роста Китай, однако остается в числе наиболее отстающих стран в области начального и среднего образования. Одновременно ее ученые, особенно в области высоких технологий и ИТР, среди самых востребованных в мире. Значит, можно решить проблему? Надеюсь, вы не отвергнете мой оптимизм и культурный волюнтаризм, но выход я вижу все же в увеличении доступности среднего и высшего образования и надлежащем управлении этими процессами на уровне стран.

– Как вы относитесь к упрекам в адрес Организации Объединенных Наций ряда арабских стран и Китая, утверждающих, что стремление ООН унифицировать высшее образование вызвано нечестной конкуренцией? По их мнению, это делается для того, чтобы окончательно сделать экспорт высшего образования выгодным для США и ЕС, на которые приходится подавляющее большинство иностранных студентов. К тому же утечка умов станет, как они считают, необратимой.

– Как к двум фактам – как к факту превращения образования в выгодный бизнес и как к факту наличия конкуренции, с чьей-то точки зрения, недобросовестной. Обучение иностранцев стало фактором стимулирования экономического роста ряда стран. Сегодня образовательные услуги для иностранцев предлагают 1050 вузов из 140 государств, хотя основная конкуренция идет между США, ЕС, Австралией и Японией. К этому процессу подключились Южная Корея, Россия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар и еще группа стран. Но подавляющее большинство иностранных студентов учатся в ЕС и США. Проводя активную иммиграционную политику, США и ЕС получают за год примерно миллион квалифицированных специалистов из числа иностранцев. Это еще более ценная прибыль от организованного рынка образовательных услуг, нежели плата иностранных учащихся за проживание и обучение. Можно, разумеется, воз-

мущаться продуманной политикой развитых стран в области экспорта высшего образования, а можно у себя создавать условия для подобного образования. Это выбор каждой страны и ее властей.

– Что такого сделали Саудовская Аравия, Япония, Катар и ОАЭ, что стали самыми динамичными странами из культивирующих экспортное высшее образование?

– Мы открываем университеты, работающие по международным стандартам, приглашаем преподавателей из ведущих вузов мира, за счет стажировок и технического переоснащения поднимаем уровень своих преподавателей и образовательных учреждений. В итоге – предлагаем иностранным студентам хороший стандарт качества высшего образования, с дипломом, который признают в большинстве стран.

– Ваши страны сознательно переманивают абитуриентов из Средней Азии, которые традиционно обучались в России, а теперь едут к вам, или вы проигрываете конкуренцию за студентов другим странам?

– Повторюсь, это бизнес. К 2009 году финансовые показатели мирового рынка образовательных услуг достигли 115 миллиардов долларов. ВТО включила образование в список услуг, торговля которыми, в случае заключения соответствующего Генерального соглашения, будет регулироваться его положениями. Вот мы и действуем исключительно в рамках правил ВТО.

– В борьбе за иностранных студентов российское высшее образование для вас конкурент?

– Почему только за иностранных? В России традиционно учится немалая доля студентов из арабских стран, включая мою страну – Катар. Что доказывает высокий статус и качество на уровне мирового российской системы высшего образования. Однако Россия, ЕС и даже США, не выращивая кофе, его продают. Почему и страны арабского Востока не могут научиться торговать высокоинтеллектуальным продуктом – высшим образованием?

– На ваш взгляд, какое значение в наметившемся оттоке иностранных студентов из России имеет проблема межнациональных конфликтов и как эту проблему решает арабский Восток?

– К сожалению, проблема цивилизационных и межрасовых столкновений в мире не решена и усугубляется. Новое поколение конфликтов, когда они происходят на межрасовой или межкультурной почве между разными колониями приезжих рабочих и принимающей страной, требует новых подходов в их урегулировании. Образование и образованность играют в этом ключевую роль. Улучшение и модернизация системы образования помогают расширять представления людей о мире и сближать их, даже стирать границы. Наша сверхзадача, пока не решенная ни в одной стране, – образование устойчивого развития, то есть через образование снижать долю конфликтов и повышать устойчивость мирного соседства. Что

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

О ТОМ, ЧТО РОССИЯ СПОСОБНА ПРЕДЛОЖИТЬ И ПРЕДЛАГАЕТ МИРОВОМУ РЫНКУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И КАК ОНА НАМЕРЕНА ДЕРЖАТЬ ЗАВОЕВАННЫЕ И РАСШИРЯТЬ НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ, «РУССКОМУ МИРУ.RU» РАССКАЗЫВАЮТ ВЕДУЩИЕ ЭКСПЕРТЫ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.

КАК НЕ ОТКАТИТЬСЯ В КАМЕННЫЙ ВЕК

Владимир ФИЛИППОВ, ректор РУДН, бывший министр образования России, автор концепции вхождения России в Болонский процесс, провозгласивший создание единого образовательного пространства в Европе:

«Система мирового образования действительно меняется. Я приятно удивлен позицией ЕС, который открыто провозгласил конкуренцию с США. ЕС заявил, что намерен построить самую сильную и конкурентоспособную в мире общеевропейскую систему высшего образования. Ее имя – «Болонский процесс», он подразумевает единые стандарты высшего образования и создание единого образовательного пространства в Европе с целью взаимного признания дипломов и свободного перемещения специалистов. Система «бакалавр–магистр» как составная часть Болоньи принята в России, в частности, и для того, чтобы в числе прочих проблем решать проблему утечки мозгов. Окончив бакалавриат, выпускник может поступать в магистратуру другого вуза. В США, например, считается дурным тоном после бакалавриата учиться в магистратуре того же университета. В некоторых университетах США это даже запрещено, а у нас – наоборот. В 2009 году приказом Минобрнауки введено, что поступать в магистратуру можно только через вступительные экзамены. Но у нас не принято, чтобы выпускники-бакалавры ездили по России и конкурировали с выпускниками других вузов за лучшие места. У нас преподаватели предпочитают своего бакалавра под вступительный экзамен подготовить так, чтобы не брать «чужака». Вот и получается, что в РУДН или МГУ до 90 процентов бакалавров поступают в «свою» магистратуру. Должно же быть иначе: до 90 процентов поступающих в магистратуру МГУ, СПбГУ, РУДН – это лучшие выпускники других вузов. Когда студенчество начнет свободно перемещаться по стране в поисках образования на уровне международных стандартов, у него отпадет надобность ехать за границу. Но пока у нас такая система не создана. Хотя, кажется, РУДН нашел выход. С ректорами французских, китайских и немецких вузов мы договорились о программах двойных дипломов – их уже более 30. Их суть – год в магистратуре в РУДН, год – за границей, и выпускники получают два диплома – российский и вуза-партнера. То есть, уезжая, студенты, возвращаются в Россию специалистами с двумя дипломами. Так система совместных магистратур позволяет к минимуму свести утечку мозгов, а иностранным студентам получать двойные дипломы, фактически не покидая Россию как страну обучения. Это есть наш ответ усиливающейся конкуренции за умы. Ведь в глобальном мире оставаться на старых позициях, не приняв новых вызовов, означает откатиться в каменный век, что еще сильнее простимулирует утечку мозгов на всех уровнях. Вот и остается – конкурировать».

не отменяет конкуренции в тех же вопросах экспорта высшего образования. Как и во всех прочих.

– Может, все же правы оппоненты WISE и ООН из стран Латинской Америки и Северной Африки, когда утверждают, что конкурировать на сложившемся рынке высшего образования с ЕС и США могут только те, у кого есть сверхдоходы, например от нефти и газа, как у Саудовской Аравии, России, Катара?

– Конкуренция – сложный и неровный процесс. Обратите внимание – против роста платы за образование бастовали сначала Испания, Италия, потом Германия, сегодня – Великобритания. Значит, все не так просто в секторе образования этих стран. Их сложный опыт модернизации процесса обучения доказывает, что образование – это марафон. И дело не только в росте стоимости. Полагаю, проблема европейских забастовок заключается в том числе в монопольной цене на услугу. Проблема ЕС сегодня – это проблема баланса в финансировании образования, которую я бы сформулировал так: как человеческий капитал превратить в финансовый актив? Надо искать. Катар и Саудовская Аравия решают ее, опираясь на частный бизнес, который в первую очередь руководствуется прибылью. Но доход бывает не только быстрым. На Востоке, опираясь на доходы от углеводородов, пришли к пониманию, что корневая инвестиция – инвестирование в образованные кадры. Пусть это и отсроченная прибыль. Главное – это понять.

– Не приведет ли такой подход – превращения системы высшего образования в отрасль экономики – к одним убыткам? Особенно у тех, кто не котируется на этом рынке?

– Как показывает опыт экономических преобразований разных стран, примерно на десятый-пятнадцатый год реформ, когда появляются устойчивые признаки роста, государство встает перед выбором: вкладывать прибыль от ВВП в доходы населения или в его здоровье и образование? Одна группа стран, обделенных природными ресурсами, – Индонезия, Тунис, Малайзия, Мальта и Южная Корея – вкладываются в образование и здоровье своих народов. Другая, имеющая полезные ископаемые, – Китай, Саудовская Аравия, Алжир, Оман – в рост доходов населения, а потом в образование и здоровье. Россия пытается держать баланс. У каждой страны свой опыт, но большинство из них приходит к пониманию, что надо искать инновационный путь выживания системы образования. В частности, вузам дать свободу заниматься предпринимательством через систему технопарков и научных парков. Университеты будущего должны иметь право автономно делать деньги для вуза, деньги, которые бы облагались льготными или даже символическими налогами. Ну а дальше как в большой экономике: успешные выдержат конкуренцию, неуспешные – обанкротятся.

КОНСОРЦИУМ ВУЗОВ – НОВЫЙ ВИД ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Виктор САДОВНИЧИЙ, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова:

«Обучение иностранных граждан действительно может стать одним из самых прибыльных видов экспорта XXI века. Образование в промышленно развитых странах все в большей мере развивается как экспортная отрасль. Например, в США оказание образовательных услуг иностранцам является пятой по значимости (размерам вклада в национальную экономику) статьей экспорта. В 2002 году в США создана специальная федеральная служба, занимающаяся проблемами набора иностранных студентов. Еще ранее аналогичные структуры были созданы в Великобритании, Франции и Германии. У России тоже немалый опыт, но на новом этапе мы понимаем, что обучение иностранных студентов должно крепиться на инновационных основаниях. Одно из них – создание научных парков и технопарков, которые параллельно с теоретическими знаниями дают студентам и аспирантам практические навыки и возможность приличных заработков, например для оплаты учебы. В МГУ научный парк есть. Да, он создан в зазорах между законами, но в 90-х закон не запрещал ЗАО. У нас сооружено 13 зданий, где работают 2,5 тысячи аспирантов и студентов на 50 предприятиях. Они выдают программные, медицинские, лекарственные наукоемкие продукты и другие. Наш научный парк, пожалуй, самый сильный в России. «Наукограды» и «Силиконовые долины» – это здорово, но это будущее, а научные центры при университетах уже зарабатывают сотни миллионов рублей, двигая науку вперед. Такой подход есть вопрос новой философии высшего образования. Проверенная веками философия Запада – каждый университет сам по себе. Он обеспечивает свое преимущество путем конкуренции и за счет активности-выживаемости. В России другая, сложившаяся за века философия. Я считаю, нам надо и дальше интегрировать университеты. На данном этапе это и есть некоторая философия, названная консорциумом вузов. Это новый вид интеллектуального предприятия. Есть правила, по которым создается малое предприятие, – университет предоставляет некие площади, оборудование, интеллект персонала, а бизнесмены, располагая ноу-хау, ставят цель выпускать некий высокотехнологичный продукт. Так мы получим не только развитие науки, но и внедрение ее идей. А попутно – иностранных студентов, которые захотят одновременно получить теоретический и практический опыт, который им не смогут дать иные вузы. На рынке образовательных услуг конкурентоспособность определяется соотношением цены и качества. По этим показателям российское высшее образование востребовано, иначе бы в России не учились студенты из 140 стран. К нам ехали и будут ехать. Отечественное образование имеет знак качества, определяемый не только государственными стандартами – а их нет в большинстве стран, – но и признаваемый культурной планкой, ниже которой образование упасть не может».

ОТЦОВСКОЕ ПРАВО

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ
[САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]

РОССИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ОТЦОВ НЕ ПОХОЖЕ НА ЗАПАДНЫЕ АНАЛОГИ. У НАС НЕ ПРИВИЛАСЬ ТАКТИКА БРИТАНСКИХ «ОТЦОВ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ», КОТОРЫЕ С ЦЕЛЬЮ ПРИВЛЕЧЬ ВНИМАНИЕ ОБЩЕСТВА К СВОИМ ПРОБЛЕМАМ БРОСАЛИ ЯЙЦА В ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА, ВЗБИРАЛИСЬ НА ТАУЭРСКИЙ МОСТ И ДУРАЧИЛИСЬ НА БАЛКОНЕ БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА.

«ПАПА-ШКОЛЫ», КОТОРЫЕ сегодня работают в шести районах Петербурга, завезли два года назад из Швеции.

– Рекламу программы Men in Russia я увидел на улице, пришел, послушал, – рассказывает руководитель Центра социальной помощи семье и детям Невского района Николай Еремин. – Многие знакомые мужчины хотели бы принимать более активное участие в воспитании ребенка. Вполне разумно, что этому нужно учить. Как ни странно, сами матери часто противятся, чтобы им помогал супруг. Поэтому бытовые премудрости лучше усваиваются мужчинами среди себе подобных.

…Они садятся в круг и говорят о волнующих их вещах: роддомах и акушерах, УЗИ и ЭКО, колясках и кроватках, грудном вскармливании и молочных смесях. Они – как правило, ребята до тридцати лет – говорят, что отчасти их привело сюда обилие информации в Интернете.

– На форумах все стали грамотные, с одинаковой убедительностью доказывают противоположные мнения, и попробуй разберись, – говорит Антон Полозов. – Поскольку опыт – сын ошибок трудных, я хочу учиться на чужих глупостях, вместо того чтобы городить собственные. Вы, кстати, не в курсе, как инъекции пенталгина влияют на семинедельный плод?

У многих посетителей курсов есть жены и комплект бабушек. Это значит, что они вполне могут сосредоточиться на зарабатывании денег и просмотре игр Лиги чемпионов. Но они прежде всего хотят быть отцами и все уметь: пеленать, ставить «простудные» диагнозы и знать, что не все памперсы одинаково полезны. Кажется, что их беседе не помешал бы круглый стол, уставленный бутылками с пивом. Но у них – машины под окном и желание быть дома через два часа.

– Мы не отмечаем, даже если кто-то из группы «родил», – рассказывает Андрей Петров. – Отцами надо становиться до рождения ребенка, а не когда ему нужно косить от армии.

Кураторы говорят, что участники «папа-групп» приходят за ответами на вполне конкретные вопросы. Обязательно ли колоть новорожденного всем тем, что рекомендуют в поликлинике? Что вреднее: гепатит В или его профилактика? Если у ребенка нет зубов две недели, нужно ли беспокоиться?

«Папа-группы» бесплатны, и после занятий здесь не предлагают «лучшие в мире памперсы» или «гербалайф».

– Я большую часть занятий молчу, если обсуждение идет активно, – рассказывает куратор Дмитрий. – Молодые отцы нуждаются не столько в советах, сколько в уверенности, что они все делают правильно. Обычно мужчины понимают в раннем развитии ребенка примерно так же, как женщины – в особенностях дриблинга Лионеля Месси. Им важно знать, что Игорь и Петя делают то же, что и они.

Многие посетители «папа-групп» не рассказывают женам, что ходят на занятия. Хотя жены, скорее всего, их похвалят. Но они хотят излучать и демонстрировать уверенность, будто умели пользоваться памперсами всю жизнь.

Восстание машин

На занятия группы «антитерминаторов» участники проходят тихо, сдержанно обмениваются рукопожатиями и сваливают пальто в кучу. Большинство из них немолоды и обеспеченны. Со стороны можно подумать, что здесь собрались изучать португальский язык или философию Рерихов. На самом деле все они – насильники. И добровольно пришли сюда в надежде победить порочную натуру.

Общественное движение «Мужчины XXI века» создало на Васильевском острове на базе МО №7 центр психологической помощи для мужчин, склонных к насилию. То есть для тех, кому адресован хрестоматийный плакат «Поздравляя, не сорвись!». Для тех, про кого Высоцкий пел: «Я женщин не бил до семнадцати лет, в семнадцать ударил впервые…»

Приходя сюда первый раз, они называются Лешами и Сережами и говорят, что паспорт забыли дома. Такой визитер поначалу рассказывает, как случайно толкнул жену плечом, а она упала с лестницы. Чтобы он рассказал правду, ему нужно три-четыре занятия послушать чужие откровения. Некоторым необходимы индивидуальные занятия с психологом, чтобы правда постепенно прорывалась наружу: «Ну, я это… короче… слева ее немного приложил».

Философ Мераб Мамардашвили писал, что ад – это не черти и костры, а осознание своего падения, своей темноты. Иногда основная работа психолога заключается в том, чтобы не перебивать этот поток сознания: «Ну и накатил ей, короче, ногами раз десять. Мне руками нельзя, я же боксер…»

Нужно добиться, чтобы в рассказе пациента было как можно меньше оценочных категорий и как можно больше сухих фактов: «Я вешу 115 килограммов при росте метр восемьдесят семь. Моя жена весит 56 килограммов при росте метр шестьдесят два… Первый раз я ударил ее восемь лет назад в конце на-

«ПАПА-ШКОЛЫ»

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

шего медового месяца… За прошедшие полгода я дважды покупал ей очки… Она неоднократно пыталась уйти от меня с дочерью, но у нее нет средств к существованию, а ее родители живут в Хабаровске». Чем бесстрастнее факты, тем скорее они превращаются в пищу для ума, тем быстрее наступает прозрение и ужас от собственной низости.

Психолог Анна Александрова говорит, что проблема семейного насилия очень тесно связана с рюмкой водки за ужином. Для подавляющего большинства мужчин это обстоятельство служит оправданием: «Ну, поймал чертей к 5 января, с кем не бывает… Что, совсем пить бросать?.. Не, ну я же мужик». А пить надо бросать уже потому, что избиение началось беспричинно. Часто бывает, что проснувшийся поутру «терминатор» ни бельмеса не помнит и пылает гневом, глядя на распухший нос супруги: «Кто это сделал, зайка?» Но в девяти случаях из десяти побитая жена не пойдет жаловаться. Добровольный визит супруга в группу «антитерминаторов» – это следствие его внутреннего разлада. И в этом смысле клиент не безнадежен, ведь человек чего-то стоит, когда в нем начинается борьба.

– Я побивал жену пару раз в год, чтобы закрепить свое превосходство, – рассказывает Павел. – Однажды на даче мы нарвались на хулиганов, и я, похоже, выглядел бледно. Вот тогда я увидел в глазах жены настоящее презрение и решил, что жизнь надо менять.

Схватки с отцом

По статистике Минздрава, 25 процентов россиян положительно относятся к присутствию отца во время родов. Среди 20-летних за роды с папой выступают 42 процента.

В роддомах роды с отцами не любят, хотя за присутствие папаш берется плата: от 3 до 50 тысяч рублей. Бывают случаи, когда потрясенный увиденным мужчина теряет голову: орет на врачей, мешает делать уко-

лы. Ему кажется, что его жена и ребенок умирают или умерли. Иногда санитары вынуждены вязать папашу ремнями, вместо того чтобы помогать роженице. Либо отец ведет себя спокойно, а потом без единого слова падает в обморок – и на него поневоле приходится отвлекаться. Для снятия нервного напряжения родитель постоянно бегает курить, может и напиться.

Эти случаи – первое, что рассказывают врачи об «отцах-роженицах». Затем выясняется, что подобные эксцессы происходят в роддоме три-четыре раза в год. И получается, что роды с отцами в большинстве случаев не доставляют медикам серьезных хлопот. А с 2007 года в России официально зарегистрирована новая профессия – перинатальный психолог. Это специалист, который подготовит отца к родам и присмотрит за ним, пока сам отец будет присматривать за женой и врачами.

– Уже сегодня каждые восьмые роды в Петербурге проходят в присутствии отца, – рассказывает перинатальный психолог Андрей Беркутов. – Со временем в общественном сознании на эту тему и вовсе произойдет переворот.

Среди психологов нет единства, помогает ли женщине присутствие мужа при родах. Но ей однозначно греет душу согласие держать ее за руку в трудный момент.

– Я «рожал» с женой двенадцать лет назад, и почти все мои знакомые меня не поддержали, – рассказывает петербуржец Сергей. – Некоторые даже стали относиться ко мне чуть брезгливо. Но прошло время, и у меня стали спрашивать советы. Более половины знакомых пошли моим путем.

В поисках доверия

В России всего 6 процентов детей воспитываются одними отцами. Как правило, это вдовцы. Для сравнения: в Европе 15–20 процентов судебных дел по опеке над детьми выигрывается мужчинами. Для европейских судей решающее значение имеет то, кто ближе ребенку, с кем ему будет лучше.

Тридцатидвухлетний петербуржец Алексей был вынужден развестись с супругой, которая после рождения дочери стала вести разгульный образ жизни, пока он успевал и работать, и заниматься ребенком. В Америке, например, имеющихся у Алексея фактов с запасом хватило бы для того, чтобы ребенка оставили с ним. Райсуд в Петербурге их даже не рассматривал. Заседание длилось 10 минут – ребенок остался с матерью.

– Бывшая супруга сразу сказала мне, что за каждое двухчасовое свидание с ребенком я должен буду платить ей 100 долларов помимо алиментов, – рассказывает Алексей. – Я платил. Я приходил в отремонтированную мною квартиру, где постоянно находились ее знакомые. Ребенком никто не занимается, вокруг – курят, ругаются, пьют. Она брала из моих рук алименты и тут же отправляла «гонца» в магазин. Потом дочка пожаловалась мне, что мама ее бьет. И я решился похитить ребенка. Мать никаких серьезных поисков не вела и даже в милицию не обращалась. Мы третий год живем на съемной квартире, но мне надоело скрываться, как преступнику.

Алексей хочет снова обратиться в суд, легализовать свой отцовский статус. Но сначала нужно привести дочь в органы опеки и попечительства, где ее могут просто отобрать.

Петербургский врач Борис в течение двух лет добивался лишения своей жены-алкоголички родительских прав. Добился – судья доверила опеку над ребенком дедушке с бабушкой по материнской линии.

– По закону судья ведь должна руководствоваться интересами ребенка, а мой девятилетний сын умолял не разлучать его с папой, – рассказывает Борис. – Как выяснил мой адвокат, в молодости муж бросил «вашу честь» с двумя детьми. Теперь я – отец-«нелегал».

В России существуют сотни групп взаимопомощи одиноких отцов. Самая, вероятно, древняя – столичные «Мапулечки», возникшие четырнадцать лет назад.

– Нам звонят отцы из разных городов СНГ, и не более трети из них – вдовцы, – рассказывает президент «Мапулечек» Николай Белоусов. – Остальные хотят отстоять свое право участвовать в воспитании детей.

Юрист из Петербурга Андрей Серпухов ведет группы взаимопомощи на социальном сайте.

– Отцы защищают не свои права, а права детей, – говорит Серпухов. – Если ко мне приходит подозрительный субъект, который хочет отобрать ребенка у нормальной матери, чтобы отыграться за какие-то обиды и решить проблемы, я не буду ему помогать. Даже если он вызывает уважение, но ребенок хочет остаться с матерью – все равно не буду. А большинство отцов, которые к нам обращаются, хотят просто регулярных встреч со своим ребенком.

По данным опроса ВЦИОМ, 80 процентов разводов в России инициируют матери. Если бы не их уверенность, что бывший муж при этом превратится в дойную корову, этот процент был бы значительно ниже. Лишь 17 процентов женщин хотели бы более частых встреч отца с ребенком, 41 процент не желают их вовсе. Две трети мамаш считают, что отец не оказывает никакого влияния на становление личности ребенка.

– Есть устойчивые гендерные стереотипы: например, будто женщина не может грамотно водить машину, а мужчина – ухаживать за ребенком, – говорит глава центра психологической помощи «Кэт» Людмила Крапухина. – Он якобы его обязательно простудит, утопит, уморит голодом. В нашей стране исторически мать воспринимается как героиня, а отец – как подозрительный субъект, который «сделает ноги», стоит государству ослабить хватку.

В 77 процентах российский семей, которые не решились еще завести ребенка, «тормозом» служит мужчина, опасающийся в случае развода лишиться своего чада навсегда. По поводу женских сомнений у ВЦИОМ цифр нет, но и без них понятно: никакого улучшения демографии в России не произойдет, пока в семьях не будет доверия сначала друг к другу, а уже потом к справедливости судей.

– Я решилась завести первого ребенка, когда осознала, что муж потом не будет сбегать от нас в соседний бар, – рассказывает Марина из Петербурга. – Как я это поняла? Уверена, что не от обилия книг о детях, которые он читал. Книг мало. Надежного человека нужно почувствовать. Сейчас у нас трое детей.

НА КРАЮ СВЕТА

БЕСЕДОВАЛА
САША КАННОНЕ

САМЫМИ АКТИВНЫМИ МИССИОНЕРАМИ СЛЫВУТ КАТОЛИКИ И ПРОТЕСТАНТЫ. НО РАЗВЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ НЕ СТОЛЬКО ЖЕ, А МОЖЕТ, И НЕ БОЛЕЕ СДЕЛАЛИ ДЛЯ ОБРАЩЕНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ ЯЗЫЧНИКОВ? ПО МЕРЕ ОСВОЕНИЯ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ РУССКИЕ БАТЮШКИ ШЛИ НА СЕВЕР И НА ВОСТОК, ОКОРМЛЯЯ НАСЕЛЕНИЕ ОКРАИН РОССИИ. ЭТО БЫЛИ ВЕЛИКИЕ ПОДВИЖНИКИ, СОВЕРШАВШИЕ ЧУДЕСА ВЫНОСЛИВОСТИ, ТЕРПЕНИЯ И СМЕЛОСТИ. СЕГОДНЯ ЭТУ ТРАДИЦИЮ ПРОДОЛЖАЮТ НАШИ СОВРЕМЕННИКИ. НАЧИНАЯ С 1996 ГОДА ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА, СВЯЩЕННИК ХРАМА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В КУЗНЕЦАХ ИЕРЕЙ АНДРЕЙ БЛИЗНЮК ПРОПОВЕДУЕТ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ И В ПОМОРЬЕ. ПОСЛЕДНИЕ ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ОН ВОЗИТ С СОБОЙ СТУДЕНТОВ ПСТГУ.

Сравнивать православных миссионеров с миссионерами других конфессий начали не сегодня. Довольно остро этот вопрос стоял уже в середине XIX века, и уже тогда ответ на него был не в пользу православия. По-вашему, это справедливо?

– Действительно, эта тема исследована недостаточно. В советское время официальная историческая наука многое зачеркнула и забыла. Между тем у нас богатейшая миссионерская история, начало которой приходится на момент Крещения Руси. Нашим первым великим миссионером был князь Владимир. Он немало порадел за обращение язычников, за что и был причислен к лику святых. В большинстве российских княжеств Крещение принимали добровольно. За князем последовал народ. Уже через шестьдесят лет после официального принятия христианства появляется «Слово о законе и благодати», то есть святитель обращается к пастве, уже начитанной книгами! Значит, не просто покрестились, а стали читать, изучать свою веру. Это удивительный опыт обращения. Очень скоро у Владимира появились последователи, причем не только в лице церковных иерархов. Мы знаем, что первые митрополиты у нас были из греков. Их проповедь опиралась на византийскую миссионерскую традицию, насчитывающую тысячу лет. Но наряду с ними первые российские монастыри также включаются в эту деятельность. В Киево-Печерском патерике читаем: новгородские монахи идут и просвещают народ. XV–XVI века – это монашеская миссия. Как только монголо-татарское иго было свергнуто и появилась свобода передвижения, ученики Сергия Радонежского двинулись на север. Святые братья дошли до «Студеного моря-окияна» – до Белого моря, где и началось создание монастырей, таких как Соловецкий, Валаамский, Трифона Печенгского, Антония Сийского. Эти обители стали центрами просвещения. Куда бы ни доходили монахи, везде вокруг них образовывалась особая среда. Например, Соловецкий монастырь собирал трудников – молодых ребят, которые, попадая в обитель, учились ремеслу и просвещались. Далее началось движение встречь солнцу, на восток. Пик этой активности приходится на XVIII–XIX века – эпоху экономического развития России. Миссионеры следовали за промышленниками, которые осваивали Сибирь, Урал и Дальний Восток. И вся эта колоссальная миссионерская работа до конца до сих пор не изучена. Так, мало кто знает о Валаамской миссии на Аляске. Она была очень непростой. Первый ее этап оказался неудачным. Одни ее участники, как отец Ювеналий, погибли от рук язычников, иные, к примеру иеромонах Макарий, – в результате кораблекрушения. Узнав об этом, Иркутская епархия отправила вослед им других

АНТОН БЕРКАСОВ

проповедников, в том числе отца Иоанна Попова-Вениаминова (в будущем – святитель Иннокентий Московский), который стал, можно сказать, апостолом Америки и Сибири. В 1867 году Россия продала эти земли Америке, но до сих пор 80 процентов коренных жителей штата Аляска православные. Большие трудности возникли у православных аборигенов, когда там образовались промышленные центры по добыче рыбы, золота и пушнины и туда приехали другие миссионеры – протестанты. Но, несмотря ни на что, местные жители свою веру сохранили. Значит, не формально миссионеры ее передали! При этом наши проповедники не просто крестили людей, они их просвещали. Святитель Иннокентий рассказал им, как строить дома, обучил ремеслам и даже создал алеутскую азбуку и письменность. До нас дошли составленные им специальные таблицы для зверобойных промыслов – когда нельзя зверей убивать, чтобы сохранить популяцию. В Якутии также не знали ни грамоты, ни письма. Приходский священник отец Дмитрий Хитров, впоследствии епископ Якутский, перевел Евангелие и богослужебные книги на якутский язык. Так возникла якутская письменность.

– Католические миссионеры в Вест-Индии также занимались изучением местных языков.

– Католики обратились к переводам гораздо позже. Только в 1963–1964 годах Второй Ватиканский собор дает разрешение на перевод Священного Писания и литургии на национальные языки. До этого момента их можно было изучать, но не переводить на них богослужебные книги, писанные на латыни. У нас этой проблемы никогда не было. Мы уже в IX веке получили Евангелие на понятном языке от равноапостольных Кирилла и Мефодия, и наши православные миссионеры сразу же стали переводить и проповедовать на местном языке. Святитель Иннокентий переводит «Отче наш» для алеутов. Его перевод никто не мог оценить по достоинству, потому что никто не знал этого языка, между тем он доносит до обращенных самую суть молитвы. Например, у алеутов нет понятия «хлеб». Как им «хлеб наш насущный» перевести? Основная их пища – рыба, и он переводит: «Рыбу нашу насущную». А что делал отец Дмитрий для якутов? Что было на Алтае и у других народов? К нашему стыду, в Америке, в штате Аляска, есть музей святителя Иннокентия, а у нас такого музея нет, хотя это наш святой. Его мощи почивают в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, в Успенском соборе, но, в отличие от американцев, его музея у нас нет. Это несправедливо.

– Момент, что мы переживаем сейчас, похож на тот, в который работали первые миссионеры?

– Он отличается тем, что сегодня мы идем не к язычникам.

– А это не тот случай, когда сложнее переучить, чем научить заново?

– В каком-то смысле это так. Сложность в том, что человек крестится и считает себя обращенным, но при этом продолжает жить как жил. Это огорчает. Ведь наша задача не просто покрестить людей в отдаленных районах, но сделать так, чтобы акт обращения стал ежедневной практикой. А с этим проблемы. Иное дело новообращенные язычники. Святитель Иннокентий Вениаминов более двадцати лет жил среди алеутов, сначала на Лисьих островах, а потом на острове Ситка. В его записках предстает образ прямо-таки святой Алеутии. Он пишет, что не может вспомнить, чтобы кто-то из его паствы совершил смертный грех. Эти люди не просто приняли веру и крестились. Обращение наложилось у них на естественное безгрешное состояние, порожденное удаленностью от соблазнов цивилизации. Если бы они жили в контакте с внешним миром, как это происходит с неверующими сегодня, плоды такого обращения, наверное, были бы печальны. Крестившись, люди приобщаются к европейской цивилизации, и не только к ее добродетелям, но и к ее грехам. Об этом пишет в своей повести «На краю света» Николай Семенович Лесков.

Нашим первым великим миссионером был князь Владимир. Он немало порадел за обращение язычников, за что и был причислен к лику святых.

– Когда вы совершили свой первый миссионерский поход?

– Это случилось в 1996 году. В наш университет (тогда еще институт) обратился епископ Герман Якутский. Он просил прислать к нему миссионеров, так как в его епархии, по площади равной пяти Франциям, было всего два прихода. Эта территория не имела ни железных дорог, ни иных средств коммуникации. Переезд из одного города в другой возможен был только на самолете. В стране шел жестокий кризис, не хватало священников, и местные жители умоляли епископа, чтобы тот прислал хоть кого-нибудь для совершения обрядов исповеди и крещения. Наш ректор протоиерей Владимир Воробьев откликнулся на просьбу епископа, по-

ехал сам и собрал группу сопровождения. Я в нее записался.

– Это было послушание или вы сами решили участвовать?

– Я мог бы отказаться. Это было совершенно добровольно, но я очень хотел. К тому времени я уже много знал о русских миссионерах в Сибири, и пройти их путем было для меня мечтой. И вот эта мечта сбылась.

– А так всегда и происходит!

– Да, это отклик свыше. Потянулся, начал изучать, а тут и отклик. В следующем году будет пятнадцать лет, как я занимаюсь миссионерской работой. И, конечно, то, что мы увидели, тронуло сердце. Когда мы приехали в якутский поселок Зырянку, нас встретили всей общиной – в национальных костюмах, с хлебом-солью, с приветствием на якутском языке – и повели в храм, бывший детский садик, закрытый во времена кризиса и переоборудованный под церковные нужды. И везде очень тепло принимали, и были удивительные встречи, и много желающих покреститься. Было понятно, что народ очень и очень ждет. В поселке Черском, бывшем лагерном поселении, в посудном складе оборудовали храм. В нем мы служили и крестили. Сейчас мы туда уже не ездим. В Якутии появилось много своих молодых священников, которые не только окормляют приходы, но и совершают миссионерские поездки по епархии. Кроме того, это очень накладно летать в Якутию. Поэтому сейчас мы только вспоминаем эти поездки с любовью. Для нас, молодых священников, это было большой школой. Потом я ездил в Архангельскую область, на Алтай, Байкал и в Пермь. В 1998 году побывал на Пенеге, а с 1999-го регулярно ездил на Мезень. В два района Архангельской области, Мезенский и Лешуконский, я 12 раз ездил.

– Почему именно туда?

– Потому что там я больше всего покрестил, а ведь не только покрестить, надо еще и учить, как заповедал Господь. В последние наши поездки мы уже не крестим, а только проповедуем. Идем в школы, клубы, устраиваем встречи, беседуем.

– И много приходит людей?

– По-разному. Летом бывает трудно, потому что много промыслов. Раз мы приехали на Пенегу – нас никто не встречает. Мы удивились: они же сами просили! Оказалось, выдались солнечные дни – и если не собрать сено, то оно сгниет. А у них же коровы у всех. Прибегает женщина и говорит: «Простите, у нас день год кормит сейчас!»

– А храмов там нет?

– В первые наши приезды ни храмов, ни священников не было, и мы служили в клубах, в спортзалах школ. На крещение людей собиралось много, человек по сто, и летом обряд совершали на полянах. Потом общинам стали выделять специальные помещения под храмы. Допустим, на Мезени в селе Койнас передали здание лесхоза, и мы там служили литургию, а в Лешуконском прибывшему священнику Владимиру Стрельникову дали просто пустую избу, которую позже он переоборудовал в храм.

– И так окормляется вся российская глубинка?

– Конечно. При этом у каждого современного миссионера складываются свои личные связи с епархиями. Допустим, я познакомился с епископом Архангельским и Холмогорским Тихоном, и он благословил меня на миссионерские поездки на Мезень. А когда уж съездишь, покрестишь, совесть же неспокойна. Думаешь, покрестил, а как люди там живут, служить кто будет – священников тогда еще не было... И даже когда священники появились, им все равно было трудно, потому что сел много, с транспортом проблемы, а денег нет. Мы когда приезжали, нам дорожники бесплатно машину давали. Местным батюшкам ее трудно получить, они-то свои, а мы из Москвы, нам неудобно отказать. И вот мы брали машины, и с этими местными священниками у нас получались замечательные совместные путешествия.

– По приезде вам случалось встречать других миссионеров?

– Евангелистов встречали. Как-то я отправил к ним своих студентов с предложением прийти на нашу встречу в клуб. Народ спрашивает: «У нас здесь живут евангелисты. Чем вы отличаетесь?» Я и предложил обсудить это не за глаза, а на общем диспуте. Они вроде пошли на контакт, но потом сами же его оборвали. А что до мусульман, то в этом регионе они редкость. Только в одной школе, в селе Вожгора, такой симпатичный черноглазый мальчишка был. Он оказался очень любопытным и больше всех вопросов задавал. В другой раз мы устраивали встречу с солдатами на космодроме в поселке Мирный Архангельской области. Некоторые из них были мусульмане. Они писали очень интересные записки. Допустим, какие пророки в исламе и христианстве едины, как по-нашему звучат их священные имена, какие православные ученые перешли в ислам. Они почему-то думали, что Менделеев, Пушкин и Гагарин в конце жизни стали мусульманами.

– Какие встречи вас поразили больше всего?

– Удивительная бабушка Марфа Андреевна Буторина из деревни Долгощелье. Ей 103 года. Мы с ней видимся всякий раз, как я попадаю в это место. Представьте себе бабушку, которая лежит у себя за печью, на кровати, в той же одежде, в тех же варежках – из года в год, как будто время для нее остановилось. Дверь открыта (это поморская традиция, здесь не запираются), я захожу, она: «А-а, здрасьте, это вы?» Как будто я с ней вчера только расстался! Эта бабушка – живая летопись. Она может рассказать некоторые события из своей жизни до Первой мировой войны. Помнит церковные песнопения, как их исполняли век назад, поморские песни. Храмы в 1920-е уже были закрыты, прекратились службы, не стало священников, но она продолжала верить, молиться, петь.

– В ходе миссий вам случалось видеть обращение людей?

– Для этого мы и ездим. После беседы в клубе мы предлагаем всем, кто пожелал принять веру, встретиться во время крещения. Многие крестятся.

КАПИТАН БЕЗ КОРАБЛЯ

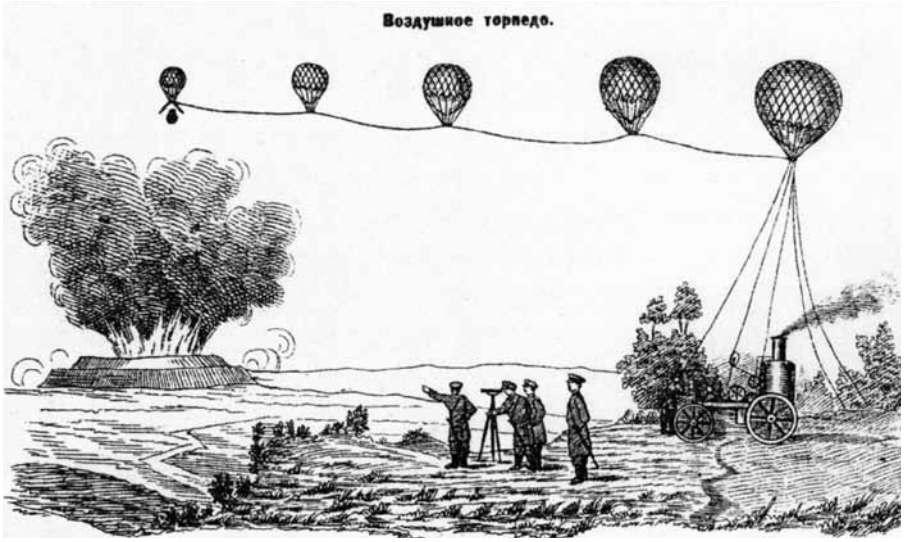
МИХАИЛ БЫКОВ

ЛЕТОМ 1878 ГОДА В ДОХОДНОМ ДОМЕ НА ТРОИЦКОЙ УЛИЦЕ В ПЕТЕРБУРГЕ ПОСЕЛИЛСЯ НОВЫЙ ЖИЛЕЦ. ВЫСОКИЙ, ПЛЕЧИСТЫЙ, С ОГРОМНОЙ ЧЕРНОЙ БОРОДОЙ И ЧЕРНОЙ ЖЕ ПОВЯЗКОЙ НА ГЛАЗУ. НА ПЛОХОМ РУССКОМ ОН ПРЕДСТАВЛЯЛСЯ КАПИТАНОМ РУССКОГО ФЛОТА. А ПО ВИДУ БЫЛ СУЩИЙ ПИРАТ! ЗВАЛИ ЕГО ОГНЕСЛАВ КОСТОВИЧ, ПО-РУССКИ – ИГНАТИЙ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

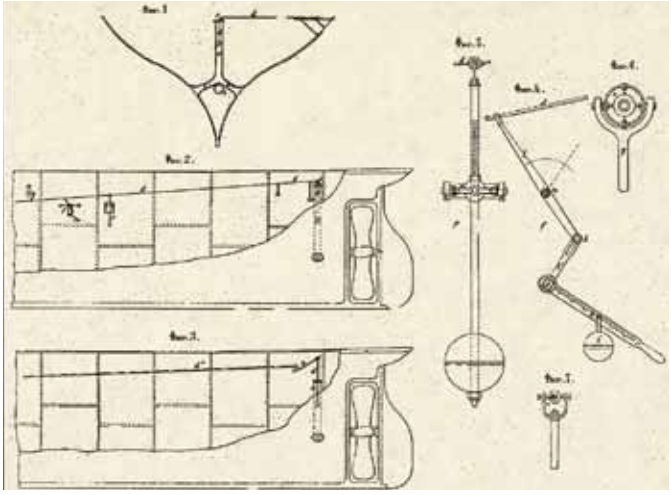
СЕЙЧАС ТРУДНО СКАЗАТЬ, обладал ли этот господин с весьма экзотической внешностью какой-либо харизмой. Никаких свидетельств тому не осталось. Но вот что любопытно: на протяжении десятков лет, что прожил Игнатий Костович в России, он с успехом проникал в такие высокие кабинеты, что простому русскому смертному и во снах не достучаться.

Первым таким местом оказался кабинет великого князя Александра Александровича, наследника российского престола. На стол цесаревича легло прошение, из которого следовало, что посетитель – автор четырех изобретений, реализация коих не терпит отлагательства. Насколько необычно выглядел сам изобретатель, настолько оригинальными оказались и его предложения. Скажем, подвесной бруствер… Или – походный чемодан… Или – регулятор скорости



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бомбардировка с аэростата. «Воздушное торпедо» И.С. Костовича



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Морской регулятор скорости. Чертеж из патента И.С. Костовича

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Цесаревич Александр Александрович. Фотография С. Левицкого

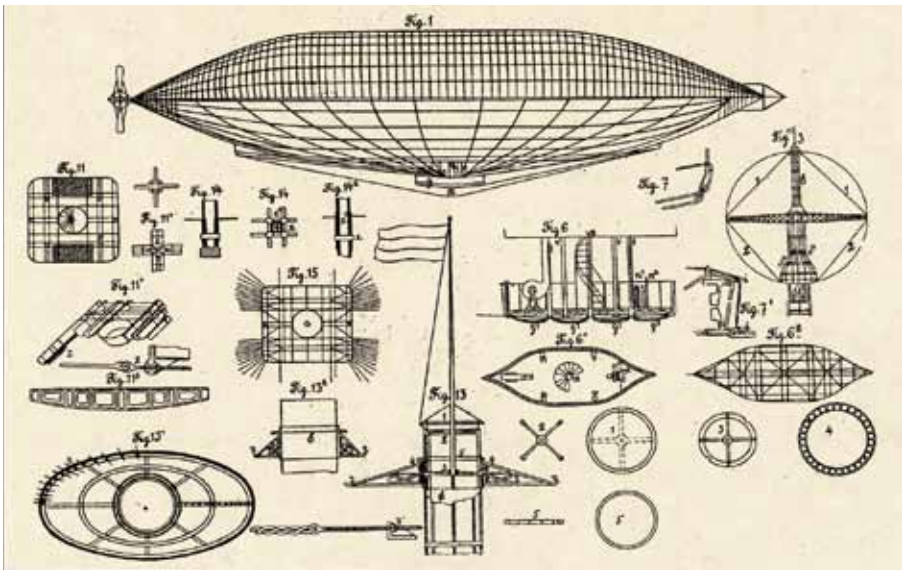
паровых судов… Особое внимание будущего императора Александра III привлек проект постройки подводной лодки. Вскоре одноглазый великан рассказывал адъютанту великого князя капитану I ранга Баранову: «Лодка рассчитана на 8 человек, на 20 часов подводного плавания, берет на борт 12 торпед…» От великого князя, его адъютанта, а также Морского министерства Костович просил самую малость: рабочих, материалы и верфь для постройки «рыбы-лодки».

Нельзя сказать, что идея строительства подводного корабля была нова. Первым мысль о таком транспортном средстве высказал еще Леонардо да Винчи. Ровно за триста лет до явления Костовича в Петербурге британец Боурн описал гренландскую лодку, сшитую из тюленьих шкур. В 1620 году в водах Темзы успешно испытали весельную подлодку, созданную голландцем Дреббелем. Российский крестьянин Ефим Никонов в начале XVIII века продемонстрировал Петру I опытный экземпляр «потаенного огненного судна». Засим и застопорилось, ибо император умер, а остальным до подводного флота дела не было. В XIX веке попыток, в том числе и удачных, было в достатке. В 1846 году француз Пейерн испытал лодку с паровым двигателем. В 1864-м американцы доказали возможность использования подобных конструкций в бою: лодка конструктора Ханли потопила винтовой корвет и ушла с места боя невредимой. А спустя два года на Балтийском заводе спустили на воду первую русскую субмарину инженера Александровского. В том же году, когда в России появился господин Костович, в Одессе опробовали подлодку конструкции инженера Джевецкого. Казалось бы, что тогда привлекло внимание великого князя и специалистов Морского министерства?

Первая попытка «продавить» идею Игнатию не удалась. Не помог даже великий князь. В 1878 году адмиралы посчитали идею «сырой». Костович около двух лет корпел над чертежами и весной 1880-го представил в Морской технический комитет уже целый пакет документов. Изобретатель гарантировал, что судно длиной 22,5 метра, шириной 3,6 метра и высотой 4,2 метра с водоизмещением 180 тонн будет погружаться на глубину 45 метров, двигаться в надводном положении со скоростью 20 узлов (38 км/ч), в подводном – 12 узлов (20 км/ч) и нести при этом боекомплект в 12 торпед. Костович заявил мощность двигателя в 1000 л.с., но на главный вопрос членов комитета так и не ответил. О каком, собственно, двигателе шла речь?

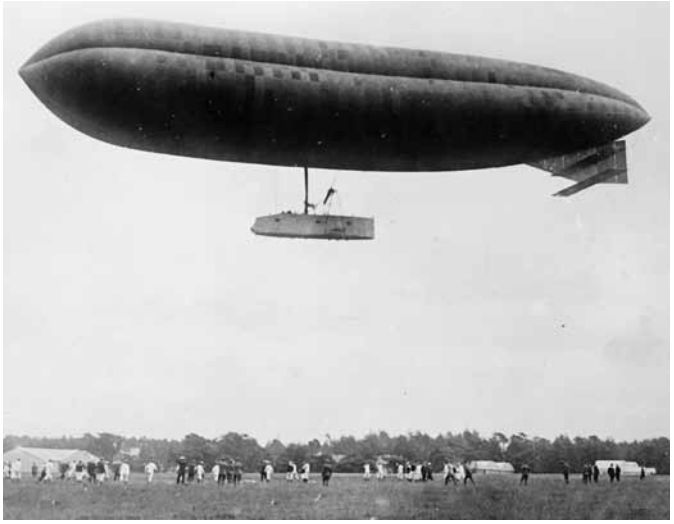
К тому времени на подлодках использовались паровые и пневматические двигатели. Но для них такая

ИГНАТИЙ КОСТОВИЧ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Чертеж дирижабля «Россия»



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Полет дирижабля. Конец XIX века

мощность немыслима. Скрыл капитан Игнатий и другое: лодка не имела балластных цистерн, и, каким образом обеспечивался процесс погружения-всплытия, для морских волков из министерства оставалось тайной. Открыть эти тайны Костович был готов только при условии, что Морское министерство даст средства на постройку и закупит опытный образец. После – и карты на стол.

Несмотря на положительное заключение по проекту, адмиралы рисковать казенными деньгами и собственными креслами не захотели. Но Костович не сдался. В том смысле, что забрал чертежи и прочие бумаги, и где они – до сих пор неведомо.

Если проанализировать изобретения одноглазого инженера позднего периода, связанные более с небом, чем с водой, то можно высказать предположение о типе придуманного им секретного двигателя. Видимо, речь шла о двигателе внутреннего сгорания. Да-да… Хотя в первом варианте Костович планировал разгонять свою лодку до 38 километров в час с помощью… матросов – в две человеческие силы.

Не исключаю, что появились желающие бросить в Игнатия Костовича камень с выбитой на нем надписью «авантюрист». Напрасно!

Параллельно с проектом «рыбы-лодки» он предлагал и другие. Куда более успешные. Не стоит, наверное, вдаваться в технические подробности по поводу морского регулятора скорости, но вердикт таков – патент купили за 10 тысяч рублей. Имелись и другие успехи.

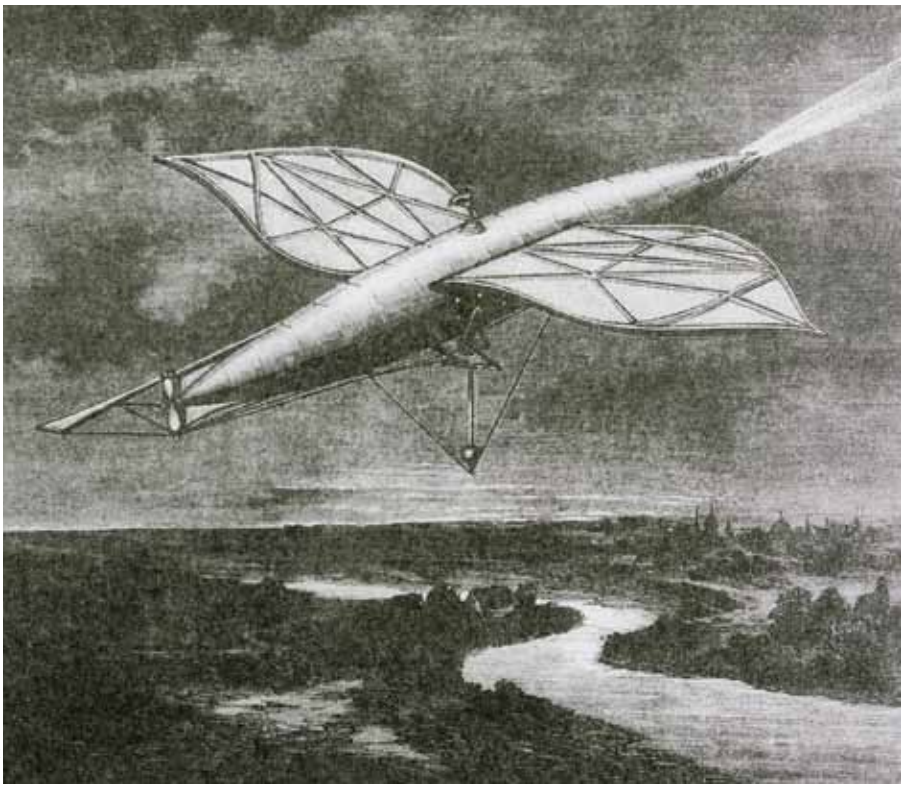
Костович – пионер в изобретении «арборита». На самом деле это – знакомая нам фанера. Вот только пропитывали многослойный материал на фабрике изобретателя специальным клеем, состав которого он так никому и не открыл. К фанере нынче отношение, мягко скажем, легкомысленное. Но вспомним, что спустя лет тридцать после изобретения Костовича этот материал использовал великий русский конструктор Сикорский при создании самого большого для своего времени самолета, «Илья Муромец».

Фанера, то бишь «арборит», понадобилась Игнатию для важного дела. Это потом, когда целый ряд его изобретений и конструкций не оправдали ожиданий или погибли по воле рока, выяснилось, что листы из склеенного шпона хорошо кормят. Фабрика в селе Малое Рыбацкое под Петербургом, принадлежащая Костовичу, исправно клеила трубы, чемоданы, бочки, ящики. Новый продукт пользовался колоссальным спросом и был не только прочен, но и дешев. Ведь Костович использовал для изготовления «арборита» самое никчемное на Руси дерево – осину.

Деньги Игнатия Стефановича интересовали мало. В обывательском смысле слова. Но он готов был искать их всюду с единственной целью – финансировать собственные проекты.

В 1879 году в журнале «Воздухоплаватель» появилось сообщение о том, что в редакции собралась группа энтузиастов во главе с Костовичем, дабы приступить к строительству нового воздушного судна, которого еще не знали в мире. И заодно для определения этому судну достойного ему имени. Определили – «Россия»!

В 1881 году Костович объяснил стране, что же за птицу он собирается выпустить в небо. По проекту управляемый дирижабль выглядел так: 65 метров в длину, 12 метров в диаметре. Двигательной силой должен был стать мотор, уменьшенный вариант которого изобретатель уже испытал на катере собственной конструкции. На дирижабле планировалось установить такой же, только больше – мощностью 80 л.с. Интересно, что опыты с двигателями внутреннего сгорания к тому моменту велись уже вовсю. В том чис-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Аэроскаф» И.С. Костовича. Гравюра из журнала «Огонек». 1882 год

ле в Германии, инженерами, фамилии которых сегодня, в отличие от фамилии Костовича, известны всей планете – Даймлер и Бенц. Однако никто не использовал в качестве топлива бензин, а на предмет зажигания – электрический ток. Посему получавшиеся движки для транспорта оказывались непригодными.

Первоначально средства на строительство дирижабля «Россия» собрали среди акционеров соответствующего ОАО. Когда эти деньги кончились, Костович обратился в Военное министерство. Там в проект поверили и оказали поддержку. Не смущало даже то, что во Франции в 1884 году инженеры Кребс и Ренар подняли в воздух управляемый дирижабль и посадили его в заведомо определенное место. Французский монстр двигался с помощью электромотора. А Костович упорно стоял на том, что будущее за бензиновым машинным сердцем.

Кто ж теперь будет спорить с Игнатием Стефановичем!

В 1888 году Костович получил патент на изобретение ДВС в Британии и США, в 1892-м – в России. До XXI века дожил один экземпляр двигателя. Его сохранили в Музее ВВС в подмосковном Монино. Кстати, вес двигателя – 240 килограммов. Это без газового аппарата, через который поступало топливо, и холодильника, защищающего от перегрева.

Дело двигалось медленно. В 1889 году, когда двигатель и детали корпуса были готовы, потребовалось последнее финансовое вливание – 40 тысяч рублей на сборку. На этот раз в военном ведомстве Костовичу отказали. И на тебе – разразилась буря, и часть деталей, сложенных в ангаре, погибла в огне.

В складированном виде дирижабль «Россия» пролежал на Охте без малого двадцать лет. А когда о нем вспомнили, было уже поздно: в небе царили дирижабли немца Цеппелина, но главное – начиналась эра самолетов.

Костович эти двадцать лет без дела не сидел. Он изобретал стратостаты, станки, воздушные телеграфы, гидроаэропланы…

В 1912 году в Петербурге появилась женщина по имени Мария, дочь Костовича от первого брака. Приехала из Белграда. С одной целью – уговорить отца уехать из России на родину, в Сербию.

В 1848 году в семье сербского дворянина Костовича, осевшей в венгерском Пеште, родился мальчик. Назвали его Огнеславом. Отец мальчика Стефан был судовладельцем на Дунае. После школы судьба мальчишки определилась сама собой – он стал водить отцовы корабли по знаменитой европейской реке. Так бы оно и шло дальше, не начнись на Балканах русско-турецкая война. Компания отца продала два судна для российской флотилии, без которой противостоять туркам на Дунае было весьма затруднительно. Австро-венгерские власти не слишком поощряли контакты подданных с русскими эмиссарами. Но этнические сербы Костовичи выразили полную готовность помочь. За штурвал второго корабля встал Огнеслав. Долгим оказался на сей раз его путь по Дунаю. И плен в турецкой крепости Видин познал, и тяжелое ранение в голову получил, из-за которого потерял глаз. Добравшись до русских, решил остаться! И ехать в Санкт-Петербург, благо громадный портфель с чертежами и проектами умудрился сохранить. Там, в Северной Пальмире, думал тридцатилетний серб, им самое место.

Несмотря на известность и множество патентов, полученных от русской власти, Костович до конца дней оставался австро-венгерским подданным. «Недосуг заниматься, – объяснял он всякий раз, когда заходил разговор на эту тему, – я славянин и телом, и душой. Русский капитан я, неужели не видно?»

В Сербию Игнатий Стефанович с дочерью не поехал. Лег в русскую землю в самом начале 1917 года. За Невской заставой, в селении Фарфорового завода, на кладбище Спасо-Преображенской церкви.

При подготовке текста использованы: Черненко Г.Т. Жизнь и необыкновенные приключения капитана Костовича. СПб., «Остров», 2001; материалы Российского государственного архива Военно-морского флота и Государственного Исторического музея.

«ТРОЕЧИСЛЕННОЕ ЧИСЛО ВСЕМУ ДОБРУ НАЧАЛО…»

Храмовое искусство Руси и России

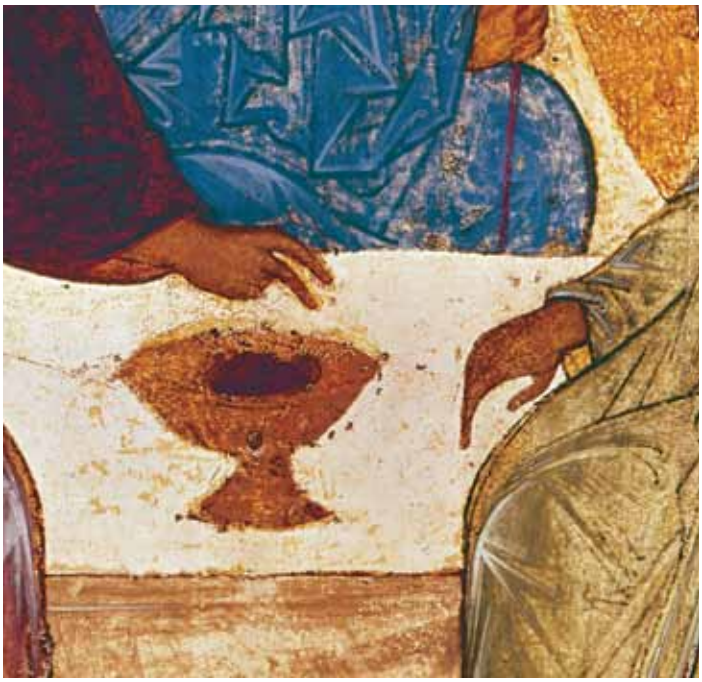
АЛЕКСАНДР КОПИРОВСКИЙ

РУБЛЕВСКАЯ «ТРОИЦА» – ОДНО ИЗ СЕМИ ЧУДЕС РОССИИ – ТОЛЬКО СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА СТАЛА ПРИВЛЕКАТЬ К СЕБЕ ВНИМАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ. С ТЕХ ПОР КОЛИЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ЕЙ, ПРЕВРАТИЛОСЬ В МОРЕ. В НЕМ МОЖНО, ОДНАКО, ВЫДЕЛИТЬ НЕСКОЛЬКО «ОСТРОВОВ», ПОДРОБНО ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В АНТОЛОГИИ Г.И. ВЗДОРНОВА «ТРОИЦА АНДРЕЯ РУБЛЕВА».

СРЕДИ НИХ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ и, пожалуй, наиболее ярким можно назвать размышление священника Павла Флоренского из статьи «Троице-Сергиева лавра и Россия». В ней он писал о «Троице» так: «Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира <…> Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струящийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь – более небесную, чем само земное небо, да, эту воистину пренебесную лазурь, несказанную мечту протосковавшего о ней Лермонтова, эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг пред другом покорность – мы считаем творческим содержанием Троицы».

Действительно, не раз отмечалось, что в этой иконе само понятие сюжета переосмысляется: действия как будто не происходит. Но фигуры ангелов никак нельзя назвать застывшими. Каждый из них склоняет голову (в отличие от бывших ранее изображений «Троицы», где средний ангел практически всегда показан выпрямленным). Внимательный взгляд отметит, что средний ангел чуть-чуть больше двух боковых. И что головы их склоняются неодинаково: у правого от нас – больше, у левого – меньше, чем у среднего. А еще – что их жесты тоже неодинаковы. Средний ангел обращает руку прямо к чаше, левый делает это несколько издали. А рука правого странно повисает

РИА НОВОСТИ



РИА НОВОСТИ

Чаша и руки ангелов «Троицы» Рублева

над столом, что дает повод при беглом осмотре увидеть ее как будто бессильно поникшей…

Нет, что-то происходит! И позы, и жесты, и одежды ангелов, и предметы (посохи, чаша, стол, дом, дерево, гора) – все это раскрывает замысел иконописца, несводимый к остановке «мгновения, которое прекрасно». Причем не только его замысел – ведь за ним стоит почти тысячелетняя изобразительная традиция иконописи. Нужно учесть и то, что эта традиция тоже родилась не на пустом месте, унаследовав опыт еще примерно тысячелетия греческой художественной культуры. Духовная же традиция христианского Средневековья гораздо больше этого, поскольку она включает в себя и весь Ветхий Завет.

Обо всем этом мы поговорим ниже – ведь и названные, и не названные детали изображения позволят нам подойти к ответу на вопрос **«как?»**, последнему в серии вопросов-«ступенек» (напомню: «что?», «где?», когда?», «как?»), поставленных в предыдущем номере журнала и поднимающих нас к сокровенному смыслу таинственного рублевского образа. Этот вопрос, разумеется, не предполагает только искусствоведческого ответа. Как писал в той же статье о. Павел Флоренский, «нам, в порядке эстетическом, важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, – а то, что он воистину передал нам узренное им откровение». Но это откровение воплощено в красках и формах, для него иконописец нашел определенные приемы. Они не самодостаточны и не могут быть сведены к понятию «чистого искусства» (этот термин не вполне корректен и для начала XX века, а уж тем более – для начала XV). Однако они способны его воплотить. И поэтому, будучи осмыслены в категориях средства, а не цели, они для нас, конечно, очень важны. Можно даже сказать, что не столько Рублев являет миру икону «Троицы», сколько этот образ сам, в определенном смысле, «является» в мир через труд и вдохновение великого иконописца.

«ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЕВА

«Троица». «Список» монаха Паисия
из Иосифо-Волоколамского монастыря.
1480-е годы. Музей им. Андрея Рублева

Трапеза или ее символ?

Итак, сюжет – трапеза – как будто оставляется за скобками образа. Один из иностранных исследователей «Троицы», француз Л. Рё (L. Reo), даже написал: «Ангелы забыли о еде…» Это не совсем так, и даже совсем не так. Ведь «Троица» – не картина! И приписывать иконописцу принципиальный отход от канонического сюжета, пусть даже ради большей мистической глубины образа, значит отрицать его укорененность в духовной традиции, с которой он глубочайшим образом был связан. И благодаря которой (а не вопреки ей, как писали в советское время) он достиг в своей иконе духовных и художественных высот. В чем же здесь дело? В том, что это не обычная, но реальная еда. Обманчивое впечатление об абсолютной символичности трапезы, не более чем намеке на нее, создается, отчасти, из-за плохой сохранности первоначальной рублевской живописи. Сколько раз в разных книгах и статьях подчеркивалось, что здесь на столе перед ангелами одна чаша, и больше ничего! Однако это неверно. Подробное описание состояния сохранности иконы, сделанное на основании реставрационных протоколов 1918–1919 годов, позволяет утверждать: все, что было на столе, кроме чаши, утрачено. Вот сухие строчки из этих протоколов, опубликованных Ю.Г. Малковым: «Живопись верхней доски стола счищена до левкаса. В основном фрагменты первоначального желтого цвета (светло-золотистая охра) сохранились над верхним краем чаши и у пальцев правой руки среднего ангела».

Конечно, можно предположить, что на столе больше ничего и не было. Но о том, что чаша там была не единственным предметом, ясно говорит первая из дошедших до нас свободная копия (точнее, вариация – «список») рублевской «Троицы», сделанная всего через семьдесят лет после нее в Иосифо-Волоколамском монастыре монахом Паисием (ныне она – в постоянной экспозиции Музея имени Андрея Рублева в Спасо-Андрониковом монастыре). На ней рядом с чашей – два круглых хлеба, точнее, не просто круглых, а составленных каждый из двух небольших круглых хлебцев. Те, кто часто бывает в храме, ни с чем их не спутает: это пр*о*сфоры (от греч. προσφορά – «приношение». – **Прим. авт.**), хлеб, который приносится в храм как поминание за живых и усопших. Помимо них на столе изображены небольшие треугольные частицы хлеба, которые священник вынимает из просфор во время богослужения, с одновременным произнесением имен поминаемых людей, с помощью небольшого треугольного ножа – «копи*я*». Такую частицу и держит в руке правый от нас ангел на иконе паисиевской «Троицы». Значит, если бы сохранилась желтая скатерть, изначально покрывавшая стол на рублевской иконе, такие же просфоры и их частицы можно было бы увидеть и на ней. Вот откуда непонятное вначале изображение как будто «печально повисшей» руки правого ангела у Рублева!

Жест сложенных «двоеперстно» рук среднего и левого ангелов (два пальца, указательный и средний, – вытянуты, а три – прижаты к ладони) тоже имеет прямое отношение к трапезе. Он явно направлен к чаше: это прежде всего жест благословения, который всегда используется священником по окончании молитвы перед едой. Итак, трапеза на иконе Рублева показана одновременно как обычная еда и как священнодействие, но не абстрактно-символическое, а тоже реальное. Это часть главного христианского церковного богослужения – литургии, или евхар*и*стии (от греч. ευχαριστία – «благодарение». – **Прим. авт.**). Только на ней используется чаша для причастия, стоящая на расширяющейся книзу подставке, – пот*и*р, которая изображена на иконе Рублева, пр*о*сфоры, да и сам стол (как уже упоминалось ранее, необычный), который нужен прежде всего для нее. Это не только стол для трапезы, но и трон Царя Небесного – Его «престол», поскольку Он Сам присутствует посреди нас. Ведь «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20).

То, что перед нами именно церковный престол, подтверждается наличием не очень заметной и вначале кажущейся чисто декоративной детали – прямоугольным углублением в его передней стенке. На самом деле такое углубление – обязательная принадлежность русских каменных престолов, поскольку при освящении в них вкладывали небольшую коробочку – «ковчежец» – с мощами святых, в воспоминание о литургиях ранней церкви, совершавшихся на местах погребений мучеников за веру. Кстати, скамьи («седалища»), на которых сидят ангелы, – тоже своего рода престолы. Это видно по подножиям, на которые поставлены их ноги. Что не случайно: так косвенно, не в лоб, показывается «царственность и владычественность», которую увидел в ангелах рублевской «Троицы» уже преподобный Иосиф Волоцкий в конце XV века. Об этой же владычественности говорят и их посохи – не просто страннические, но царские, что подчеркнуто их изысканной формой и ярко-красным цветом.

Почему только трое?

Такое представление Рублева об ангельской трапезе – литургической и царственной одновременно – во многом поясняет, почему в его иконе нет ни Авраама, ни Сарры, ни слуги, закалывающего тельца (обычно бывают написаны все три эти фигуры, хотя иногда их бывает две – Авраам и Сарра, или даже только одна – Авраам). «Гостеприимство Авраама» (иногда такой была надпись на иконе) – несколько иной сюжет. По канону, окончательно сложившемуся к XII веку, но существовавшему фактически с IV века (первое из известных изображений Святой Троицы – стенная роспись катакомбы на Via Latina в Риме), Авраам изображался в этом сюжете всегда. Римские и греческие художники показывали таинственное явление трех ангелов, возвестивших Аврааму о том, что у него через год родится сын, именно на трапезе, приготовленной Авраамом для них – неизвестных ему людей, которых он принял как самых близких родственников, и даже больше – как самых почетных гостей. Таким образом, подробности приготовления трапезы и обилие ее самой не только говорили о гостеприимстве добродетельного Авраама, но и были знаком его верности Богу, готовности послужить Ему.

«Гостеприимство Авраама». Икона XX века, воспроизводящая византийскую икону начала XV века

Вот как пели об этом народные певцы – «калики перехожие» – в древнем духовном стихе:

Авраам Господа
Под дубом Мамврийским угощает.
Господь же ему родити сына обещает.
И паде Авраам на колена свою,
Трепетен от радости бывает.

Его радость понятна: у него, уже столетнего, и девяностолетней Сарры, утроба которой «омертвела», будет сын! И не просто наследник, продолжение отца, но он – начало нового, верного Богу и верующего в Него народа. Сам же Авраам, в котором «благословятся все народы земли» (Быт 12:3; 18:18), таким образом, становится «отцом всех верующих» в мире (Рим 4:11).

Поэтому примеры иконографии «Троицы», когда ангелы изображались без Авраама, до Рублева единичны, носят прикладной характер, не имеют большого значения для изобразительной традиции и шире – для учения Церкви. Например, такой образ Святой Троицы есть среди многих других сюжетов (в том числе и явления ангелов Аврааму) на вратах собора Рождества Богородицы в Суздале, исполненных в технике «золотой наводки» (1230-е годы). Есть он в византийской книжной миниатюре второй половины XIV века (всего один раз, и как деталь большой иллюстрации к богословским сочинениям императора Иоанна Кантакузина, ставшего монахом). Делались изображения только трех ангелов и на внутренней поверхности небольших полых сосудов для богородичного хлеба – панагий, носимых на груди епископами или игуменами больших монастырей. Но никогда до Андрея Рублева не писали больших икон Святой Троицы, на которых не было бы никого, кроме самих ангелов. Значит, рублевская «Троица» – не сокращенная редакция широко распространенной иконографии, а отдельный, уникальный образ, ничего прямо не иллюстрирующий (даже текст Священного Писания или святоотеческие творения), но ставший еще одним откровением Бога о Себе Самом. Отсутствие на ней каких бы то ни было фигур, кроме ангельских, превращает этот сюжет из «Гостеприимства Авраама» в явление Святой Троицы ВСЕМ смотрящим на такую икону. И Авраам оказывается среди них. Он сам, благодаря такому подходу, уже не хозяин, принимающий гостей, а один из гостей на трапезе, приготовленной ангелами.

Необычная перспектива

Теперь можно вспомнить и о недоумении по поводу необычных перспективных построений в рублевской иконе. Недоумевающих можно успокоить: у Рублева все в порядке с перспективой. Вот только перспектива у него не та, которая применяется в живописи – светской и религиозной – после окончания эпохи Средневековья. Обычно перспективу, то есть взаимное расположение фигур и предметов в картинной плоскости, позволяющее дать ощущение пространства, в иконописи называют «обратной», противопоставляя ее «прямой» перспективе в картине. Это значит, что изображение на иконе по мере удаления от переднего плана не уменьшается (как, например, уходящая вдаль дорога на картине И. Левитана «Владимирка»), а увеличивается. Происходит такое потому, что точка схода всех линий изображения на-

Панагия преп. Никона Радонежского. Первая треть XV века

ходится не на горизонте, а как бы в глазу зрителя.

Термин «обратная перспектива» – не богословский, он применяется в начертательной геометрии. Впервые использовал его для раскрытия содержания иконописного образа священник Павел Флоренский, математик по первому образованию. Впрочем, в его работах этот термин указывал не столько на геометрические закономерности (тем более что в иконописи, как в подлинном искусстве, творчески свободно соединяются принципы и «прямой», и «обратной» перспективы), сколько на явление мира иного, «обратного» видимому и временному. В любой иконе можно найти элементы «обратной перспективы». В нашем случае – в рублевской «Троице» – мы видим их в направленности дома, подножий ангельских сидений и престола к центру переднего плана, а главное – в очевидном развороте фигур ангелов на зрителя, что лишает образ внутренней замкнутости. Его целостность при этом не разрушается, а углубляется. Мы же в результате ощущаем себя уже не сторонними наблюдателями («зрителями»), а непосредственными участниками изображенного события.

***

Кто же они наконец, эти таинственные вестники, удивительно прекрасные и при этом царственные? Похожие друг на друга – и разные? Как будто молчащие и неподвижные, но на самом деле – и говорящие, и действующие? О чем их «беседа»? Да и беседа ли это? Об этом постараемся сказать в заключительной части статьи о рублевской «Троице», которая выйдет в следующем номере нашего журнала.

Начало см.: «Русский мир.ru», 2011, №1.

ПОЧТИ БОЛГАРСКИЙ ЦАРЬ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ОБЫЧНО ЕСЛИ ЧЕГО И ВСПОМНИТ, УСЛЫШАВ ФАМИЛИЮ «АКСАКОВ», ТО В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК». КАК-ТО НЕЗАСЛУЖЕННО ОНИ ЗАБЫТЫ – И ЕСЛИ ОТЦА-ПИСАТЕЛЯ ЕЩЕ КТО-ТО ПОМНИТ ПО БЕССМЕРТНОЙ СКАЗКЕ, ТО СЫНОВЕЙ И ВОВСЕ НИКТО НЕ ЧИТАЕТ, КРОМЕ СПЕЦИАЛИСТОВ. ЮБИЛЕЙ, ПУСТЬ ХОТЬ И ЮБИЛЕЙ СМЕРТИ – 125-ЛЕТИЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ИВАНА АКСАКОВА, – ПОВОД ВСПОМНИТЬ НЕЗАУРЯДНОГО ПУБЛИЦИСТА И ЗАГЛЯНУТЬ В ЕГО СТАТЬИ.

КАЖДАЯ ЭПОХА ВГЛЯДЫВАЕТСЯ в предыдущую; так уж вышло, что опыт послепушкинской поры осмыслять приходилось советским литературоведам и историкам. Они всех расставили по прогрессивности и закрыли вопрос навсегда. И тем самым канули в Лету многие интересные споры, которые, вследствие отсутствия парламента и политической жизни, велись литераторами и журналистами. Между тем обратиться к ним не менее интересно, чем к советскому опыту, и, может быть, даже не менее полезно, потому что недавнее, советское прошлое не дает ответов на многие вопросы, которые только кажутся нам новыми, а на самом деле живо обсуждались еще полтора века назад. Посмотреть, о чем тогда спорили и к чему в конечном счете пришли, не просто интересно, но еще и полезно: а то бегать и бегать по граблям век за веком. Трудно поверить, что это тогда, а не сейчас писано:

«Не может же остаться без внимания на общественное материальное благосостояние это переселение русских капиталов за границу в лице сотни другой тысяч русских, наиобразованнейших и состоятельнейших людей?..»

Или вот, о государственном православии: «…всякое вмешательство казны в это дело, всякое низведение интересов веры на степень интересов государственных, всякое обращение святыни в орудие казенных видов и соображений не только мертво и бесплодно, но даже положительно вредно».

Все это – из текста Ивана Аксакова под превосходным и во все времена актуальным названием «Отчего так нелегко живется в России?», опубликованного 18 декабря 1865 года – 145 лет назад.

Нет, положительно надо этого автора перечитывать.

Безумен всякий честный бой

Иван Аксаков родился в 1823 году в литературной семье и с детства вращался в литературной среде. Отец, Сергей Тимофеевич Аксаков, автор прекрасной, неторопливой, очень русской, очень подходящей для вдумчивого чтения на ночь прозы, вырастил сыновей в любви к родине и готовности ей служить. Окончив училище правоведения, молодой юрист поступил на службу в московский департамент Сената. Преисполненный желания приносить пользу, он быстро получил холодный душ: департаментская служба в 1842 году убивала скукой и бессмысленностью. Юный Аксаков написал целую сатирическую мистерию «Жизнь чиновника», где всерьез задавался вопросом: «Служить иль не служить?.. не я ль мечтал для общей пользы жить?.. но службою достигну ль цели я?..»

В столице никакой цели достигнуть он не мог, поэтому вскоре перевелся в провинцию, где надеялся на какую-то осмысленную деятельность. Для осмысленной деятельности он был более чем приспособлен: судьба наделила его редкой энергией. Один из его сослуживцев вспоминал, что «он занимался по 16 часов в сутки, постоянно писал, читал, делал справки в Своде Законов, и только по окончании служеб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.С. Аксаков. Фотография М.Б. Тулинова. 1861–1864 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лев Алексеевич Перовский (1792–1856), государственный деятель

ных дел, как бы для отдохновения и забавы, принимался за стихи».

Служить Аксакову пришлось сначала в ревизионной комиссии в Астрахани, затем в уголовной палате в Калуге. Эта служба его убивала ничуть не хуже прежней, а то и получше: ужасающий размах злоупотреблений, несправедливости, неправедного суда заставил его уйти из судебной системы вообще. Он перешел в Министерство внутренних дел, где стал чиновником особых поручений. Особые поручения, которые ему пришлось выполнять, были связаны с изучением раскольничества в Бессарабии и секты бегунов – тоже раскольников-старообрядцев, давших обет странничества, – в Ярославской губернии. Быстро выполнив первое поручение, он вернулся в Петербург ждать следующего. Иллюзий он уже никаких не испытывал: «Бесплодны все труды и бденья, // Бесплоден слова дар живой, // Бессилен подвиг обличенья, // Безумен всякий честный бой», – писал он тогда.

Тут-то его и арестовали. Но не за стихи. Времена были мрачные: шла весна 1849 года – начало николаевской реакции на Французскую революцию, максимальное закручивание гаек. Аксакова прихватили за письма отцу: цензура нашла в них признаки опасного либерализма, жандармы предположили, что среди славянофилов действует тайное общество. Ответы Аксакова на вопросы жандармов царь читал лично; прочитав, велел шефу жандармов графу Орлову «вразумить и отпустить» Аксакова.

Вразумленному и отпущенному дали следующее поручение, как можно более занудное, чтобы не в меру энергичный Аксаков увяз, потонул и поостыл. Его отправили в Ярославль, где заниматься ему при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шлось всем подряд – не только раскольниками, но и вообще беглыми, бродягами и «пристанодержателями» – теми, кто дает им приют (у бегунов такую обязанность несли члены секты, которые вели оседлый образ жизни). Аксаков, как и было задумано, увязал и изнемогал – хотя и написал в своей ярославской командировке интереснейшее исследование о бегунах: именно там был центр, откуда вера бегунского толка распространялась по стране.

Негодовать и ненавидеть

Он тогда много писал стихов. Стихи его, пожалуй, предвосхищали Некрасова – хотя в них не было неслыханной некрасовской свободы и песенности, но была несомненная боль и ярко выраженная гражданственность. Это тогда, в 1849 году, в Ярославле он написал некогда знаменитые, но совершенно уже забытые строки: «Клеймо домашнего позора // Мы носим, славные извне: // В могучем крае нет отпора, // В пространном царстве нет простора, // В родимой душно стороне!» Может, образ раскольников, убегающих от государства и вечно пребывающих в дороге, так повлиял на Ивана Аксакова, что он написал поэму «Бродяга», героем которой стал беглый крепостной крестьянин. Он читал эту поэму своим знакомым, и ярославский губернатор, возмущенный тем, что чиновник Министерства внутренних дел читает поэму о беглом крепостном, тут же послал донос его начальству. Министр Перовский прислал из Петербурга запрос Аксакову: мол, что это за поэма? Мало того что занятия стихотворством несовместимы с го-

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), один из основоположников славянофильства

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Васильевич Киреевский (1806–1856), критик, публицист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Анна Федоровна Тютчева (в замужестве Аксакова). Фотография Деньера. 1864 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.С. Аксаков в мундире училища правоведения. Рисунок А. Воробьева. 1842 год

сударственной службой, так еще и герой поэмы – беглый, нелегал! Аксаков на вопрос о странном выборе героя отвечал: «Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным, оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни, оттого, что бродяга, гуляя по всей осени как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах...» Перовский поэму прочитал, ничего вредного в ней не нашел, но все же посоветовал подчиненному оставить сочинительство, чтобы оно не шло во вред службе и во избежание кривотолков. Аксаков, наделенный кипучей энергией и неукротимым нравом, ответил начальнику резко: «Не только правом, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему сиятельству, что не служба терпит от моих литературных занятий, а литературные занятия, нравственное и умственное образование мое принесены в жертву службе». Перовский нашел его послание крайне неприличным, после чего Аксакову оставалось или извиниться, или уйти в отставку. Строптивый чиновник особых поручений предпочел отставку и в 1851 году покинул службу.

А поэму потом напечатал – частями. Она и в самом деле похожа на Некрасова – в особенности на «Кому на Руси жить хорошо». «Приди ты, немощный, // Приди ты, радостный! // Звонят ко всенощной, // К молитве благостной…». Аксаков перестал работать над поэмой в 1850 году, а Некрасов взялся за свою 13 годами позже.

Иван Аксаков даже в личных посланиях был энергичен и горяч. В Калуге он познакомился с замечательной женщиной, женой калужского губернатора Александрой Смирновой-Россет. Той самой, к которой хотел свататься Жуковский. Той самой, чьи черные очи воспевали Вяземский и Хомяков, чей умный разговор ценил Пушкин. Той самой, к кому обращены знаменитые лермонтовские слова «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» и наставления в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. В 1846 году Смирновой-Россет было 37, Аксакову – 23. И вот какие строки посвятил признанной умнице и красавице пылкий молодой чиновник:

«И вы к покою и прощенью
Пришли в развитии своем
Не сокрушения путем,
Но... равнодушием и ленью!
А много-много дивных сил
Господь вам в душу положил!
И тяжело, и грустно видеть,
Что вами все соглашено,
Что не способны вы давно
Негодовать и ненавидеть!»

На дело добра и правды

Выйдя в отставку, Аксаков всецело предался литературным занятиям в своей, с детства знакомой среде. Он стал редактором «Московского сборника», в котором участвовали другие славянофилы – его брат Константин, Хомяков, Киреевский. В первом томе он опубликовал свою статью о Гоголе и отрывки из «Бродяги», причем обе публикации не понравились цензуре. Второй том попросту запретили, рукопись изъяли, а авторов отдали под надзор полиции. Особенный гнев вызвал Аксаков, который предполагал опубликовать свою статью «Несколько слов об общественной жизни в губернских

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И. Алексеев. Калужские чиновники. 1840-е годы. И.С. Аксаков, служивший в Калуге в уголовной палате с 1845 по 1848 год, в «Письмах к родным» дал собирательный образ калужских чиновников: «Получает два целковых в месяц, ни к чему на службе, кроме переписывания, не способен, женат, имеет полдюжины детей и мошенничает»

городах», где предлагал молодежи объединяться «крепким союзом на дело добра и правды». Разумеется, в духоте последнего семилетия николаевского правления это можно было истолковать как призыв к созданию тайных обществ. Аксакову велели впредь проходить цензуру не в Московском комитете, а в Главном управлении цензуры в Петербурге, и запретили быть редактором, причем запрет оставался в силе шесть лет. А такие цензурные сложности означали, что печататься Аксакову тоже не придется. Выручило его из сложного положения Географическое общество, знакомое с его прежними работами: в 1853 году оно предложило Аксакову описать украинскую ярмарочную торговлю. Несостоявшийся редактор отправился в Малороссию, где несколько лет собирал материал для исследования и еще несколько лет его обрабатывал. Его труд увидел свет в 1858 году и получил большую Константиновскую медаль Географического общества и половинную Демидовскую премию Академии наук.

Правда, работу над исследованием прервала русско-турецкая война. Искренний патриот, Аксаков вернулся в Москву и записался в ополчение. С ополчением дошел до Бессарабии, но участия в боевых действиях принять не успел. Аксаков был казначеем дружины; его честный отчет об ее финансах оказался таким свидетельством против начальственного казнокрадства, что командующий дружины отказался подписать этот документ.

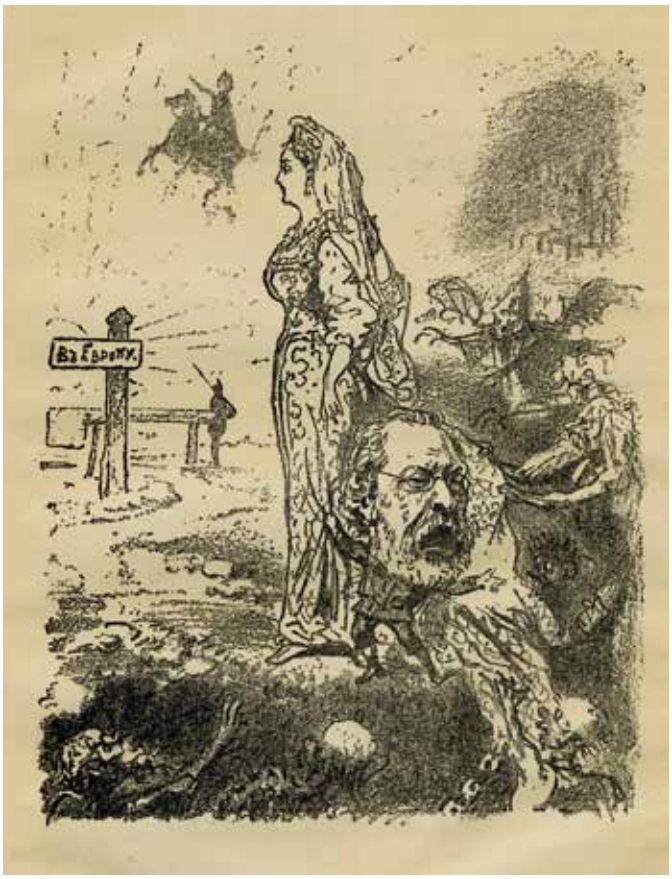
После заключения мира и короткой поездки в Крым, где Аксаков принял участие в расследовании хозяйственных злоупотреблений во время войны, он уехал за границу, где познакомился с Герценом. В следующие годы он много писал для герценовской «Полярной звезды» под псевдонимом «Касьянов».

Вредное направление

В 1858 году в Москве начал выходить журнал «Русская беседа», собравший лучшие силы славянофильства. Аксаков его редактировал, но, поскольку редакторская работа ему еще была запрещена, редактором числился другой человек. К моменту, когда запрет на профессию был снят, вышло уже несколько книжек журнала. Получив право быть редактором, Аксаков стал хлопотать о разрешении выпускать газету. Газета называлась «Парус» и была закрыта после выхода второго номера, в котором Аксаков пообещал обсудить вопрос отмены крепостного права.

Возобновить издание он не успел: в 1859 году умер отец и заболел брат; в 1860 году Иван Сергеевич повез больного брата за границу – путешествовали они в основном по славянским странам Европы. Константин Сергеевич за границей умер, и брат привез на родину его тело.

Он вернулся в Москву в 1861 году – здесь как раз кипела предреформенная буча. Аксаков сразу окунулся в работу. Ему вновь разрешили издавать газету, которая теперь называлась «День». Правда, газете не разрешили иметь отдел внешней политики и поставили ее под особое цензурное наблюдение. С цензурой Аксаков, с юности убежденный в необходимости свободы слова, сражался беспрестанно. «День» был серьезным и авторитетным изданием, обсуждавшим больные вопросы реформы и славянства, в том числе католического: польский вопрос болел едва ли не сильнее всех. Именно в годы редакторства в «Дне» Аксаков приобрел колоссальный авторитет в России и за границей, а «День» имел 4 тысячи подписчиков – по тем временам тираж огромный. Газета закрылась в 1865 году – издавать ее прекратил сам Аксаков. А через год стал выпускать другую газету – «Москву». Это издание критиковало правительство более резко, 9 раз получало предупреждения, а ее выход приостанавливали три раза – на 3, 4 и 6 месяцев, так что более половины своей двухлетней жизни она просто не выходила. А в остальное время шла борьба с цензурой. Аксаков не сдавался и вместо вымаранных цензурой статей размещал объявления в черной рамке: мол, передовица не может быть опубликована по не зависящим от редакции обстоятельствам. В конце концов «Москву» закрыли «за вред-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.С. Аксаков. Шарж. 1883 год

ное направление». Примерно с той же формулировкой («за предосудительное направление») в 1874 году был конфискован и уничтожен тираж написанной им биографии Федора Тютчева, на дочери которого Аксаков женился в конце 60-х.

Русь-победительница

Лишенный возможности печататься, Аксаков энергично занялся славянскими делами. Он еще с 1858 года состоял в Московском славянском комитете и теперь активно включился в его работу, а вскоре и возглавил его. Работы было много: в середине 70-х годов Сербия и Черногория воевали с Турцией за свою независимость. Аксаков собирал средства в помощь сербской армии, организовал заем правительству Сербии, участвовал в отправке за границу добровольцев. Всецело эта деятельность поглотила его с началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда он занялся помощью болгарам, вплоть до отправки им оружия. Он выступал с замечательными по своей энергии речами – дар оратора у него был незаурядный, эти речи прославили его на всю Европу; в Болгарии даже выдвигали его кандидатуру на царский престол.

Особенно прогремела его речь в Славянском комитете, посвященная русским дипломатам на Берлинском конгрессе: славянофилы сочли сделанные Россией дипломатические уступки неприемлемыми. «Ты ли это, – вопрошал Аксаков, – Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых, поднятых тобою трудах, молишь простить твои победы?.. Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией похваляя твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, подклоняешь под нее свою многострадальную голову!»

Аксаков надеялся, что царь вмешается. И он вмешался. Славянский комитет закрыли, а его председателя выслали из Москвы.

Enfant terrible

Два года он прожил в имении родственницы жены во Владимирской губернии. Затем московский генерал-губернатор сообщил царю: «Наш enfant terrible сидит тихо» – и Аксакову, которому уже стукнуло 55 лет, разрешено было вернуться в Москву. С 1880 года он стал издавать газету «Русь»: снова воевать с правительством и сражаться с цензурой. Он был немолод, впал в крайний консерватизм, отчаянно бранил либералов – и с ним уже куда меньше считались, чем в годы, когда решался славянский вопрос на Балканах.

У него было больное сердце – даже издание газеты один раз пришлось приостановить из-за болезни редактора. От сердечной болезни он и умер в 1886 году. Хоронили его в Троице-Сергиевой лавре, и на похороны пришло множество народу.

Пожалуй, общее мнение об Аксакове состояло в том, что как человек он был лучше, сильнее, глубже и интереснее, чем как политик. Верный семейному воспитанию, он исповедовал принципы, которые опрокидывала сама жизнь: даже те самые славяне, о которых он так радел, не могли принять его идеи объединения под началом русских, не принимали отождествления славянства с православием, отстаивали свою национальную, культурную, а некоторые и религиозную идентичность. А он, в свою очередь, отстаивал самодержавие так, что самому царю было неловко принимать такую защиту. Он идеализировал допетровскую Русь. Он предлагал нереалистичные решения тяжелых проблем русской жизни.

Но человек он был замечательный – честный, дельный, энергичный, толковый; хороший организатор, интересный мыслитель, он много умел, много понимал и очень многое верно подмечал. Ну вот, например: «Служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы. Она есть высшее выражение формализма. К какой стороне жизни ни прикоснись, все формулирует она и, следовательно, все мертвит, ибо все живое боится формы и убегает. Оттого-то столько неискренности, столько холода в хлопотливом величии всей государственной машины»…

Говорю же – перечитывать надо.

БЕЛЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

МИХАИЛ БЫКОВ

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ, РАЗДЕЛИВШЕЙ 22 И 23 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА, КОЛОННА ВОЕННЫХ ЧИСЛОМ ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧИ ШТЫКОВ И САБЕЛЬ, С 8 ПУШКАМИ-ТРЕХДЮЙМОВКАМИ, ОБОЗОМ И СОТНЯМИ ГРАЖДАНСКИХ ПЕРЕВАЛИЛА ЧЕРЕЗ ЕЩЕ СЖАТЫЙ ЛЬДАМИ ДОН И ДВИНУЛАСЬ НА ЮГ.

Художник В. Куликов. Офицеры 1-го офицерского пехотного генерала Маркова полка

ВЫХОДИЛИ ИЗ РОСТОВА С опаской. Город со всех сторон уже блокировали отряды красной гвардии. Оставался узкий коридор, по которому можно было проскочить через реку в сторону станицы Аксайской. Там подождать отставших, переформироваться и идти дальше – через земли Всевеликого войска Донского на территорию Кубанского казачьего войска. В кубанскую столицу Екатеринодар, где шумели тамошние казаки, недовольные большевистской властью.

Отряды, носившие привычные названия полков, батальонов и батарей, но больше похожие на вооруженные группы волонтеров и ополченцев, собирались на окраинах Ростова ночью, чтобы хоть на время оторваться от неизбежного преследования, чтобы хоть как-то выполнить задачу скрытного передвижения.

В Аксае задержаться не удалось. Местное казачество было не радо пришельцам. Остановились дальше, в станице Ольгинской. Подсчитались. Осмотрелись на предмет оружия, патронов и снарядов. Последних оказалось не более 700. За два дня кое-кто из офицеров и юнкеров уже лишился просивших каши сапог и прибыл босым, с ногами, обмотанными тряпками. Даже помощник главнокомандующего Корнилова, генерал-лейтенант Деникин, добрался в штатском костюме и рваных сапогах. В суматохе отхода из Ростова потерялись все его вещи. И бронхит уже валил генерала с ног. Жалко было смотреть на барышень в коротких манто и ботиках с острыми каблучками. На крестьянской телеге проехал куда-то седой дяденька с густыми, по-стариковски свисаю-

Знак Ледяного похода

щими к подбородку усами – генерал от инфантерии, в недавнем прошлом фактический руководитель Русской императорской армии Алексеев обнимал скромных размеров портфель. В нем была вся имевшаяся отрядная наличность.

В станице Ольгинской армия, окрещенная Добровольческой еще в начале формирования осенью 1917-го, обрела четкие очертания. Три пехотных полка: 1-й офицерский генерала Маркова, Корниловский ударный полковника Неженцова, Партизанский из пеших донцов генерала Богаевского; юнкерский батальон генерала Боровского, наполовину состоящий из ростовских студентов; артиллерийский дивизион полковника Икишева; три конных отряда полковников Глазенапа, Гершельмана и подполковника Корнилова; чехословацкий инженерный батальон капитана Неметчика. Все! Запоминайте фамилии, запоминайте…

В Ольгинской же прошел совет командиров. А куда все-таки идти? Главный и единственный вопрос повестки дня. Екатеринодар окружен красными. Позади – чужой Ростов. Донские генералы предложили уйти в Сальские степи. Туда, где казаки испокон веку держали зимовники для табунов. Главком Корнилов поначалу склонился в эту сторону. А что? Отдохнуть, набраться сил, подождать пополнений: каждый день красной власти злобил казаков и крестьян. А в конце весны, когда подсохнут дороги, – выступить!

Строевые генералы были против. Прокормить на зимовниках тысячи человек, да еще сохранить дисциплину? С севера – Дон, с юга – железная дорога из Батайска на Царицын. По ней красные живо подтащат резервы, артиллерию, бронепоезда…

Решили – идем на Кубань! Жить генералу Корнилову оставалось чуть более месяца. До Екатеринодара.

Когда началась Гражданская?

А в самом деле – когда?

Война – это столкновение двух организованных сил. Из советских учебников известно, как «Отче наш», что день рождения Красной (Советской) армии – 23 февраля 1918 года. К этой мистификации вернемся позже. Сейчас уместнее разобраться, кто ж тогда и с кем воевал во второй половине 1917 и в самом начале 1918 года.

Речь сейчас не о репрессиях против офицеров, спровоцированных на фронте и в тыловых частях печально знаменитым приказом №1, опубликованным вскоре после отречения императора Николая II и его брата великого князя Михаила Александровича. Хотя умолчать о том, что сразу после Октябрьского переворота эти гонения приняли еще более кровавый и, что особенно важно,

Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918), военный деятель России, создатель и Верховный руководитель Добровольческой армии

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Полковник В.М. Чернецов. 1918 год

Крест партизан-чернецовцев

массовый характер, нельзя. Если вести отсчет с марта 1917-го, то за время гражданской смуты большевики умертвили 54 тысячи офицеров и 260 тысяч солдат. Свыше 300 тысяч тех, кто так и не успел определиться, не захотел взять в руки оружие, не смог спрятаться или ответить как следует. Безоружных!

Есаул Чернецов, создавший первый антибольшевистский отряд на Дону из 300 сабель, так говорил по этому поводу: «Если меня когда-нибудь красные и повесят, я буду знать, за что отдал жизнь». Тысячи людей в погонах про себя этого так и не узнали.

Первые признаки Гражданской войны именно как борьбы одной организованной военной силы против другой проявились во время так называемого Корниловского мятежа в августе 1917-го. Пусть до боестолкновений не дошло, но очевидно, что их удалось избежать вовсе не потому, что их не хотели. Помешали факторы «революционной ситуации»: неразбериха, саботаж, агитация и прочее. Однако казаки Краснова с заряженными карабинами появились на улицах Царского Села.

Через три дня после Октябрьского переворота рвануло в Питере. Восстало около тысячи юнкеров. На сей раз дело кончилось стрельбой из пушек. Владимирское военное училище разгромили, погиб 71 человек. Досталось и павловцам.

Московское восстание привело к более значительным жертвам с обеих сторон, а Кремль подвергся ожесточенному и прицельному артобстрелу.

Тогда же возмущение охватило военные училища Киева, взяли в руки оружие юнкера Чугуева. Три дня шли бои в Омске, более недели – в Иркутске, где 20 тысячам революционных солдат запасных полков и красной гвардии противостояло около тысячи юнкеров и офицеров. В общей сложности погибло свыше трех сотен человек.

Бились в Томске, Красноярске, Смоленске, Калуге, Ташкенте, Воронеже, Саратове…

С января 1918-го регулярные боевые действия начались в Оренбурге, где движение возглавил местный войсковой атаман Дутов.

В конце 1917 года процесс создания вооруженных сил против советской власти оживился и на Кубани. Первый бой с большевиками «Отряд спасения Кубани» под командой полковника Покровского выдержал 4 февраля 1918-го у железнодорожной станции Энем. Довольно долго кубанцы держали круговую оборону своей столицы, но спустя месяц после стычки у Энема приняли решение оставить Краснодар и уйти в предгорья Кавказа. В этот день Добровольческая армия Корнилова уже была на марше!

Пусть очаги сопротивления возникали на первый взгляд спонтанно в отсутствие, так сказать, директивы из Генерального штаба или Ставки, но участниками их были в массе своей люди, представлявшие собой государственную силу – русскую армию. Среди прочих офицерских организаций особо выделялась Алексеевская, возникшая в середине октября 1917 года. Во-первых, ее основателем стал генерал Алексеев, которого знала вся армия. Во-вторых, возникла она в Петрограде, что облегчало и поиск средств, и конспирацию. В-третьих, бывший начальник Главного штаба Ставки

не торопился «браться за топоры», что позволило организации сохраниться и расти.

В ноябре 1917 года Алексеев отдал приказ о передислокации всех разделявших его позицию офицеров на Дон. Вместе с генералом в Новочеркасск прибыло не более десятка человек. Это отделение и есть то зерно, из которого впоследствии выросла самая боеспособная и самая эффективная военная сила из всех, что противостояли большевикам во время Гражданской войны. А строго говоря – и после, вплоть до 1991 года.

Может быть, поэтому отсчет событиям Гражданской войны в России логичнее вести с даты, когда Алексеевская офицерская организация, преображенная в Добровольческую армию, начала свой крестный ход в историю.

Их было мало, слишком мало

«Нас было мало, слишком мало», – поется в одной песне, посвященной Первому Кубанскому походу Добровольческой армии. А почему, собственно?

Этим вопросом задаются многие. И этот же вопрос, превращенный в констатацию, служит опорой тем, кто глубоко уверен, что белое дело было обречено с первого дня. И, следовательно, противостояние большевикам явилось бессмысленным, если не преступным, пролитием крови.

Ну, о том, кто начал лить кровь, разговор уже состоялся. Теперь – по сути вопроса.

Построив своих солдат в офицерских погонах в походную колонну, отменный русский генерал и замечательно веселый человек генерал-лейтенант Марков обратился к ним с короткой речью. «Да, не думал я, что из 300-тысячного русского офицерского корпуса здесь окажется лишь горстка…». Сергей Леонидович слегка грешил против истины. Вернее – статистики. К концу февраля 1918 года офицеров в русской армии оставалось уже меньше. А кадровых, довоенной поры – куда как меньше. Например, пехотные полки Русской императорской гвардии к этому времени сохранили от силы 4 процента (!) кадровых офицеров. Значительную часть офицерства составляли так называемые прапорщики военного времени, прошедшие 4-месячную подготовку и брошенные на фронт. Среди них хватало и либерально настроенных студентов, и эсеров, и напуганных мещан.

Но не это главное. В первые месяцы против Добровольческой армии работало все: отсутствие информации в большой России про ее существование; вызванное усталостью от войны нежелание казаков вновь браться за винтовки и шашки; нехватка средств и снаряжения; блокада чекистскими заставами железнодорожных станций, делающая попытки добраться из центральных губерний на Дон и Кубань крайне рискованными; ужас существования при красном терроре, проникший в сердца тех, кто послабее духом; отсутствие приказа. Как ни странно, это последнее соображение высказывалось многими соратниками Корнилова и позже – Деникина. Офицер и унтер – люди, живущие по приказу. Приказали бы – и пошли бы! А тут – добровольчество, воззвания, листовки, митинги…

Ростов в начале 1918 года, как, впрочем, и многие крупные города России, производил странное впечатление. Где-то на окраинах слышна

Сергей Леонидович Марков (1878–1918), российский военачальник, один из лидеров Белого движения на Юге России и организаторов Добровольческой армии

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Памятный жетон 1-го офицерского пехотного генерала Маркова полка

канонада, такают пулеметы, а на центральных улицах сияют огнями кафе, дефилируют дамы, офицеры в золотых еще погонах, снуют торговцы. И вот на фоне всего этого счастья по улице идет взвод солдат. «Это третья рота офицерского полка… Куда они идут? Полковник Кутепов с 500 офицерами защищает подступы к Ростову. Под Батайском генерал Марков с юнкерами и кадетами отбивается от натиска большевиков. Потребовано подкрепление, и из Проскуровских казарм вышло 50 человек. По шумной улице большого города в толкотне праздничной толпы проходит взвод солдат. 50 человек из 500-тысячного города. И вот когда перед вашими глазами встанут эти 50, вы поймете, что такое Добровольческая армия», – вспоминали очевидцы.

С Дона на Кубань

Кончились донские земли. В последней донской станице – Егорлыкской – провожали блинами и добрыми напутствиями.

Началось Ставрополье. Красные времени даром не теряли. Вычислили маршрут корниловцев, догнали. Первое крупное селение – и первый крупный бой. У станции Лежанка добровольцев встретил большой отряд красных, усиленный артиллерией. Антон Иванович Деникин позже писал: «Старые и молодые полковники на взводах. Никогда еще не было такой армии».

И вот эта армия пошла на пушки. По фронту – полузамерзшая речка, Корниловский полк двинулся в обход, искать броды. А офицерские роты марковцев рванули в лоб. По грудь – стылая вода, высоко в руках – винтовки и патроны!

Лежанку взяли. Стали считать потери. У белых – трое убитых. У красных – более 500. Вопреки всем правилам боя, из которых следует, что атакующие во фронт всегда теряют больше. Правда, из этой полутысячи непосредственно в бою погибла половина. Остальные – пойманные и расстрелянные.

Гражданская война… Мстили? Да, мстили. Было за что.

На Кубани, границу которой пересекли в начале марта, бои стали вместо будней. Дрались почти каждый день. В одной из первых стычек столкнулись с красными кубанскими казаками. Удивились, конечно, но ударили дружно. Красные кубанцы сразу и побежали. Добровольцы сами наказывать пленных не стали. Поручили дело старым казакам станицы Березанской. Те привычно высекли нагайками молодых казачков за глупость.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Плакат белой армии

Большое сражение выдалось под станицей Кореневской. Станицу взяли, но потеряли к этому дню уже каждого десятого из тех, что вышли из Ростова. А тут еще пришла новость хуже некуда: кубанские белые отряды ушли из Екатеринодара. Умерла надежда осесть в кубанской столице, пополниться, отдохнуть. Но и возвращаться было некуда. По пятам шли отряды красной гвардии. С флангов постреливали мелкие разъезды. В Майкопе уже формировали крупную группировку, чтобы покончить с добровольцами.

Десятого марта при форсировании реки Белая в узком дефиле напоролись на засаду. Поливали огнем так, что тяжелораненые в обозе начали спрашивать сестер милосердия: «Не пора ли уже стреляться, матушка?» Легкораненым выдали винтовки. Но – прорвались, вышли к горным аулам черкесов. И там, с их помощью, спустились горными тропами

к аулу Шенджий. Здесь к добровольцам присоединились кубанцы генерала Покровского. 3300 сабель!

Но могли и не присоединиться. По выходе из Екатеринодара покровцы попали в окружение. Дрались все, даже обозные и гражданские, включая депутатов Кубанской рады. Но, скорее всего, там, у станицы Калужской, и полегли бы, не появись вовремя в тылах у красных конные разъезды ударников Корниловского полка.

Армия повернула на Екатеринодар. Предстояло штурмовать станицу Ново-Дмитриевскую, укрепленную базу красногвардейцев. Но прежде – форсировать горную реку, налившуюся мощью весенних дождей. Первым в воду сорвался генерал Марков. Оглянулся и крикнул: «Сыровато!» Офицерские роты ушли в воду за своим командиром. И все это – под шквальным артиллерийским и пулеметным огнем большевиков.

Еще хуже пришлось кавалерии. Всадники, оказавшись на вражеском берегу, не могли самостоятельно забраться в седло – мешали мокрые шинели, на ветру превратившиеся в ледяные кольчуги. Конников подсаживали товарищи и толкали замерзших лошадей вперед.

Там-то, под Ново-Дмитриевской, и родилось название, ставшее историческим, – Ледяной поход!

Позже, зимой 1919/20 года, был и второй Ледяной поход. Когда части армии Колчака под водительством генерала Каппеля шли тысячеверстным бездорожьем, откатываясь Сибирью от Красноярска к Чите. Но это уже другая история.

А пока первопоходники шли неторенными путями.

Двадцать седьмого марта Добровольческая армия подошла к Екатеринодару. Кто ж знал, что в городе противник сосредоточил 40-тысячную группировку? Это в каком учебнике тактики написано, как 5 тысячами штыков штурмовать укрепленный город с гарнизоном в восемь раз больше? Все, что удалось добровольцам, так это зацепиться за предместья. Далее Партизанский полк полковника Казановича продвинуться не сумел. За этот локальный успех заплатили слишком дорого. Погиб полковник Неженцов, бессменный командир корниловцев и давний сослуживец самого Корнилова. Главком не успел похоронить старого друга, а вместе с ним и половину Корниловского полка, как ранним утром 31 марта сам был убит шальным снарядом, залетевшим в штабную хату. Генерала Корнилова похоронили тайно в станице Елизаветинской. Даже могильных холмиков не оставили, заровняли место, чтобы лихие люди не нашли.

Но не убереглись. Теперь неизвестно, то ли плененная сестра милосердия не выдержала пыток и указала место, то ли еще как узнали, но могилы Корнилова и Неженцова раскопали, трупы из гробов достали, а дальнейшее объяснить может только психиатр. По приказу красных командиров Сорокина и Золотарева с мертвого тела генерала, георгиевского кавалера, сорвали все одежды, затем повесили тело на дереве, искромсали шашками. Бесформенную груду мяса отвезли на городские бойни, где попытались сжечь. После паузы на пьянку стали жечь дальше, топтать ногами, плясать на останках.

Второй раз могилу Корнилова, восстановленную летом 1918-го, большевики разорили в 1920 году, когда отбили у белых Кубань окончательно.

Генерал Деникин справедливо посчитал, что продолжить штурм – значит похоронить под Екатеринодаром остатки армии. И полки двинулись на север, в сторону Дона.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918), русский военачальник, генерал от инфантерии, после октябрьских событий один из основателей и вождей Белого движения

С Кубани на Дон

К этому времени ситуация на Дону заметно изменилась. Донцы уже «наелись» Советов до отвала. Пока рабоче-крестьянская власть, захватив Новочеркасск, разбиралась и расстреливала Назарова, сменившего на посту войскового атамана застрелившегося генерала Каледина, казаки стали сходиться в партизанские отряды. Вспыхнули восстания, в апреле поднялся Ростов.

И те, и другие бились здорово, но в канун Пресветлого праздника Пасхи в Ростов вошел отряд полковника Дроздовского, походным порядком прибывший с умершего Румынского фронта. Вошел – и большевики дали деру! Биться с отменно дисциплинированной, имеющей боевой опыт частью им не глянулось. Более тысячи человек, из которых две трети – молодые офицеры, прошедшие с боями от молдавских Ясс до Ростова 1200 верст!

Дроздовцы отстояли пасхальную службу в кафедральном соборе и двинули на Новочеркасск. Там соединились с восставшими казаками, выгнали Советы и занялись формированием подразделений из прибывающего со всех краев Дона пополнения.

А добровольцы с боями возвращались. У станицы Медведевской вновь отличился генерал Марков. Он ворвался в кабину паровоза, таскавшего красный бронепоезд, и бросил в горящую топку гранату! Лихой был командир!

По дороге к Ростову пришлось отбивать те станицы, что уже брали ранней весной. Отбили. Но в сам Ростов войти не пришлось.

Еще в марте на мирных переговорах в Брест-Литовске советская делегация во главе с Григорием Сокольниковым подписала мирный договор, а фактически – капитуляцию России. Германские армии начали оккупацию. Утром 25 апреля передовые части 1-го германского корпуса появились на улицах Ростова.

Добровольцы вели бои и 25-го, и 26-го…

Только 30 апреля они разбили лагерь в станицах Мечетинская и Егорлыкская. И выставили заслоны на все четыре стороны: от большевиков и от немцев.

Михаил Гордеевич Дроздовский (1881 – 14 января 1919), русский военачальник, активный участник Белого движения в годы Гражданской войны

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Антон Иванович Деникин (1872–1947), российский военный деятель, генерал-лейтенант, публицист и мемуарист, один из руководителей Белого движения, с 1920 года в эмиграции

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В этот же день в ряды Добровольческой армии влился трехтысячный отряд полковника Дроздовского. Антон Деникин в «Очерках Русской смуты» подвел такой итог Ледяному Кубанскому походу: «Армия прошла по основному маршруту 1050 верст. Из 80 дней похода 44 дня вела бои. Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами. Начала поход с 600–700 снарядами, имея по 150–200 патронов на человека; вернулась почти с тем же. Все снабжение для ведения войны добывалось ценой крови. В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов, вывезла более полутора тысяч раненых».

И никакого вам пафоса!

Современный военный историк и статистик Сергей Волков предлагает расшифровку скупых деникинских

Художник В. Куликов. Офицеры и младший унтер-офицер Корниловского ударного полка

цифр. Он пишет, что среди 3683 первопоходников было 36 генералов, 437 вольноопределяющихся, кадет и юнкеров, 600 нижних чинов. Остальные, стало быть, офицеры. За исключением 46 медиков, 3 священников, 80 военных чиновников и гражданских. А также – 165 женщин, только шесть их которых воинскую нагрузку в Добровольческой армии не несли. Более 600 человек были старше 40 лет.

За что пьем?

Ой, как трудно отказываться от дурных привычек. Но правда и время – лучшие лекари. И обязательно вместе. А не порознь. И, вероятно, именно в таком порядке. Проверено: раз скажешь правду, другой – а люди сердцем принять ее не готовы. Требуются годы, чтобы привыкли к потере очередной ложной радости.

Сколько лет страна уже не празднует день Октябрьской революции? А празднует 4 ноября День народного единства? Кто знает, может быть, и с 23 февраля произойдет когда-нибудь похожая история.

Хотя…

Уже не раз и не два сказано и написано, что никакая Красная армия не возникала 23 февраля 1918 года. Создать ее Ленин распорядился раньше, а создали ее позже. Никаких героических боев с немцами на подступах к Петрограду не существующая еще Красная армия в этот день не вела. А отряд революционных матросов под водительством командующего Флотом Балтийского моря комендора Дыбенки повел себя ровно наоборот и позорно сбежал, даже не добравшись до ближайшего германца.

Эта чисто пропагандистская идея – назначить праздник на 23-е – пришла в голову недоброй памяти товарища Троцкого несколько после 1918 года. И всему этому есть множество документальных подтверждений, в том числе и советского происхождения. Однако ж вместо утраты недоброкачественной праздничной даты нам настойчиво предлагают очередной суррогат. День Красной армии переплавили в День защитника Отечества. Но тогда неизбежен вопрос: какая такая воинская слава обрушилась на страну в день 23 февраля? День Куликовской битвы – помним, день Полтавской баталии – знаем, день Бородинского сражения – чтим…

Как ни крути, белый ты или красный, 23 февраля началась полноценная Гражданская война в России. Она унесла более 10 миллионов жизней, большинство из которых принадлежало мирным людям. Она унесла с собой Русский мир, который мы теперь, спустя почти столетие, с таким трудом пытаемся возродить. Какой уж тут праздник!

Память – это другое дело. Святое! В этот день на Руси есть кого вспомнить, истинный факт.

* * *

После полуночи, разделившей 22 и 23 февраля 1918 года, колонна военных числом три с половиной тысячи штыков и сабель, перевалила через еще сжатый льдами Дон и двинулась на юг.

Впереди были 80 дней почти непрерывного похода по замерзшей степи мимо испуганных и настороженных казачьих станиц. Впереди были 44 дня боев, каждый из которых грозил стать последним. Впереди было столько подвигов и горя, что хватило бы на всю Россию.

Впрочем, на всю Россию как раз и хватило…

Фрагмент спектакля «Крылья для клоунов»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

ОТКРОВЕНИЕ ОТ «ПИАНО»

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
[НИЖНИЙ НОВГОРОД]

КОГДА-ТО ВСЕ ЛЮДИ БЫЛИ ДЕРЕВЬЯМИ. ОНИ ТЯНУЛИСЬ К НЕБУ И ВСЮ ЖИЗНЬ ТОЛЬКО И ДЕЛАЛИ, ЧТО ПРИКАСАЛИСЬ ДРУГ К ДРУГУ, ШЕЛЕСТЕЛИ ВЕТКА О ВЕТКУ, КОРНЯМИ СПЛЕТАЛИСЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ. И НЕ БЫЛО НИЧЕГО, КРОМЕ ЭТИХ ПРИКОСНОВЕНИЙ, И НЕ БЫЛО НИЧЕГО ПРЕКРАСНЕЕ... УВИДЕВ ХОТЬ ОДНАЖДЫ СПЕКТАКЛЬ НИЖЕГОРОДСКОГО ТЕАТРА ПАНТОМИМЫ «ПИАНО», ВЫ НЕ ПРОСТО ПОВЕРИТЕ В ЭТО – ВЫ ЭТО ВСПОМНИТЕ.

Понять, что «ПИАНО» – театр необычный, можно, просто заглянув в телефонную книгу и посмотрев на его адрес: Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, дом 9, Школа-интернат для глухих детей. Экзотическое местоположение объясняется просто: это театр, в котором актеры – воспитанники этого самого интерната. Но при всей кажущейся несерьезности, отсутствии репертуарной тумбы и регулярных показов театр знают не только за пределами города, но и страны, им восхищаются Галина Волчек, Чулпан Хаматова, Тереза Дурова. А главный редактор публицистических программ Нижегородского телевидения поэт Юрий Немцов признался как-то, что «невозможно представить себе культурное пространство региона без «Пиано». Сам же театр невозможно представить без его основателей – Владимира и Марины Чикишевых.

Театр как семья

Был он – работавший на Горьковском автозаводе электромехаником, а потом техником по обслуживанию сигнализаций. Но не к технике лежала его душа, а к пантомиме, которой он «заболел» еще в юношестве, занимаясь в народном театре. Была она – фантазерка, увлекающаяся танцами и рисунком. Еще подростком увидела по телевизору номер мима Амарантова «Барышня и хулиган» и обнаружила, что есть такой жанр, где актер может рисовать картины своими движениями. Поняла, что пантомима – это то, как она ощущает мир. Наверное, они не могли не встретиться. А встретившись, не могли не

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

Режиссер «Пиано» Владимир Чикишев с актерами (слева направо) Леной Галкиной, Леной Захаровой, Кириллом Трушовым, Антоном Ларионовым, Настей Фадеевой и Ильей Галкиным после спектакля. Эссен, 2010 год

Заслуженный работник культуры РФ Владимир Чикишев проводит мастер-класс на XI Всемирном фестивале детских театров AITA. Линген, 2010 год

создать театр – в 1986 году, в 28 лет, Владимир Чикишев пришел работать в Горьковскую школу-интернат для глухих детей и вместе с женой Мариной придумал театр пантомимы «Пиано». Театр, где глухие дети играют спектакли для всех зрителей, вне зависимости от их возраста и медицинского диагноза, импровизациями заставляя их плакать и смеяться. С момента основания и по сей день он – художественный руководитель и режиссер, она – художник-постановщик, автор костюмов и сценографии. У них двое детей: сын Данил – теперь исполнительный директор театра, дочь Настя – в недавнем прошлом актриса, а теперь педагог, сурдопереводчик и художник. И даже спаниель Тоша, главный друг и любимец, каждый день ходит в театр «на работу» – он и актер, и «живой уголок», и психолог.

В феврале театр отмечает свое 25-летие, и за эти годы произошло многое: старший Чикишев давно окончил Московский университет культуры по специальности «режиссер театра драмы», стал заслуженным работником культуры и членом Союза театральных деятелей России, руководителем множества проектов. Марина провела немало

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

Чулпан Хаматова и Галина Волчек высоко оценили мастерство юных актеров «Пиано»

мастер-классов на международных театральных фестивалях, в качестве художника по костюмам работала с немецкими коллегами. Через «Пиано» прошли сотни детей, каждый из которых, несмотря на физический недуг, смог ощутить себя настоящим актером, творцом собственного спектакля. Благодаря мастерству импровизации, которому Чикишевы обучают вдохновенно и профессионально, «Пиано» стал лауреатом более 40 театральных фестивалей в 11 странах.

«Песочница» на сцене

Честно говоря, неизвестно, что в «Пиано» интереснее – попасть на представление или на репетицию. Потому что и то, и другое – это всегда единственный в своем роде спектакль.

– Мы быстро отказались от репертуарных амбиций и постановочных вещей – это бессмысленно и невозможно, – рассказывает Владимир Чикишев. – С этими детьми нельзя работать так, как со слышащими. У слышащего ребенка всегда гораздо больше запаса творческого отношения к миру. А значит, нужно срочно это компенсировать – не завтра, а уже сейчас! Нам не до постановок – лишь бы создать ситуацию, похожую на игру в песочнице, когда дети играют сами, без участия взрослых. И весь наш театр направлен на то, чтобы маленький ребенок вспомнил: когда-то он увлеченно чем-то занимался. Именно когда он вспоминает, в нем и просыпается художник.

Кажется, «песочница» – очень простая задача. Но помните: большинство из этих детей с ранних лет живут в режиме закрытых спецучреждений, у многих из них проблемы не только со слухом, но и с памятью, с интеллектуальным развитием, с психическим здоровьем. Они знают не так уж много слов, редко воспринимают текст как речь, им тяжело дается учеба и приходится много зубрить. Да так не только у глухих: возьмите любую детскую роль в театре – если мы и видим ребенка на сцене, то чаще всего он произносит заученный текст, который выдается за его слова. В головах у взрослых – шаблоны, и, может быть, поэтому их так поражает спонтанный «Пиано».

– Мы умудрились из этой «песочницы» вытягивать перспективу, – продолжает раскрывать секреты Чикишев. – Добавили к спонтанной импровизации красивую музыку, костюмы, хороший свет – получилась иллюзия, родился театр. Помогает и условность самого жанра пантомимы: не нужна стена, птица, корабль, дерево – все это можно показать и увидеть. В результате вот эта самая «песочница» была показана на большой сцене множеству зрителей – русским, немцам, американцам, англичанам... Просто это называлось «спектакль». Но люди потом со слезами на глазах говорили нам спасибо.

Постановки «Пиано» выглядят очень современно. Ведь мы теперь почти не читаем многотомные романы, восприятие подстраивается под мультимедийность, коллаж становится наиболее понятной формой искусства. А у этого тихого театра никогда не было масштабных сюжетов и историй, их спектакли – это всегда коллаж, разговор на философские темы: кто мы? кто – другие? что с нами происходит? И неизменно – терапия для самих актеров, психологическое лекарство для детей, которых общество считает инвалидами. Каждый из них на сцене становится фокусником, превращает одно в другое, творит бесконечные метаморфозы с помощью своего тела и воображения. «Так они правда совсем глухие или все-таки немножко слышат музыку?» – удивлялся губернатор Нижегородской области Валерий Шанцев, который в декабре нанес в театр

Настя Чикишева, фрагмент репетиции. 1999 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

Настя Фадеева и Сергей Гуляев в спектакле «Дождливые короли»

визит с поздравлениями по случаю победы в Международном конкурсе социально-культурных проектов «Инициативы-2010». Да, совсем не слышат. Но чувствуют, видят, живут.

– Когда актер переживает десять, двадцать метаморфоз за короткий промежуток времени, рациональный мозг отключается, начинает работать какое-то другое полушарие, другая логика, – объясняет Владимир Николаевич. – В результате у ребенка – другой взгляд, другое качество улыбки, совсем другие движения. Приходят люди и говорят: какая пластика! А мы пластикой-то не занимаемся, мы же не хореографический кружок. Не дай бог, мы начнем им ставить движения: они тут же беспомощно начнут смотреть на нас и ждать следующую подсказку. Вот в чем опасность: всё, «песочница» исчезла! Может быть, исчезла навсегда.

Репетиция

– Привет! Ну, как жизнь? Все хорошо? – отчетливо артикулируя и подкрепляя свои слова жестами, встречает Владимир Чикишев пришедших на репетицию актеров, двух мальчиков 11 лет – Кирилла Трушова и Кирилла Нагаева. Спаниель Тоша приветливо машет хвостом и удаляется, получив свою порцию ласки, а парни сначала устраивают «танец со шваброй» – протирают недавно положенный специальный танцевальный линолеум, а затем начинают разминаться – достают «кометы» (тряпичные мячи с длинным «хвостом» из ткани), подбрасывают их, кружатся… и сами превращаются в кометы… Подтягиваются «взрослые»: восьмиклассники Илья Галкин и Настя Фадеева, шестиклассники Лена Захарова и Антон Ларионов. У каждого – непростая судьба, и не поймешь: в театре они – благодаря или вопреки? На сцене они все будто связаны: актер – невидимая нить – актер – нить… И еще одна нить, ведущая в небеса. Пантомима, где актеры глухи, – это же так естественно! Не для них ли Творец, в своем великом милосердии, придумал этот жанр?..

Тема сегодняшней репетиции – «оценка». В философии это способ установить значимость чего-либо в процессе познания, в театре – способ показать, выразить эту значимость в процессе игры. Как должен работать взгляд, мимика, жесты? От-

Настя Фадеева и Илья Галкин – клоуны, у которых выросли крылья. Проект Piano-Fortissimo. Эссен, 2010 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

Таня Напалкина, Настя Фадеева, Настя Чикишева (слева направо) на мастер-классе Марины Чикишевой. Фестиваль «Леонардо». Москва, 2008 год

рабатывать будут с воображаемыми партнерами: их можно представить большими или крошечными, ласковыми или недотрогами. Сейчас начнется импровизация, она уже идет: Антон играет с пятью собаками сразу. Нет, настоящий спаниель Тоша давно куда-то убежал, но какая разница? Так через воображаемое и познается реальный мир…

Всего в основном составе «Пиано» сейчас 12 человек, а время от времени на репетиции приходит около 20 ребят. Но абсолютно каждый воспитанник интерната побывал в «Пиано», попробовал себя. Вот и сейчас воспитатель привела четверых первоклашек, которые поначалу сели было в зрительный зал, но очень быстро оказались на сцене. Интерактивность – главный принцип всех спектаклей, философия «Пиано»: если уж мы родились, то должны жить. Если уж вы пришли в театр, то просто дежурными хлопками в конце представления не отделаетесь. Именно поэтому здесь так естественно рождаются проекты, подобно недавно реализованному «Толерантному театру»: актеры «Пиано» смогли научить азам пантомимы и актерского мастерства других детей и взрослых, студентов и преподавателей, слышащих, неслышащих, незрячих, зрячих – с диагнозом и без него, всего более 2 тысяч человек! А попутно изменить их отношение к жизни и возможностям – и своим, и чужим.

– Сейчас мне уже все равно, какие у них данные, – рассказывает Чикишев о том, как он отбирает актеров для театра. – Любого ребенка можно научить, я просто знаю, как это сделать. Мы в первую очередь смотрим на родителей: смогут ли они понять, что театр – это не баловство. Мы-то относимся к этому очень серьезно, не просто философские задачи решаем, а выстраиваем определенную программу работы, которая предполагает события, репетиции, некую регулярность, поездки на фестивали…

Чикишев утверждает, что из «Пиано» никогда никого не выгоняли: ребята уходят со временем, чаще всего потому, что вырастают. Но они остаются где-то рядом, приходят на представления, заглядывают на репетиции и… приводят своих детей – у Ильи Галкина, например, мама тоже когда-то занималась в «Пиано».

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ ПАНТОМИМЫ «ПИАНО»

Зрители – тоже участники представления. Фрагмент спектакля «Крылья для клоунов». Проект Piano-Fortissimo. Эссен, 2010 год

Как у клоуна выросли крылья

Кажется, у Коэльо была эта мысль о путешествиях: как только человек попадает в другое пространство, он оказывается в ситуации заново рожденного, у него обостряется восприятие, он начинает постигать мир заново. Поэтому путешествия и «перемена мест» так важны для любого – особенно для детей!

– За один месяц гастролей можно сделать то, что не сделаешь за несколько лет размеренной жизни, – говорит режиссер. – Интенсивность действия плюс впечатления, отрыв от дома плюс океан зрительской любви – и они летят!

Только в октябре прошлого года театр вернулся из Германии – «Пиано» представлял Нижегородский регион в международной программе «Культурная столица Европы» (в 2010 году одним из мест проведения этой программы стал город Эссен). За месяц спектакль «Крылья для клоунов» показали в 13 городах Германии, его посмотрели более 5 тысяч зрителей. Плюс 8 авторских мастер-классов для детей, педагогов, профессиональных актеров и студентов. Проект «Пиано-Фортиссимо» вошел в десятку лучших проектов «Культурной столицы Европы» из 200 представленных.

Но до этого была напряженная работа: заявку с помощью иностранных волонтеров оформили и отослали еще в 2007 году, а когда получили приглашение, то готовиться начали в летние каникулы – помните, какое в этом году было лето? Сорокаградусная жара и смог, а у них репетиции, репетиции… Цена за тысячи восторженных отзывов и множество впечатлений – от аквапарков и зоопарков до домика Гете и Бухенвальда.

А после гастролей – возвращение в обновленное помещение театра: на ремонт наконец нашлись средства у городской администрации, да добрые люди помогли. Ура! Каморка, в которой ютились актеры и их зрители все эти годы, превратилась в хорошо оборудованную мультимедийную студию, с настоящими кулисами и гримерной, небольшим зрительным залом (зато даже с ложей!) и рубкой звукорежиссера. И теперь уже вряд ли можно увидеть, как Марина Чикишева сидит в первом ряду зрительного зала в ворохе белого тюля за швейной машинкой, создавая очередное «море». В театре появился свой костюмер, пресс-секретарь, все стало как-то солиднее. Главное, что не исчез дух «Пиано» – дух игры, в которую может играть каждый.

– Меня часто спрашивают: когда ты уже займешься серьезными вещами? Не понимают, что нет ничего серьезнее! – сокрушается Чикишев о деле жизни. – Поработав здесь, любой взрослый спектакль я вижу как рентген. Это такое счастье – работать именно с детьми.

Глядя на тех, кто играет в «Пиано», видишь не глухих детей, а всемогущих атлантов, которые становятся то лесом, то птицей, то парусником и кораблем, то стариком и старушкой, то музыкантом, то ангелом... И вдруг понимаешь, что жизнь тоже редко разговаривает с нами, а ее жесты и движения легки и случайны; жизнь распоряжается нами, как актер-мим распоряжается своим телом. Мы сидим в зрительном зале, думая, что это репетиция, но на самом деле нас уже давно ждут на сцене.

ТЫСЯЧА ДНЕЙ ОДНОГО РУССКОГО В МАТИНЬОНЕ

АЛЕКСЕЙ УРАЗОВ

...ЕДЕМ ПО ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГЕ, ВОКРУГ – НАСТОЯЩАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПАСТОРАЛЬ. СУДЯ ПО ВСЕМУ, МАШИНЫ ТУТ ВООБЩЕ РЕДКОСТЬ. ОСОБЕННО ЕСЛИ НА НИХ ПРИЕЗЖАЮТ РУССКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ. ВОТ И ЦЕЛЬ НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ – МЕСТЕЧКО ШАЛОН МУЛИНЮ, РАСПОЛОЖЕННОЕ В 100 КИЛОМЕТРАХ К ЮГУ ОТ ПАРИЖА.

ЗДЕСЬ, В ТИШИ ДЕРЕВНИ, спасается от парижской суеты легенда мира спецслужб Константин Константинович Мельник-Боткин. Советник президента Шарля де Голля. Потомок личных врачей императоров Российской империи. Русский, прекративший французскую войну в Алжире.

«О! Вы вовремя, – открывает калитку Константин Мельник. – Жена как раз готовит жаркое. Но сначала дела». То есть интервью, ради которого мы сюда приехали. Нужно сказать, что для человека из мира спецслужб, где о многом молчат всю жизнь, Константин Мельник удивительно открыт и свободен в беседе. Правда, наше интервью – большая удача. Журналистам – русским или французским – очень редко удается уговорить Мельника побеседовать.

«Вы – русский. С русскими всегда интересно поговорить. Я буду курить, вы уж не обижайтесь. – Хозяин прикуривает душистую сигарету. – У меня, вот видите, две пачки – одна для хорошего настроения, вторая – для плохого». В этот день настроение было хорошим.

Его кабинет не то чтобы музей… Но ощущение, что ты соприкасаешься с вечностью, не покидает ни на минуту. Портрет последнего русского императора, Николая II. Офицерская шашка. На полках – Энциклопедия Брокгауза и Ефрона дореволюционного издания. Не только портретное сходство, но и вторая часть его фамилии выдает в нем потомка тех самых Боткиных – Сергея Петровича и Евгения Сергеевича, – великих медиков и личных врачей российских императоров. Константин Мельник-Боткин – это человек, в судьбе которого переплелись две эпохи русской и европейской истории. До революции и после. А холодная война в его жизни – это страница истории, написанная и вовсе с особым акцентом.

Вообще, это настоящая удача для журналиста, когда твой собеседник – «атлас истории XX века», свидетель столь многих и разных событий. Сначала даже как-то теряешься – с чего лучше начать?

«Я был то, что русские называют «силовик». Я не зависел напрямую от де Голля, а подчинялся премьер-министру Мишелю Дебре», – уточняет Константин Константинович. В 1946 году Мельник с отличием оканчивает Парижский институт политических наук. Становится парламентским секретарем партии радикал-социалистов, которую тогда возглавлял Шарль Брюн, будущий министр внутренних дел. «Немало для университетского мальчика, – посмеивается Мельник. – В самом начале карьеры мне помогли мои русские корни. В 20-е годы иезуиты организовали в эмиграции специальную русскую школу – Центр Святого Георгия. Я посещал одно из отделений под Парижем, в Медоне. Вообще, в те годы это было «место встречи Востока и Запада». Там было избранное общество – бывала Марина Цветаева, приезжал известный до революции политик и адвокат Василий Маклаков».

Но это – не единственное воспоминание Мельника о жизни белой эмиграции. После революции семья Мельников-Боткиных покинула Россию. Его отец, офицер русской армии, а в Гражданскую войну – начальник контрразведки армии Колчака, чудом успел во Владивостоке на один из последних пароходов. Затем из Сербии семья перебралась во Францию. В 1927 году в местечке Рив-сюр-Фюр недалеко от Гренобля на свет появился Константин Мельник-Боткин.

«Мы жили очень скромно. Отец работал на целлюлозно-бумажной фабрике близ Гренобля, на юге Франции. Один очень умный французский

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

промышленник понял, что для русских офицеров не существует понятия «забастовка», поэтому русских там работало много. К ним регулярно приезжал генерал Кутепов. Были специальные военные занятия для детей офицеров. Был православный приход. Ведь они верили, что скоро вернутся на родину».

Именно в Медоне после войны Мельник делает первые шаги на поприще политологии. Помогает ему князь Сергей Оболенский, племянник Л.Н. Толстого, который преподавал в школе русскую литературу. Князь был членом закрытой организации Russicum, которая, действуя под крылом Ватикана, изучала политический процесс в СССР. Князь Оболенский фактически ввел тогда еще юного Мельника в мир политической экспертизы.

В 1952 году Шарль Брюн становится министром внутренних дел и забирает с собой в министерство и Константина Мельника. Спустя год Мельник переходит на службу в Генеральный штаб национальной обороны Франции, в подчинение маршала Жуэна, впоследствии – главнокомандующего сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе. Очень быстро Мельник зарекомендовал себя как хороший советолог. Именно ему удалось определить имя преемника Сталина. Мельник предложил неожиданную тогда для Запада кандидатуру первого секретаря Московского комитета ВКП(б) Никиты Хрущева. «Я был советологом, одним из немногих в то время во Франции. Возможностей у нас было мало. Агентурной сети в Союзе вообще не было. И мы черпали информацию из открытых источников, из газет. Когда я служил в штабе генерала Жуэна, я, руководствуясь своими наблюдениями, предсказал, что после смерти Сталина к власти в Советском Союзе придет Никита Хрущев. Я следил за частотой упоминания имен Берия, Маленкова и Хрущева в газете «Правда». Моя теория заключалась в том, что партия имела в стране большой вес. Ставленник партии и должен был встать у руля государства. «Правда» писала чаще всего о Хрущеве».

Несмотря на свою молодость (Мельнику в 1952 году было всего 25 лет), он стал известен в аналитическом мире. Вошел в число сотрудников легендарного американского стратегического исследовательского центра RAND советником по советским вопросам, а с 1955 года стал представителем организации в Париже. Примерно в это же время Мельник попадает в поле зрения Мишеля Дебре – видного французского политика и одного из лидеров голлистских партий – «Объединения французского народа» и «Союза в защиту новой республики». «Когда де Голль триумфально возвратился к власти в 1958 году, ему и его премьер-министру Дебре были нужны люди. Мне предложили «войти в команду», стать советником премьера по вопросам контрразведки», – резюмирует Мельник.

Так всего за шесть лет Мельник делает феноменальную карьеру. Теперь он уже работает в резиденции премьер-министров Франции – Матиньонском дворце. Там он проведет три года – с 1959 по 1962-й. Казалось бы, не так много. Тем не менее за это время в новейшей истории произошел ряд событий, радикально изменивших облик и Франции, и всей Европы. «Знаете, де Голль очень любил русских и Россию. Он был «офицером XIX века». В Первую мировую побывал в лагере военнопленных, где познакомился с будущим советским маршалом Тухачевским. Он понимал, что, если бы Россия не вошла в Пруссию в 1914 году, Франция бы

погибла. Он верил в «единую Европу от Атлантики до Урала». Де Голль как никто понимал, что надо дружить с Москвой. Поэтому позже и родилась его формула «согласие–разрядка–кооперация». Это была ведь гениальная идея», – вспоминает Константин Константинович.

Весна 1960 года. Холодная война. Впрочем, в умах европейских политиков, и в частности де Голля, бродили мысли, как найти точки соприкосновения с Москвой. Готовился официальный визит Хрущева во Францию. «Мы наивно полагали, что переговоры по улучшению отношений Москвы и Парижа могут быть удачными, особенно если в них примет участие «русский аналитик Матиньонского дворца». Но получилось все с точностью до наоборот, – рассказывает Мельник. – За несколько недель до визита в Париж прибыли начальник ГРУ Иван Серов, а также шеф КГБ и личный ставленник Хрущева Александр Шелепин. Они должны были провести предварительную работу накануне визита Хрущева, который был назначен на март–апрель 1960 года. Почти сразу по конфиденциальным каналам мы узнали, что они привезли с собой длинный список «подозрительных людей» из числа белоэмигрантов, которых следовало немедленно арестовать или хотя бы изолировать для обеспечения безопасности советского руководителя. Под номером один в этом списке стояла моя фамилия. Начальник французской полиции немедленно перезвонил мне и спросил совета, как быть». Конечно, Мельник, как и другие, упомянутые в списке, остался на свободе. На время визита Хрущева всех отправили на Корсику. «Понятно, что даже спустя сорок лет после революции в глазах товарищей из органов я был в первую очередь белым эмигрантом, сыном начальника контрразведки армии Колчака. Бывших, как говорится, не бывает, – рассуждает Мельник. – Надо сказать, Хрущев не был лишен чувства юмора. Во время визита он преподнес Мишелю Дебре ящик болгарского вина «Мельник», сказав при этом: «Если вы попробуете это вино, то увидите, какое оно кислое и плохое!» Это был очевидный намек».

«Конечно, зная темперамент Хрущева, вряд ли мое присутствие на пе-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Семья С.П. Боткина

Род Боткиных впервые ярко вступает на сцену российской истории по окончании войны 1812 года. Именно тогда в возрождающейся после пожара Москве появляется псковский купец Петр Кононович Боткин – экспортер китайского чая и других колониальных товаров. В семье Боткиных было 25 детей. Четверо пошли по купеческой стезе. А Василий Петрович Боткин (1811–1869) стал известным писателем, искусствоведом, другом Тургенева и Толстого. Одному из самых младших сыновей, Сергею Петровичу (1832–1889), было суждено по-настоящему прославить род Боткиных. Военный врач в Крымскую кампанию и Русско-турецкую войну 1877 года стал одним из самых известных медиков XIX века, детально описавшим ряд заболеваний. Он же – создатель Александровской больницы (в наши дни Клиническая больница им. С.П. Боткина). Из шестерых детей Сергея Боткина только один – Евгений Сергеевич Боткин (1865–1918) – пошел по стопам отца. В 1889 году с отличием окончил Военно-медицинскую академию, проходил практику в лучших клиниках Германии. В 1904 году, с началом русско-японской войны, ушел добровольцем на фронт. Назначен заведующим медицинской частью Российского общества Красного Креста в Маньчжурской армии. Награжден орденами Святого Владимира 3-й и 2-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 3-й степени. По просьбе императрицы Александры Федоровны, с апреля 1908 года назначен лейб-медиком Николая II. В этой должности он пробыл вплоть до своей трагической гибели. После Февральской революции остался вместе с царской семьей, а затем последовал за ней в ссылку. Был расстрелян вместе со всей императорской семьей в Екатеринбурге в Ипатьевском доме в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. По воспоминаниям очевидцев, революционный штаб предлагал Е.С. Боткину покинуть семью и сохранить свою жизнь, на что он ответил: «Я дал царю мое честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова». Канонизирован РПЦЗ в 1981 году вместе с другими расстрелянными в доме Ипатьева. 30 октября 2009 года Генеральная прокуратура РФ приняла решение о реабилитации 52 человек из окружения императора Николая II и его семьи, подвергшихся репрессиям после революции. В числе реабилитированных был и Евгений Боткин.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Отец К.К. Мельника был начальником контрразведки армии Колчака. 1919 год

реговорах могло что-то изменить, но меня всегда восхищало отношение де Голля к великой русской драме. Я имею в виду события 1917 года. Мне, как потомку белых эмигрантов, очень нравилась его теория о том, что Россия рано или поздно отбросит коммунизм, так как он генетически чужд русскому народу. Он смотрел на десятилетия вперед. Он говорил: «Россия выпьет коммунизм, как бумага чернила». Я на себе это очень хорошо почувствовал. Когда пал коммунизм, у меня и интерес к разведывательной работе несколько угас. Не стало коммунизма, и бороться мне стало не с чем».

Но это произошло только в 1991 году. А в начале 60-х Мельник – на острие международной политики. Сразу после прихода в Матиньонский дворец к его обязанностям советолога добавляется еще и алжирская проблема. «Крах Четвертой республики, которая пала в том числе и из-за ситуации в Алжире, показал необходимость скорейших мер. Я помогал де Голлю воевать в Алжире и организовывать мир, так как было понятно, что война не могла долго продолжаться. Это была трудная работа». Тут Мельник чуть-чуть недоговаривает. В его обязанности входили тесные отношения с французскими СМИ, которым он давал необходимую, но дозированную информацию. Не имея специального штаба, Мельник фактически лично курировал внешнюю разведку, внутреннюю контрразведку, тайную полицию, а также центральную уголовную полицию, занимавшуюся в том числе и делами по терактам.

Алжирская проблема соединила в себе все. «Алжир, – говорит Мельник, – это вообще настоящий политический крест и Франции, и самого де Голля. Эта война была ужасной. Наверное, это была и ошибка де Голля, что он не дал Алжиру независимость сразу после окончания Второй мировой. Но тогда это было невозможно. В Алжире в тот период жило 10 миллионов человек – 9 миллионов мусульман и 1 миллион французов. Французы смотрели на Алжир как на свою родину. Они называли его «Французский Алжир».

«Уже на исходе Второй мировой, в 1945 году, – продолжает Мельник, – в городе Сетифе произошло восстание алжирского населения. Оно было подавлено. Тогда было убито 10 тысяч мусульман. Особенно тяжело пришлось «пье-нуар» («черноногие» (pieds-noirs) – французы алжирского происхождения. – **Прим. авт.**). Ведь они в глазах алжирцев были своими среди чужих. И уже в тот момент было понятно, что, если радикально ничего не изменить, через десять лет война возобновится. Так оно и произошло. В 1954 году «Фронт национального освобождения» начал террористическую войну. Понимаете, создалась парадоксальная ситуация. Именно армия захотела возвращения де Голля к власти. Его престиж как генерала, освободившего Францию, был непоколебим. Это частая ситуация в истории. Нация хочет «жесткой руки». Ведь социалист Ги Молле, предшественник де Голля на посту главы государства, показал лишь свою слабость. Армия была уверена, что де Голль построит «Французский Алжир», и не хотела переговоров с националистами. В общем, это, как потом показало время, и был корень наших бед. В итоге де Голль оказался меж двух огней. С одной стороны, армия, с другой – алжирские националисты. Это была борьба на двух фронтах. Де Голль все время говорил, что нужно остановить войну. Знаете его знаменитые слова о «мире храбрых людей»? И вот 16 сентября 1959 года он произносит речь о «свободном выборе алжирцев», в которой впервые признал право алжирцев на самоопределение. В кругах ультраправых это вызвало ярость. Они начали понимать, что ошиблись в своем выборе и привели к власти человека, который, возможно, погубит «Французский Алжир». Первое выступление против де Голля произошло в конце января 1960 года, когда группа студентов попыталась поднять мятеж в алжирской столице и начала сооружать баррикады. На сей раз армия в целом осталась лояльна правительству, и бунт провалился, войдя в историю войны под названием «неделя баррикад».

1960-й стал «годом Африки»: 17 стран континента получили независимость, но Алжира среди них не было. Еще с сентября 1959 года Алжир был формально независим, но французская армия поставила себя выше политики. Поэтому кровавая алжирская бойня продолжалась. Хотя уже и не с такой интенсивностью, как раньше. Правда, даже боевому генералу де Голлю не всегда хватало жесткости. «Заявить публично о начале переговоров президент не захотел, – говорит Мельник. – Он опасался реакции французских генералов в Алжире. Я смог убедить его начать хотя бы тайные переговоры. Эту миссию де Голль возложил на

меня. Я начал тайные переговоры. Ведь изначально у де Голля было две идеи. Первая: разгромить военную силу противника. Это было осуществлено маленькими мобильными частями, которые разбили алжирских националистов. Вторая: экономическое развитие Алжира. Надо было дать рядовому алжирцу благополучную и спокойную жизнь. 4 ноября 1960 года на закрытом совещании де Голль впервые сказал, что «Алжир будет республикой». Уже 5 ноября я позвонил начальнику спецслужб французских сил в Алжире и спросил, есть ли возможность начать переговоры. Нам было понятно, что алжирцы хотели не только политической независимости. Им нужен был и контроль над Сахарой, а значит, и над нефтяными запасами этого региона. Но в политике иногда надо поступиться малым, чтобы сохранить общее».

«Дальше началась террористическая война со стороны бывших французских офицеров, которые сформировали боевые группы «ультрас», – вспоминает Мельник. – В 1961 году организация ушла в подполье, но это не означало, что она сложила оружие. Напротив, они стали заниматься политическими убийствами, и главной их целью стал президент Франции Шарль де Голль. Многие газетчики писали о 15 покушениях. Я ответственно могу сказать, что это – ложь. Это полиция пыталась придать большую значимость своей работе. Было три реальных покушения на президента де Голля. Он был очень храбрым человеком, пренебрегал мерами безопасности, можно сказать, сознательно. Просто не считал их нужными».

Первое покушение на де Голля оасовцы совершили еще в сентябре 1959 года. Но самое громкое произошло 22 августа 1962 года в пригороде Парижа Кламар. Кортеж де Голля двигался в аэропорт, президент должен был лететь в свою загородную резиденцию. Тогда и произошло покушение. «К счастью, оасовцы хоть и были военными, но не являлись профессиональными киллерами. Ведь каждый «профи» знает, что, для того чтобы устранить кого-то, необходимо обязательно остановить объект, в данном случае машину президента. В кортеж де Голля стреляли в момент его движения. Пули прошли близко от де Голля, но его даже не ранило». В 1971 году Фредерик Форсайт напишет об этих событиях роман «День Шакала», который будет экранизирован...

Удостоверение К.К. Мельника в период работы в правительстве Франции

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Алжирская война (Guerre d'Algérie) длилась с 1954 по 1962 год, завершилась провозглашением Алжирской народно-демократической республики. Одна из самых известных антиколониальных войн, одно из важнейших событий в истории Франции XX века, причина падения Четвертой республики, путчей генералов в армии и появления тайной ультранационалистической «Секретной армейской организации» (OAC). Дополнительную остроту конфликту придавал тот факт, что Алжир по действовавшему законодательству был неотъемлемой частью Франции, и некоторые слои французского общества воспринимали алжирские события как мятеж и угрозу территориальной целостности страны. Десятилетия спустя события 1954–1962 годов по-прежнему воспринимаются во Франции крайне неоднозначно.

Консультантом-аналитиком Константин Константинович работал до 1962 года – времени фактического окончания алжирской войны. Последние месяцы работы Мельника в Матиньонском дворце были особенно сложными. В апреле 1961 года в Алжире вспыхнул «путч генералов», пытавшихся опровергнуть результаты референдума, согласно которым провозглашение независимости Алжира поддержали 75 процентов населения. Бунт провалился, его не поддержали рядовые французской армии. Однако 21 апреля, когда пришли первые известия о тревожных событиях, все министры, включая Мишеля Дебре, практически самоустранились. Премьер-министр Франции позволил себе заболеть на четыре дня. В этот момент многое действительно зависело от Мельника. Внук доктора Боткина не только скоординировал работу спецслужб Франции, но и поддержал инициативу президента обратиться к нации. И именно Мельник подготовил текст выступления, которое стабилизировало положение в стране.

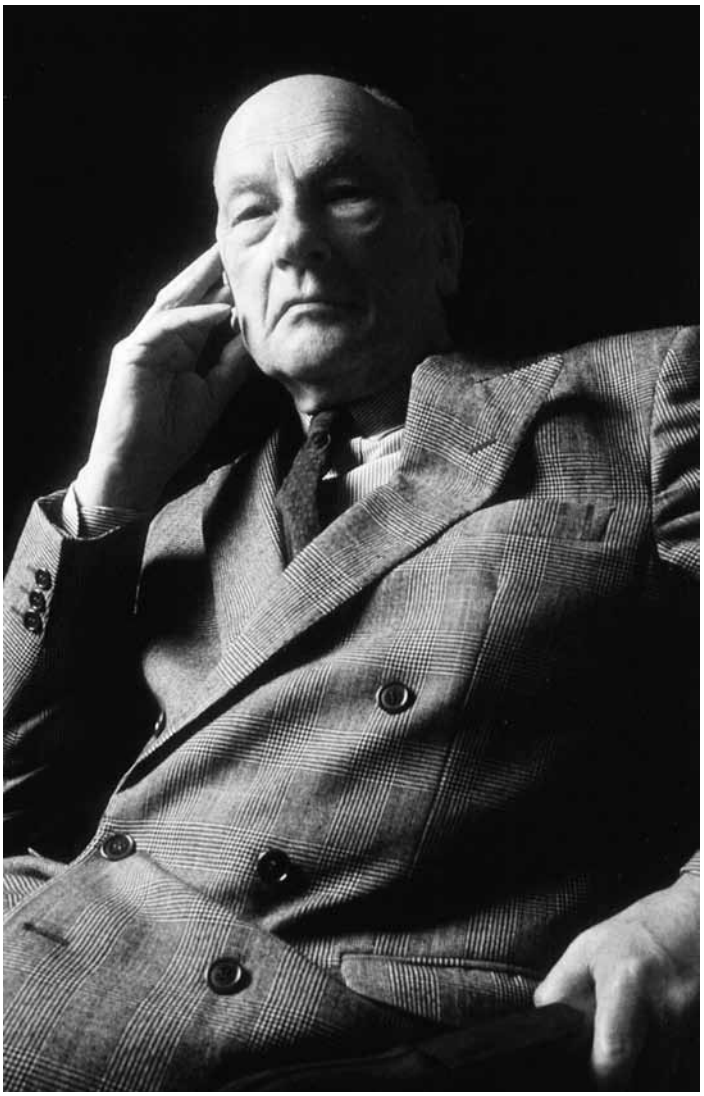
В апреле 1962 года официальная работа Константина Мельника в правительстве была завершена. Уходил из Матиньонского дворца он не по своей воле. В прессе появились публикации, подававшие информацию о его происхождении под сомнительным углом: «Мне припомнили, что я русский, сын белоэмигранта, к тому же офицера царской армии. Не нравились мои связи с американцами из RAND. Мол, шпионское гнездо. КГБ регулярно подбрасывало мне на домашний адрес советские газеты – «Правду» и «Известия». В результате Мельника мягко удалили из властных структур. Константин Константинович называет это «политическим убийством». Из людей, входивших в аппарат правительства, верной Мельнику осталась только его жена Даниэла, работав-

шая секретарем де Голля и Дебре. Все остальные от «опасного русского» отвернулись. Но, даже уйдя из Матиньонского дворца, Мельник не держал обиды на власть. Дни деголлевской Франции были сочтены. «Францию 60-х иногда называют «Францией генерала, проигравшего сражение». Этими словами намекают на бесславный уход де Голля в 1969 году. На мой взгляд, это слишком жесткая оценка. Парадокс президента де Голля в том, что все его красивые и умные речи шли против него. Он был человек для больших событий. Поэтому, возможно, и его уход с политической сцены был таким трагическим. Он понимал: «да, Вторая мировая война – это масштабное событие. Родина в опасности». А волнения в Сорбонне. Ну что? Студенты вышли на улицу! Он утратил в определенный момент ощущение, чем живет страна».

После 1962 года Мельник-Боткин занялся издательской деятельностью, написал более полутора десятка книг и стал, как он сам себя называет сегодня, «свободным экспертом по вопросам разведки и контрразведки». RAND продолжал привлекать его к решению мировых проблем. Во второй половине 60-х головной болью для политиков всего мира стал уже Вьетнам.

«Американцы влезли во Вьетнам, и тут вновь мои знания и навыки борьбы против партизан пришлись ко двору. Мне предлагали отправиться во Вьетнам и оттуда координировать войну против северян. От этого я отказался, но консультации Госдепу оказывал. Я был убежден, что выиграть эту войну нельзя, и не раз говорил об этом Киссинджеру. Это была колониальная война, и действия французов в том же Вьетнаме в 50-е, да и в Алжире, это доказали. Я объяснял Киссинджеру, что надо вести тайные переговоры с противником. Но нужно показывать свою силу. С этой точки зрения де Голль и мы были правы. Я убеждал американцев, что нужно уходить, и уходить как можно быстрее. Но, видимо, политики учатся только на своих ошибках, а мы, аналитики, как можем пытаемся их от этого уберечь».

К.К. Мельник. 2005 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ОАС (OAS – Organisation de l'armée secrète) – «Секретная армейская организация», ультраправая террористическая организация, существовавшая во время алжирской войны. Использовала терроризм как метод политической борьбы. Девиз: «Алжир принадлежит Франции – так будет и впредь» (L'Algérie est française et le restera). Была основана в Мадриде в январе 1961 года, сразу после референдума о самоопределении Алжира. В ее состав входили военачальники французской армии. На Эвианские соглашения (март 1962 года), ознаменовавшие независимость Алжира и начало массового бегства франкоалжирцев, ОАС ответила чередой убийств и терактов.

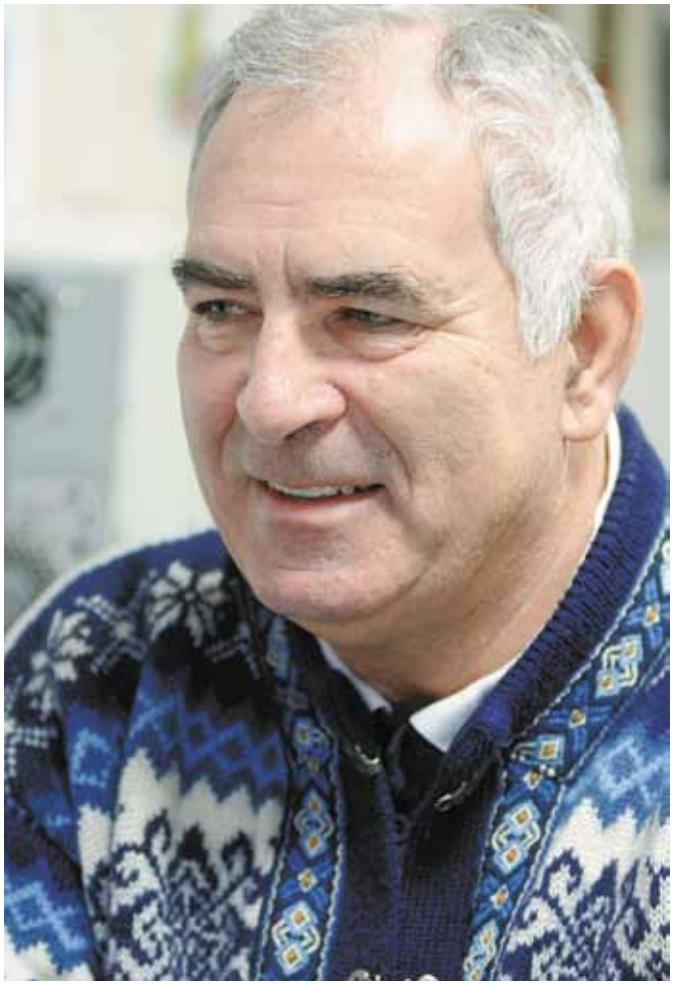
Среди работ Мельника книги с такими говорящими названиями, как роман «Агентство и комитет», автобиография «Шпион и его век. Диагональ двойника», мемуары «Тысяча дней в Матиньоне», шпионский детектив «История измены». Однажды он даже сыграл роль полковника КГБ в фильме «Диагональ слона». Вообще, парадоксы Мельнику очень свойственны. Русский для французов, для русских – француз. Но для себя он – «русский за границей».

«Я – русский. Абсолютно не ощущаю себя французом. Я родился во Франции. Получил образование еще при Третьей республике. И это все замечательно. Но на меня везде смотрели, да и сейчас смотрят, как на русского. А в последние годы я вообще перестал интересоваться французской политикой. За последние десять лет не прочитал ни одной французской книги. Зато пишу свои».

ДОВОЛЬСТВУЯСЬ МАЛЫМ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ
[ЧЕРЕПОВЕЦ]

К ПОРТРЕТАМ РАБОТЫ ВАЛЕРИЯ ДВОРЯНОВА ПРИЛАГАЕТСЯ ЛУПА – ИНАЧЕ ИХ НЕ УВИДЕТЬ.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Талант к созданию красивых вещей Валерий Дворянов ощутил еще в детстве

НЕЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ ЧАЩЕ всего заговаривают с ним о блохах, хотя Валерий Дворянов не энтомолог и не дезинфектор. Сравнение с тульским Левшой преследует его более тридцати лет: общество настоятельно требует повторения подвига героя Лескова, кто-то из знакомых даже живую блоху в банке подарил. Он обычно отвечает, что предпочитает изобретать свои микросюжеты, а не повторять уже придуманные. Так что блоха ползает по днищу банки неподкованная. «В принципе, подковать блоху вполне реально, Лесков не преувеличивал, – бормочет Дворянов, поднося тару к свету. – Точнее, не преуменьшал. Конечно, придется помучиться. Подковки сделать не так сложно, но вот гвоздики… Нужно поэкспериментировать с марками стали. Да еще придется изобрести сверхтонкое шило, для того чтобы проткнуть блохе лапки».

Дело, которым преподаватель череповецкого Училища искусств по классу баяна занимается в свободное от работы время, называется «микроминиатюра». Изобретатели термина не зря втиснули в него, казалось бы, явно избыточные «мини» и «микро». Коллеги Валерия Дворянова мастерят работающие электромоторчики величиной с точку, а он может похвастаться стихотворением Северянина из 98 символов, каллиграфически выведенным на маковом зернышке. Или тем, что уложил набор из 10 (!) столярно-слесарных инструментов в игольное ушко. А позже выложил кусочками сусального золота на человеческом волосе фамилию автора «Евгения Онегина». «Эту работу никто не видел, – вздыхает художник. – Я в Череповце не нашел увеличительного прибора для выставки, чтобы можно было это увидеть. А волос валяется где-то дома». Сейчас Дворянов работает над портретной галереей известных исторических личностей – уже более 40 «полотен» готово. Вот уж у кого домашние не жалуются на картины, захламляющие квартиру! Экспонаты выставок, производившие фурор в Москве и Европе (его даже в Оксфорде знают), умещались в портсигаре.

Не как все

Один талант хорошо, а два – плохо. Все детство, которое прошло в Краснодаре, Валерий Дворянов мучился, что выбрать: музыку или живопись? И к тому, и к другому он чувствовал интерес, а окружающие отмечали несомненные способности. Судьбу решил дядя-летчик, отрядив музыку в профессию, а живопись – в хобби. – Он однажды приехал к нам в гости с баяном и отчего-то решил мне его подарить, – вспоминает Дворянов. – В послевоенные годы любой собственный инструмент был большим делом, а тем более баян, который был в моде. Меня это захвати-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Спички и маковые зерна автор одной из самых маленьких портретных галерей в мире прикладывает к своим полотнам для ощущения размера

ло, и я стал заниматься. Потом была музыкальная школа и консерватория по классу баяна-аккордеона.

Опыт показывает, что у задорного баяниста дорога до загса на несколько шагов короче, чем у «штатского». Одинокая дворяновская гармонь бродила недолго – в Астраханской консерватории музыкант познакомился с будущей женой, а после завершения учебы супруги по распределению уехали в Череповец.

Но занятия живописью он не оставлял. Всерьез учиться большой живописи Дворянову показалось поздно.

– Я всегда чувствовал, что у меня от природы предрасположенность делать что-то красивое, – говорит Валерий Васильевич. – В народе это называется «умные руки». Они и вели меня по жизни. Я все постигал через них – понимал, что при желании могу сделать практически все. Преграды меня только раззадоривали. Особенно разыгрывалось воображение, когда я слышал, что нечто сделать невозможно и многие это уж пробовали, да тщетно.

Одной из первых преград стало домашнее задание в третьем классе – учитель велел школярам срисовать обложку учебника «Родная речь». Мол, буквы фигурные скопируйте и будет с вас. Медведей не срисовывайте – все равно не сможете. Дворянова это оскорбило, и он решил попробовать «укротить» медведей. «Получилось коряво и, наверное, наивно, но похоже на оригинал, и все очень удивлялись, а я упивался произведенным эффектом», – вспоминает он. Или, играя с друзьями во дворе, не мог удовлетвориться сучковатой палкой-автоматом. Свое деревянное оружие Дворянов аккуратно вырезал ножичком вместе с мушкой и курком и покрыл черной тушью. Получилось так здорово, что страшно было милиционеру на глаза попасться.

А вот мир лилипутов открыл другой Дворянов, отец Валерия.

– Он был первоклассным мастером по турбинам на электростанциях, но в молодости что-то заставило его потратить несколько суток на изготовление миниатюрной копии револьвера, которую он отослал в подарок самому Ворошилову, – рассказывает Валерий. – От того неожиданно пришло очень доброе

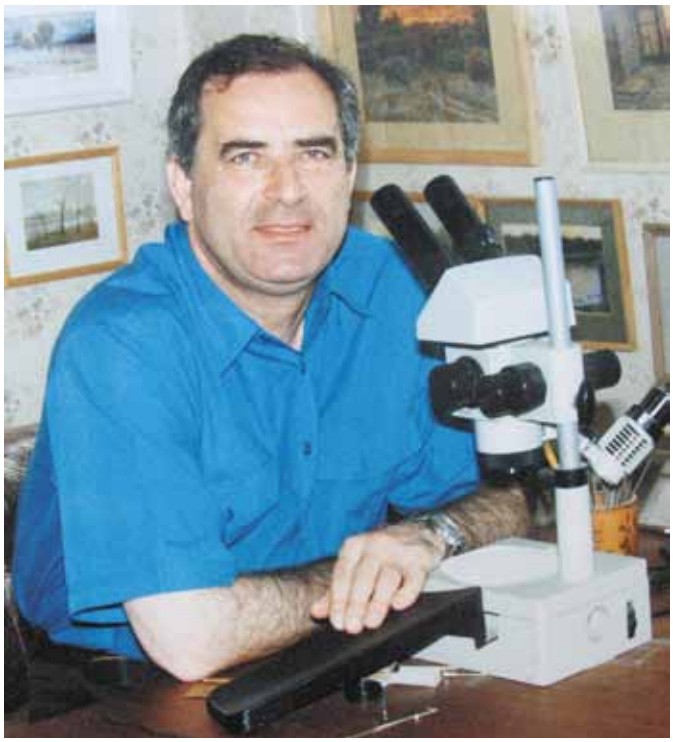
ВАЛЕРИЙ ДВОРЯНОВ

письмо, в котором сообщалось, что отца рекомендуют на Тульский оружейный завод. Он не поехал – семья, дом, хозяйство…

Кухня микроминиатюриста

Купленный Дворяновым где-то по случаю учебник «Тайны микротехники» очень скоро был зачитан до дыр. Сначала Валерий делал корабли, потом оружие, а там добрался и до портретов.

Инструменты пришлось изобретать и изготавливать самому. Над кистью долго голову не ломал – пошел по пути Хоттабыча, который творил чудеса с помощью собственных волос. Сырье для рисования вырывает из рук (от локтя до кисти) – лет двадцать как не вскрикивает и лет десять как не морщится.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

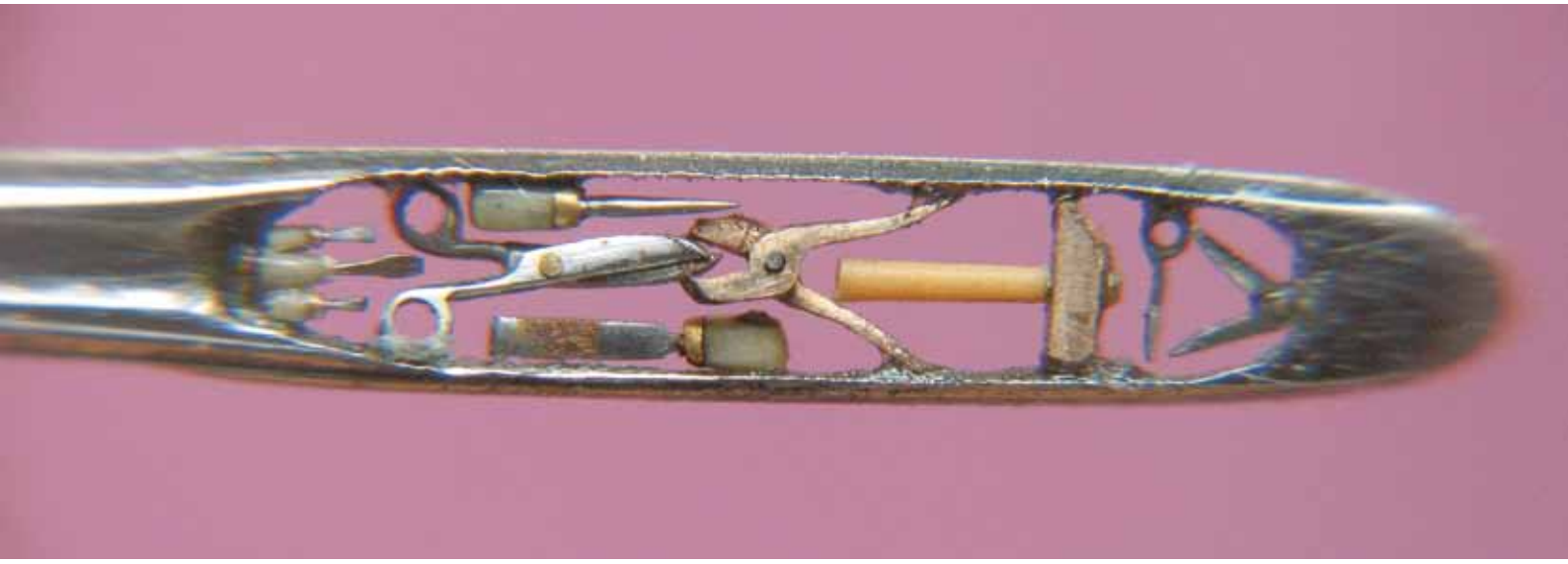
Еще совсем недавно Валерий Васильевич выбирал в магазине рис и мак придирчивее любой хозяйки. А ну как старый? Сухой? Или ломкий? То бишь для искусства не годный. На чем только не рисовал Дворянов – даже на рыбных косточках и кристаллах сахара! Пару лет назад знакомый художник подарил пластинку из слоновой кости величиной с ладонь, часть которой Валерий Дворянов тут же распилил на «холсты» величиной 3 на 4 миллиметра. «Мне ее надолго хватит», – радостно заявляет Валерий Васильевич. Ему надолго и надо – в последние годы Дворянов занимается исключительно портретами (более десяти лет назад его выставка изображений Пушкина на 200-летие поэта в ВВЦ имела отличные отклики).

Помогает Дворянову микроскоп, который Левша звал мелкоскопом. Обзавестись собственным оптическим прибором Дворянову удалось лишь в 80-е годы прошлого века. В одном из магазинов выбросили один, но по страшной цене – 700 рублей, что составляло три тогдашние зарплаты преподавателя музыкального училища. Помогла грянувшая деноминация: брал в кредит по старой цене, а через пару месяцев рассчитывался новыми деньгами.

Обзавестись собственным микроскопом художник смог лишь в 80-е годы

– Микроскоп для меня – окно в другой мир, который временами увлекает больше, чем реальный, – признается Дворянов. – Когда я за работой, я один во вселенной – ничего вокруг не существует, я не слышу автомобилей за окном и соседей за стенкой.

Впрочем, под руку мастеру все равно лучше не соваться. Дверной звонок не вовремя может в буквальном смысле перечеркнуть труды нескольких дней. Случалось, автор ненароком сдувал свои «полотна» на пол, что для микроминиатюриста катастрофа. «Очень помогли занятия карате и другими восточными единоборствами, – говорит Валерий Васильевич. – Они научили не ногами махать, а сосредоточиваться, концентрировать энергию, отключать эмоции».



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Точка, я тебя знаю

Все 40 портретов, которые Валерий Дворянов написал в последние пять-семь лет, уместятся даже не на стенах особняка Барби, а в ящике ее письменного стола. Задачи изобразить сто или тысячу портретов художник не ставит – «сколько смогу». Галерея была задумана, дабы утолить желание сделать что-нибудь по-настоящему серьезное и большое. Но в рамках микроминиатюры. «Надоело, что мои работы считают цирковым трюком», – сетует мастер.

Критерии для выбора достойнейших довольно размытые: на костяные портреты попадают либо за упоминание в энциклопедиях вроде «Люди, изменившие мир», либо потрясшие воображение самого портретиста. Так, на костяные полотна попали первое лицо России Дмитрий Медведев (лицо шириной в миллиметр) и три других президента страны, а также главы иных государств, как давно умершие, так и ныне живущие. Саркози получился щеголем, а Обама – совершенно белым. Валерий Дворянов испробовал множество оттенков черного и коричневого цветов, но схожести портрета с реальным президентом США не получалось. В конце концов изобразил его в стилистике черно-белой фотографии.

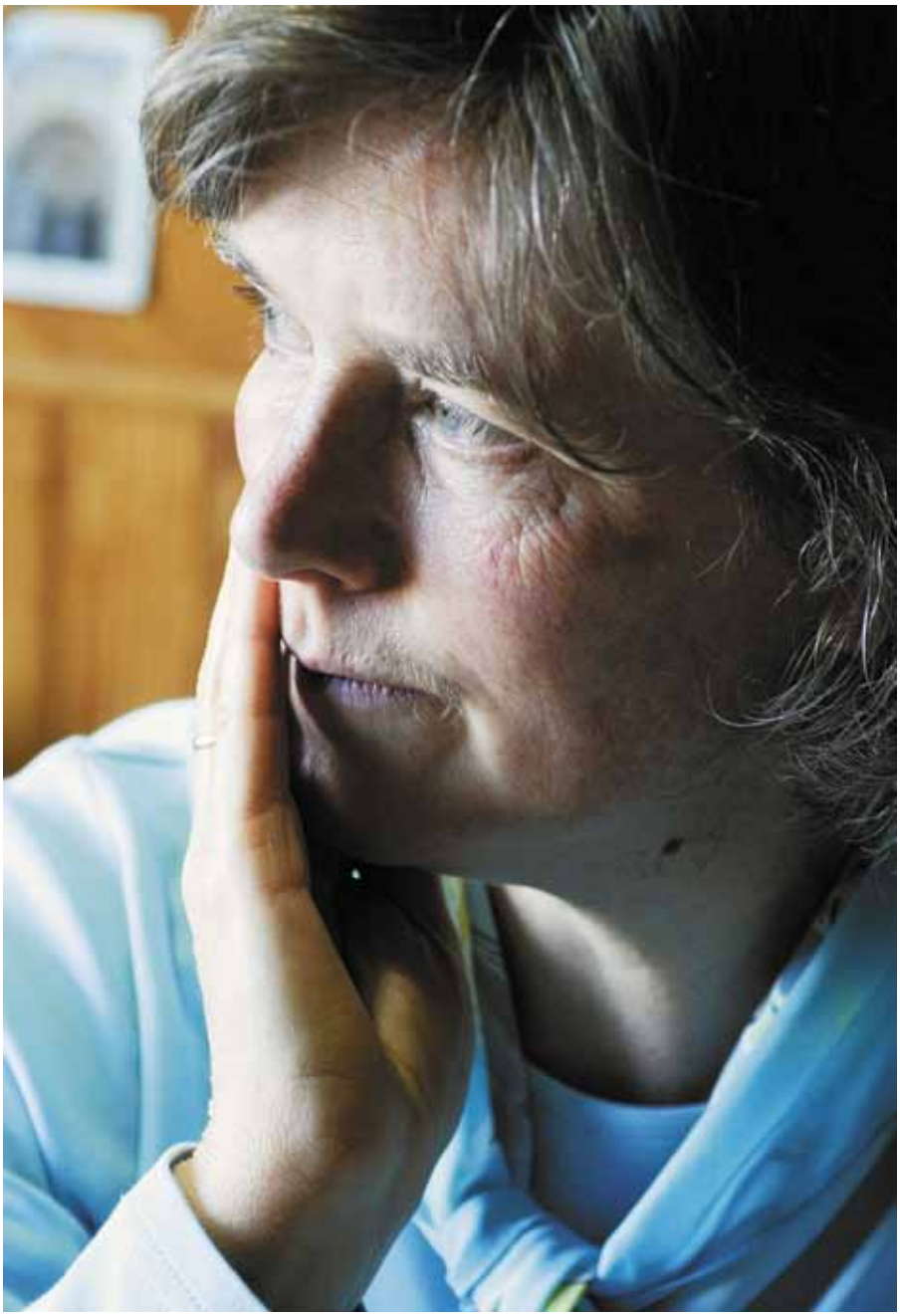
Среди людей, которые покорили Дворянова своим талантом, – Ростропович и Пугачева (примадонне пришлось нанести на губы пять слоев краски, чтобы были объемными и блестели), де Фюнес (в мундире жандарма), Ксения Собчак и многие другие. Посмотрел Валерий Васильевич передачу, посвященную памяти Виктора Цоя, услышал по радио песню Эдит Пиаф, наткнулся, переключая каналы, на фильм «Тутси» с участием Дастина Хоффмана и… бах… принял импульс из космоса. Детали смерти Цоя, последний куплет Пиаф и финал «Тутси» остались неизвестными. Дворянов идет к компьютеру, ищет в Интернете подходящее фото захватившего его воображение героя для «позирования» (Хоффмана так и перенес на кость в женском парике) и садится к микроскопу.

– Я просто иду и делаю, – говорит Валерий Дворянов. – Не анализирую – как, почему и с какой целью я должен изобразить того или иного человека. Зачем? Это только отвлекает от работы и сбивает. Все равно что задумываться, что делает рука, когда нога шагает. Я очень люблю это ощущение – будто с глазу на глаз с человеком, которого рисую, будто общаюсь с ним. Он смотрит с одного конца микроскопа, я с другого – более сосредоточенного и пристального взгляда трудно себе представить.

АНГЛИЙСКИЙ РЕГЕНТ

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ
ФОТО **АНДРЕЯ СЕМАШКО**

ВЕЧЕРНЯЯ СЛУЖБА В ХРАМЕ ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПОДХОДИЛА К КОНЦУ, ХОР НА КЛИРОСЕ ПЕЛ ИЗУМИТЕЛЬНО. ЖЕНЩИНА В ЦЕРКОВНОЙ ЛАВКЕ ВЗДОХНУЛА: «ГОВОРЯТ – АКЦЕНТ АНГЛИЙСКИЙ! А Я НИКАКОГО АКЦЕНТА НЕ СЛЫШУ. НОРМАЛЬНО ПО-НАШЕМУ ПОЮТ». ОНА ВЫЖИДАТЕЛЬНО СМОТРЕЛА НА МЕНЯ, И Я ЧЕСТНО ПРИЗНАЛСЯ, ЧТО АКЦЕНТА ТОЖЕ НЕ УЛАВЛИВАЮ. КИВНУВ, ЖЕНЩИНА РЕШИТЕЛЬНО ЗАЯВИЛА: «ТАКОГО АНГЕЛЬСКОГО ПЕНИЯ ВЫ НИГДЕ БОЛЬШЕ В АЛАТЫРЕ НЕ УСЛЫШИТЕ».



...РУФЬ АЛИСОН СНИМАЕТ красивую голубую косынку, в которой она пела на клиросе, аккуратно складывает ее и прячет в сумку, где уже лежит камертон. Подданная британской короны, как и следует настоящей английской леди, одним уверенным движением надевает теплую шляпку, которую, кстати, она ни разу не поправит во время неблизкого пути домой. Шляпка, которую Руфи подарила одна из прихожанок храма, ей к лицу. «Как же вы попали сюда – в Алатырь?» – «Ну, чтобы рассказать об этом, нужно выпить много чая!» – улыбается Руфь в ответ. Чая мы пили много.

Достоевский до России доведет

…Когда сестра Руфи, Клер, увидела портрет Достоевского, то досадливо поморщилась: какое унылое лицо! Она не понимала – что такого особенного нашла Руфь в этом русском писателе? Руфь же говорит, что именно Достоевский привел ее в Россию. В первый раз она услышала о нем от своей французской подруги, которая приехала в гости к Руфи. Подруга нередко уединялась с толстой книгой, отказываясь от прогулок по окрестностям и выездов на побережье. Руфь была заинтригована. Подруга рассказала ей о Раскольникове, Сонечке Мармеладовой, князе Мышкине и Настасье Филипповне. Они говорили о Достоевском даже в порту, куда Руфь приехала проводить подругу. Затем была переписка и споры о Достоевском. К этому моменту книги русского писателя ста-

ли для Руфи в прямом смысле слова настольными.

Сестра по-прежнему не понимала ее симпатий к мрачному иноземному литератору, но удивляться перестала. В конце концов, Руфь вообще отличалась от большинства сверстниц: одевалась просто, косметикой не пользовалась, много читала, даже заплетать волосы в косички перестала позже всех.

Родители Руфи – люди верующие, принадлежат к англиканской церкви. Ее мать, Маргарет, хормейстер по образованию, собрала любительский хор, в котором пела тридцать лет. Хор давал концерт каждую неделю, а среди его участников был даже слепой певец, для которого Маргарет за свой счет переводила ноты на систему Брайля. Отец семейства, Дэвид, учитель иностранных языков, тоже пел в хоре, как, впрочем, и сама Руфь.

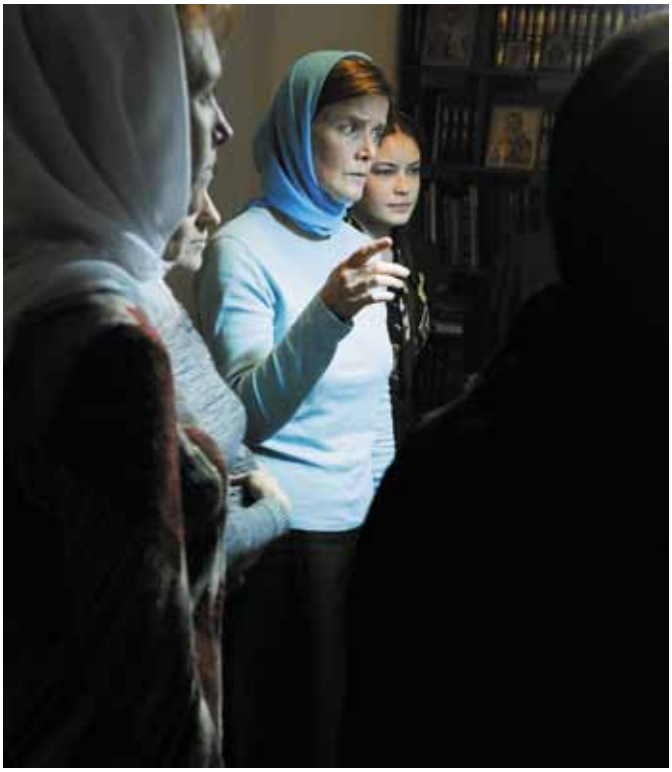
В Даремском университете, что на севере Англии, Руфь выбрала филологический факультет с изучением французского и русского языков. Она мечтала прочитать произведения классиков русской литературы в оригинале – список любимых русских писателей к тому времени заметно расширился, чему способствовали и преподаватели-эмигранты из России. После четырех лет обучения ей посчастливилось побывать в Ленинграде. В памяти остался Финский залив, музеи, дворцы, посещение православного храма и… чувство неловкости: Руфь поняла, что ее владение русской разговорной речью оставляет желать лучшего. Так что после одного университета отправилась в другой, расположенный на юге Англии, в городе Бафе. Здесь она осваивала специальность переводчика с английского на русский. Но главным событием того периода своей жизни Руфь считает знакомство с местной православной общиной прихода Святого праведного Иоанна Кронштадтского, а затем принятие православия в 1995 году. Быть православным в Англии очень даже непросто. Впрочем, Руфь слышала, что и в России быть православным нелегко. Это было время, когда православные храмы только начали открываться в России, куда Руфь тянуло все сильнее. В Петербурге для нее нашлось место преподавателя на курсах переводчиков. Среди слушателей оказались учителя из столицы Чувашии, Чебоксар. Знакомство и дружба с ними вылились в приглашение приехать преподавать английский язык в обычную чебоксарскую школу. Руфь согласилась. С учениками отношения сложились сразу. Правда, Руфь поразил высокий уровень знания ее родного языка и творческий подход к занятиям, а учеников удивило то, что учительница-англичанка стала петь на клиросе в местном православном храме.

Поначалу на клиросе ей приходилось трудновато. Хор был профессиональный, репетировали мало. О подобном профессионализме в провинциальном городе Руфь и подумать не могла. Она замечала, что нравится далеко не всем своим коллегам. Однако никто никаких замечаний ей не делал. Новые знакомые ей были симпатичны, работа в школе – нравилась, все шло замечательно. И хотя Руфь скучала по Англии, возвращаться туда она не собиралась. Ей вообще не хотелось уезжать из Чебоксар.

Алатырь

Об этом городе она впервые услышала, когда знакомые рассказали ей о священнике – отце Василии. Француз, принял православие, служит в мужском монастыре Алатыря (см.: «Русский мир.ru» 2010, №11, «Одиссея отца Василия»). Конечно, познакомились. Отец Василий пригласил ее в гости. Руфь приезжала, помогала восстанавливать храм. Отец Василий стал ее духовником, предложил перебраться в Алатырь. А тут еще и благочинный Алатыря отец Владимир стал ее упрашивать переехать: ему хотелось, чтобы среди местных учителей было больше православных. Случилось все это в 1997 году, когда Руфи исполнилось 36 лет.

В Англии решение Руфи перебраться в еще более дальнюю глубинку вызвало испуг. Мать Руфи приезжала в Чебоксары, чтобы увидеть город и школу, где работала дочь, выросшая среди вересковых пустошей графства Уэльс. Визитом Маргарет



Без подданной английской королевы Руфь Алисон не обходится ни один православный праздник в храме Иверской иконы Божией Матери Алатыря

осталась довольна. Апеллируя к тем впечатлениям матери, Руфь объясняла родне, что в Алатыре ей хуже не будет. Правда, сама не была уверена в том, в чем так убеждала свою семью. Особенно когда наконец переехала. Городишко маленький, улицы запущенные… От одиночества и тоски по Англии ее спасало общение с соседкой по комнате. Матушка Евлалия – коренная москвичка, преподавала французский язык, а в Алатыре постриглась в монахини и долго была переводчиком для отца Василия. Да и с Руфь она больше говорила по-французски, чем по-русски. Успокаивала и поддерживала, советовала, как лучше вести себя в школе, в которой на Руфь смотрели как на богатую чудаковатую англичанку. У Евлалии был красивый альт, так что подруги нередко пели вместе. К матушке приходило много людей, и постепенно Руфь перезнакомилась чуть не с половиной города.

Однако матушка Евлалия страдала от рака, врачи предупредили, что жить ей осталось считанные месяцы. Когда монахиня уже не могла посещать храм, священник приходил причащать ее домой. Собирались и многочисленные друзья матушки Евлалии, все вместе трапезничали, читали, молились. Руфь признается, что после смерти Евлалии часто думала о том, что, если бы ей удалось провести последние месяцы своей жизни так, как прожила их ее подруга, она бы считала, что жизнь не была напрасной. И еще не раз в сложных ситуациях она мысленно обращалась к матушке Евлалии за советом.

А ситуаций таких было немало. Руфь хотела, чтобы в ее доме всегда было много гостей, а они не шли… Повинуясь душевному порыву, купила у соседки по дому партию резиновых тапочек, которые той выдали вместо зарплаты. А когда соседка снова принесла ей полную сумку – растерялась. С предыдущими-то тапочками не знала, что делать… Учителя английского языка в школе боялись при ней говорить по-английски, опасаясь получить от нее замечание…

«Своей» в Алатыре Руфь признали лишь после того, как она стала петь на клиросе. Это произошло не сразу. Ведь сначала на службы Руфь ходила только в мужской монастырь, где служил ее духовник отец Василий. А там мужской хор поет. И вдруг Руфь случайно узнала о наборе певчих в хор собора Рождества Пресвятой Богородицы, выяснила, что набирает и обучает новичков матушка Наталья – регент храма. К ней и пошла учиться.

Теперь ее день состоял из занятий в школе, пения на клиросе и посильной помощи в восстановлении храма Иверской иконы Божией Матери, куда перевели отца Василия. Когда шесть лет назад храм открыли, Руфь пошла туда на молебен и услышала, как плохо, вразнобой поют певчие. Им явно нужна была помощь, и Руфь, не задумываясь, предложила свою. С благословения отца Василия и неожиданно для себя она возглавила церковный хор, то есть стала регентом. И с первых же шагов поняла всю тяжесть взятых на себя обязательств.

Доля регента

Главный инструмент регента – камертон. Найти его в городке не было никакой возможности, а поделиться, даже на время, своим камертоном другие регенты не соглашались. В Чебоксарах его тоже не удалось раздобыть. Оказалось, легче привезти камертон из Англии, так что из очередной поездки к родным Руфь вернулась сразу с двумя камертонами. Правда, один тут же попросили подарить в другой храм. Свой же камертон Руфь всегда носит с собой, боясь его потерять.

Немало вечеров проплутала по улицам русского провинциального городка Руфь Алисон в поисках певчих для церковного клироса

Искала бас для хора, а нашла спутника на всю жизнь. Руфь и ее супруг Владимир Колосов

Еще Руфь привезла обувь про запас. Прочные английские ботинки нужны для достойного исполнения обязанностей регента. Нет, конечно, не для того, чтобы красоваться в них на клиросе! Руководителю церковного хора нужно хорошо знать город – вплоть до самых дальних и глухих дворов. А там ведь ни асфальта, ни даже досок, по которым можно пройти... Выдержать такое может только английская обувь! Зато благодаря ей Руфь всегда могла вовремя собрать своих певчих на очередную спевку, найти замену заболевшим, не промочить ноги и самой не простудиться. На городок с 45 тысячами жителей приходится семь приходских церквей, а еще есть монастырские храмы. Найти певчих – проблема.

Больше всего Руфь боится только одного: а вдруг заболеют все певчие и ей придется остаться на клиросе одной? Ведь русские морозы – не шутка. Или переманят певчих в другие храмы. Но такого ни разу не случилось. Руфь подбирает и учит новых певчих сама, хотя дело это крайне нелегкое. Ведь даже простое объяснение того, что церковное пение основано на системе осмогласия (то есть восьми гласов или мелодий), которую должны знать певчие, и что каждой неделе соответствует только один из гласов, стоит больших сил. Объяснять приходится, как правило, девушкам, знакомым с музыкой только по дискотекам.

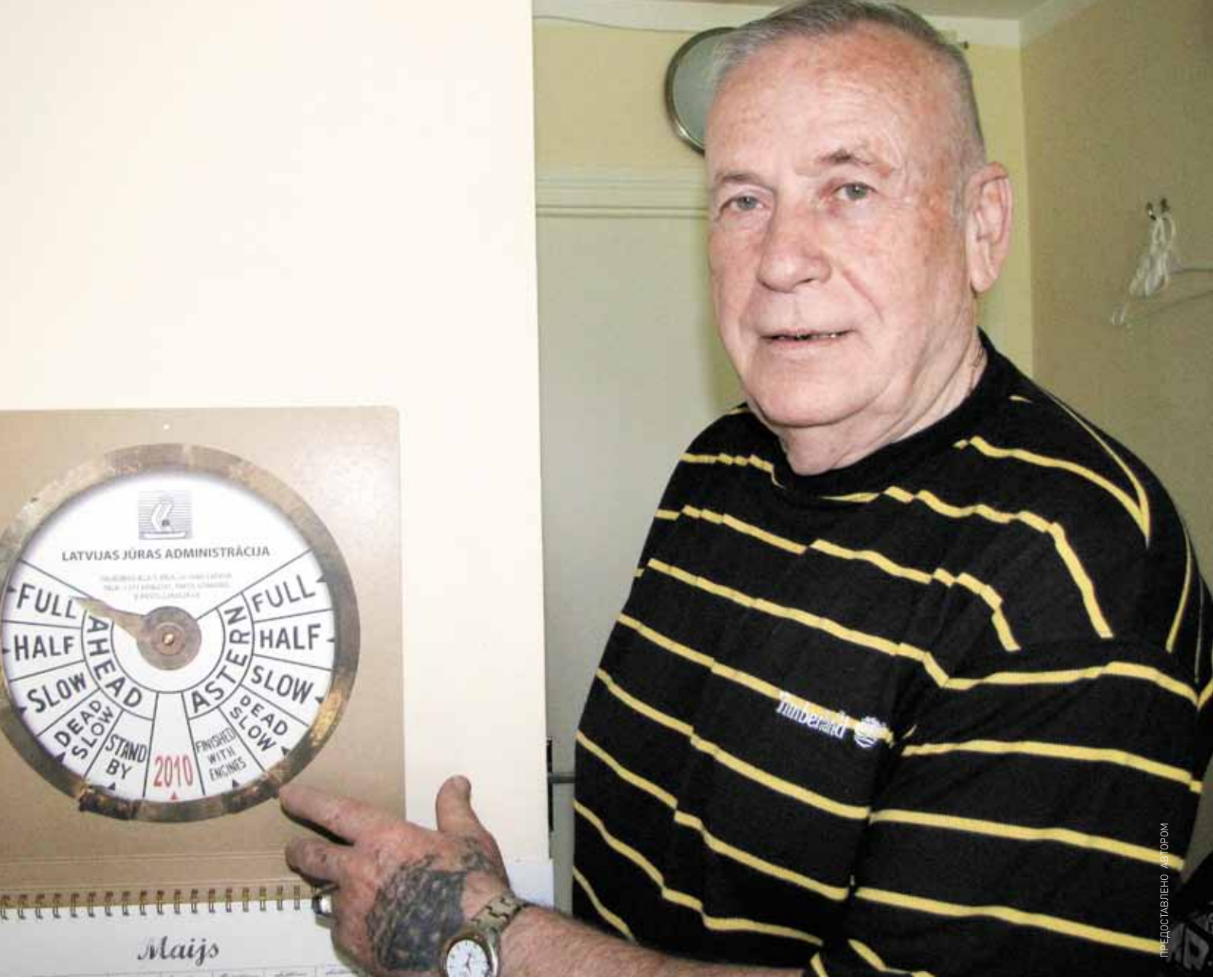
Одной из первых учениц стала девушка, которую Руфь заметила еще в школе на уроках английского языка. Сейчас ей двадцать лет, она учится в медучилище в Сызрани, а когда приезжает на каникулы, то поет в храме. Две девушки стали петь у Руфи на клиросе, еще учась в девятом и десятом классе. Были и другие ученицы, родители которых уже привыкли не удивляться, когда поздним вечером раздается деликатный стук в дверь и с порога слышен голос с английским акцентом, расспрашивающий их девочек о выполненном домашнем школьном задании. Только тогда Руфь просила их прийти на спевку или праздничную службу.

Три года назад Руфь собрала новый хор девушек. На Крещение и Рождество пение певчих заслужило похвалы прихожан. Правда, было высказано пожелание, чтобы на Пасху в хоре появился и мужской бас. Да только где его взять?

Однажды она заметила, что настоятель храма Иверской иконы Божией Матери беседует со школьным учителем музыки. Этого человека она уже видела поющим на церковных праздниках в других храмах. Голос его ей очень нравился – густой, сочный бас. А еще через несколько дней они случайно встретились у школы. Разделяли их сугробы. Руфь перемахнула через них и задала учителю вопрос прямо в лоб: «Вы не хотите петь у нас на клиросе?» Вспоминая этот случай, Владимир Колосов смеется до сих пор. Его и до этого звали в церковные хоры, однако он чаще отнекивался, соглашался петь лишь по большим праздникам. А тут… Не смог сказать нет.

Так на клиросе храма Иверской иконы Божией Матери появился бас. А у Руфи появился друг и спутник для прогулок в лесу. Теперь было с кем собирать грибы, ягоды, было кому варить густой и вкусный джем… С Владимиром они много говорили о музыке, вместе играли в спектаклях, которые ставила самодеятельная студия при храме. А певчие клироса с удовольствием пили вкусный чай, который Владимир заваривал из собственноручно собранных трав. Чай этот, между прочим, благотворно влияет на голосовые связки, потому он так нравится певчим. Владимиру Руфь смогла рассказать о том, как трудно привыкала жить в России. Как покупала лопату, чтобы убирать снег у дома. Как куталась от холода в несколько одеял. Как смотрела из окна на реку Алатырь и вспоминала море. Как пережила смерть мамы… Как трудно постоянно объяснять людям причины, по которым она уехала из Англии и поселилась в провинциальном российском городке… Владимир все понял.

…В декабре 2008 года Владимир и Руфь обвенчались. На свадьбу приехали все сестры и братья Руфи из Англии. Из Франции приехала даже та самая подруга, которая познакомила ее с книгами Достоевского. Руфь показала им не только достопримечательности городка, но и места, которые стали ей дороги, в том числе могилу матушки Евлалии… Отец Руфи был тронут тем вниманием и уважением, которым окружена его дочь в маленьком российском городке. Гостей было так много, что маленький дом Руфи не смог всех вместить, и пришлось расквартировывать родственников по алатырским друзьям. Чтобы в будущем избежать такого казуса, Руфь и Владимир заложили фундамент нового большого особняка. Ведь возвращаться в Англию Руфь не собирается. Разве можно бросить клирос, который она собрала с таким трудом?



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК – НАСТОЯЩАЯ ЛЕГЕНДА: В КОРАБЛЕКРУШЕНИИ – ВЫЖИЛ, В АВИАКАТАСТРОФЕ – УЦЕЛЕЛ. ДВАДЦАТЬ РАЗ ПЕРЕСЕКАЛ ЭКВАТОР, ТРИЖДЫ ОБХОДИЛ ВОКРУГ ЗЕМНОГО ШАРА. ПЕРЕНЕС 36 ОПЕРАЦИЙ, 18 ИЗ НИХ – ПОД ОБЩИМ НАРКОЗОМ. ЛИШИВШИСЬ ОБЕИХ НОГ, 27 ЛЕТ ХОДИЛ В МОРЕ НА ПРОТЕЗАХ. И ЭТО – ЕДИНСТВЕННЫЙ СЛУЧАЙ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ, ВПОЛНЕ ДОСТОЙНЫЙ КНИГИ РЕКОРДОВ ГИННЕССА.

ИГОРЬ ВИНОКУРОВ – БЫВШИЙ моряк, радист, а ныне обычный пенсионер – последние пять лет живет в пансионате неподалеку от латвийского городка Елгавы. Свою комнату он называет каютой, кухню – камбузом, в Интернете следит за всеми мировыми баталиями на море и на суше, а за «оккупанта» может и крепко приложить.

Мы знакомы уже четверть века, еще с тех времен, когда он был радистом латвийского учебного парусника «Седов» и присылал нам в редакцию молодежной газеты свои радиограммы и заметки. Наш «морской корреспондент» активно выступал против недостатков на флоте, заступался за несправедливо обиженных моряков, боролся за сохранение «Седова», когда в 90-е годы в стране начался де-

леж имущества. Он тогда даже в Москву ездил и добрался до самого Бориса Ельцина. Тот обещал помочь, но потом случился августовский путч, и «Седов» из Мурманска в Ригу уже не вернулся. Тогда он сильно переживал, а сейчас думает: может, оно и к лучшему – барк-то до сих пор бороздит моря и океаны. А как сложилась бы его судьба, останься он в Латвии, – неизвестно...

Несмотря на свои 70 лет, бывший радист не растерял ни боевого духа, ни природной склонности к приключениям и авантюрам. В пансионате, где в основном проживают представители титульной нации, с ним побаиваются связываться. На 9 Мая он обязательно прикрепляет к пиджаку георгиевскую ленточку и ходит по корпусам – чтобы все видели. Большинство смотрят приветливо, поздравляют. Некоторые опускают глаза и молчат, знают – этот русский может ответить с морской прямотой. Среди постояльцев есть и бывшие легионеры СС. Как-то в споре один из них заметил, что и у «советов» были свои власовцы и бандеровцы. Винокуров популярно ему объяснил, что русские своих предателей всегда расстреливали и клеймили позором, а не считали их героями или патриотами. В ответ на это кто-то неосторожно назвал моряка «оккупантом». Пришлось и ему втолковать, что «оккупанты» в советской Латвии поднимали промышленность, строили дома, школы, заводы, больницы, те самые, которые нынешние власти повсеместно закрывают. Из-за чего сегодня из страны молодежь разбегается, а старики вынуждены доживать свой век в приютах. На этом дискуссия обычно завершается…

Винокуров – сын солдата Великой Отечественной войны. Его отец вернулся с войны с 8 ранениями и обломком штыка в груди, который врачи так и не рискнули вытащить. Старый солдат передал сыну по наследству железную выдержку и стойкость, благодаря которым Винокуров за свою бурную жизнь смог вынести столько испытаний, что и на десятерых бы с лихвой хватило.

Крещение морем и небом

1957 год. Одесса. Ему едва исполнилось 18 лет, когда его взяли машинистом на довоенный черноморский сухогруз. При входе в Босфор в их сухогруз врезалось норвежское рыболовное судно. Видимо, иностранцы решили с форсом подойти к русским, чтобы перед самым носом резко отвернуть в сторону. Но не получилось – лопнул трос, который приводит в движение штурвал. Главный удар пришелся на машинное отделение, котельную моментально залило водой. Машинист Винокуров, взвалив на плечи контуженого кочегара, с трудом выбрался наверх. Сухогруз начал погружаться на дно. Пришлось прыгать в море. Друзья долго держались на поверхности, пока их не подобрал английский эсминец. Спасенных русских моряков отвезли в больницу в турецкий порт Измир. Человек десять из их экипажа тогда погибли… Таким было его первое испытание на прочность. Но не последнее.

В 1967 году по направлению Черноморского пароходства Винокуров поехал в Латвию, где требовались механики на паровые суда. Здесь он работал старшим машинистом на рыболовной плавбазе. На берегу его ждали жена и сын. Все как у людей. Но так было до 30 декабря 1967 года. В этот день под Лиепаей разбился самолет Ан-24. Из 57 человек в живых остались только два летчика и шесть пассажиров. Одним из них был Игорь Винокуров…

Под Новый год он прилетел в Ригу из Лиепаи, где стояло их судно. Хотел семью проведать, да и капитан попросил отвезти отчеты на базу. Винокуров обещал не задерживаться в городе и вернуться первым же авиарейсом. Вместе с ним в Ригу полетел матрос Лева Новиков – забрать костюм из ателье. Закончив все дела, пошли за билетами на самолет. Матрос, правда, уговаривал Игоря ехать поездом, как будто что-то предчувствовал. Но Винокуров боялся опоздать: утром 31 декабря они должны были быть в Лиепае и отправляться в рейс. Лететь нужно было всего лишь 45 минут...

«Я всегда буду испытывать вину перед этим парнем. Ему спастись не удалось, – рассказывает Игорь. – Самолет уже шел на посадку, когда что-то случилось с двигателем. И Ан-24 резко пошел вниз. Я еще успел сказать: «Лева, что-то мы быстро садимся!..» И в этот момент раздался первый удар – крылом самолет зацепил столб… И почти тут же – второй. Самолет упал хвостом в землю

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

1957 год. После окончания Одесской мореходной школы юный машинист Игорь Винокуров отправился в свой первый рейс, который едва не стал для него последним…

и сложился как гармошка. Я не успел пристегнуться и вылетел в щель разорвавшейся обшивки. Лежу на снегу. Ноги неестественно вывернуты в разные стороны. Первая мысль: сейчас взорвутся двигатели самолета. Пытаясь встать, оперся на правую руку и упал. Рука была сломана. Кое-как все же отполз метров на пять. Взрыва не было. (Потом только я узнал, что второй пилот, перед гибелью, успел нажать кнопку системы пенотушения.) Мне стало плохо, но думаю: сейчас приедет помощь. Лежу, жду, голова в луже крови. Даже пошевелиться не могу. Вдруг слышу – крик. Боковым зрением вижу, как какой-то мужик в лыжном костюме стаскивает с лежащего на снегу паренька нейлоновое пальто с вязаным воротником. У того переломаны обе руки и нога, он кричит от боли, а «лыжник» раздевает его как ни в чем не бывало! Ничего себе, думаю, помощь! И тут вижу, этот мужик уже надо мной стоит. Сейчас, думаю, даст мне по голове, а я и сделать ничего не могу. Хоть бы пониже наклонился, я бы ему в глотку зубами вцепился!.. А он мне пиджак расстегивает, добирается до бумажника. Я ему говорю: «Да что же ты, гад, делаешь?!» Он вроде смутился, говорит, там, мол, раненых много, надо их накрыть. А я сам в пиджаке, под которым одна нейлоновая рубашка! Но мародер от меня все же отстал. Потом подошел парень в синей форме из летного института. Положил мне под голову свою меховую шапку, говорит: «Извини, больше ничего нет, накрыл остальных». Ну, мне немножко легче стало. Вижу, недалеко от меня женщина поднялась с земли, сбросила с себя чьи-то обрубки рук и ног и босиком побежала по снегу в сторону леса. У нее единственной из всех пассажиров не оказалось ни синяка, ни царапины, но психика не выдержала. Я еще обратил внимание – ноги красивые...».

Помощь прибыла минут через сорок. Всех пассажиров – живых, мертвых – погрузили в машину и повезли в ближайшую больницу. У Винокурова оказалось пять открытых переломов. Единственное, о чем он мечтал по дороге, – это потерять сознание. Не было сил терпеть адскую боль, особенно когда машину трясло на ухабах. Но это ему так и не удалось. В больнице врачи несколько часов вытаскивали из него осколки дюралевой обшивки самолета, чистили раны. Один кусочек вытащить не смогли, так до сих пор и живет с ним. (Вот и не верь после этого в кармическую связь поколений!) Медики предупредили, что, наверное, придется ампутировать ступни обеих ног. Стать в 28 лет инвалидом... Моряк просил повременить, попытаться спасти ноги. Через полтора месяца началась гангрена. Загипсованного как мумию, его перевезли в Ригу, в Институт травматологии. Операции шли одна за другой. Увы, ноги спасти не удалось…

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Когда Винокуров отбивал морзянку своими огромными кулачищами, все остальные его коллеги замолкали, освобождая эфир легендарному радисту

Битва за море

Но и после ампутации состояние Винокурова не улучшалось. Началось истощение, дистрофия. Он весил 38 килограммов вместо прежних 80. Медсестры переносили его на руках. Никогда он не забудет

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На построении экипажа парусника «Седов». «Латвийский Маресьев» – второй справа

этих девушек, делавших все, чтобы облегчить его страдания, – медсестер Дину, Бригиту, Монику, Валю. Но своей главной спасительницей он считает доктора Эрику Закис, которая заведовала отделением. Когда ему было плохо, она приезжала из дома даже по ночам. Однажды, когда он почувствовал себя немного лучше, доктор Закис принесла ему учебный протез на левую ногу. Она знала, как он хотел встать на ноги хотя бы на несколько минут!

Обняв руками эту хрупкую женщину, Игорь оперся на протез, попытался сделать несколько шагов. Но в глазах все поплыло, они рухнули на кровать и... оба заплакали. Тогда-то Игорь ей и пообещал: «Ничего, доктор, я еще с вами вальс буду танцевать!»

Впереди были бесконечные операции, боль и страдания. Ноги пришлось ампутировать уже по колено. Много раз «латвийский Маресьев», как называли его в местной газете, умирал и возрождался к жизни. По совету старого военного врача его отправили на родину, в Одессу. Летел на самолете с мыслью выжить и непременно вернуться в море. Это придавало силы. В одесской больнице для моряков он впервые встал на протезы и сразу пошел. (Кстати, ему их делала та же врач, которая в свое время поставила на протезы легендарного Алексея Маресьева.) Был счастлив, несмотря на то, что из культей ручьями хлестала кровь. Глядя на него, лечащий врач произнес: «Ты, парень, будешь ходить!..» В 1970 году, через три года после аварии, Игорь уже научился относительно нормально ходить на украинских тяжеловесных протезах.

Да, однажды он опять попал в аварию! На этот раз – в автомобильную. Их «легковуха» столкнулась с неожиданно выскочившим военным грузовиком, за рулем которого сидел мальчишка-солдат. Игоря выбросило из машины в одну стороны, а протезы отлетели в другую. Из грузовика вышел солдатик и, в ужасе увидев, что по его вине человеку оторвало ноги, грохнулся в обморок. Приехавшая «скорая» долго приводила его в чувство. Игорь тогда попал в реанимацию, но все же отделался сравнительно легко.

Один бой он уже выиграл – ноги, пусть ненастоящие, отвоевал. Теперь предстояла новая борьба – за море. Первая же медкомиссия его вчистую «задробила». Но они не знали, с кем имеют дело! В следующий раз Игорь запасся рекомендацией знаменитого профессора Виктора Калнберза, который написал, что Винокурова с его железным здоровьем и силой воли можно даже в космос отправлять. Но... опять осечка. Тогда Игорь приводит на комиссию своего друга, боксера, и предлагает врачам понаблюдать за их поединком. Медики должны были убедиться, что он может твердо стоять на ногах. Убедил всех, кроме одного – молодого хирурга. Тот единственный дает заключение: не годен! Во время шторма равновесие удержать не сможет. Тогда Игорь поднимается по пожарной лестнице до 5-го этажа. И... делает там стойку на руках! Вот тебе

равновесие! При шторме-то главное не ноги, а руки. А уж они у Винокурова железные. В этом все убедились. Потом председатель комиссии Мелита Августовна рассказала ему: «Мой муж – он тоже моряк, – узнав про тебя, сказал мне: если ты не выпустишь этого парня в море, я тебя знать не знаю!..» И медкомиссия в итоге дает заключение: годен, но только в должности киномеханика или радиста.

«Это была победа! – даже сейчас, вспоминая ту судьбоносную медкомиссию, Игорь весь светится от радости. – Да я готов был идти хоть уборщицей, лишь бы в море!.. Но потом начались проблемы с устройством на работу. Никто не решался взять меня в рейс. И тогда я пошел к заместителю начальника «Запрыбы» Соколову. По гроб жизни буду ему благодарен! Выслушав меня и посмотрев заключение медкомиссии, он мне сказал: «Подучись немного и пойдешь в рейс дублером радиста». Я поступил в лиепайскую мореходку на заочное отделение, сдал техминимум, и в виде исключения еще до получения диплома мне разрешили идти в рейс. Сбылась мечта!..»

Годен во все плавания

Когда Игорь сдавал экзамены, про него написали очерк в «Комсомолке». Преподаватели училища потом удивлялись: «Что ж ты не сказал, что ты на протезах?» «А зачем? – ответил Винокуров, – я такой же, как все...». Он ушел в свой первый после авиакатастрофы рейс на плавбазе «Трудовая слава», где капитаном был Валерий Латышев. Капитан распорядился предоставить новому радисту отдельную каюту, поближе к радиорубке. Валерий Латышев до сих пор остается близким другом Игоря. Он мне в свое время и рассказал большинство историй, связанных с Винокуровым.

«Мы все были поражены мужеством этого человека, – вспоминал бывший капитан дальнего плавания. – А он старался не привлекать к себе внимания, хотел быть на равных. И вскоре ребята просто забыли, что у него нет ног. В Африке на жаре у него культи распухали, это же боль адская! А он каждый вечер после смены шел вместе со всеми на танцы. И никто не знал, что потом у него идет кровь. Ребята частенько просили своего радиста сбегать на соседний корабль, поменять кинофильм. И в голову никому не приходило, что этот веселый, бесшабашный, здоровый с виду мужик на самом деле инвалид на двух протезах...».

Радисту, особенно новичку, нелегко было пробиться в эфир. Но все знали друг друга по почерку. У Винокурова кулачищи здоровые, когда он ими отбивал морзянку, в эфире раздавалась команда: «Внимание! Работает Игорь – не будем ему мешать». И все замолкали, освобождая эфир легендарному радисту. Ребята его поддерживали и гордились им.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

С 1986 по 1991 год Игорь Винокуров (крайний справа) был радистом 1-го класса на барке «Седов», на котором трижды обошел вокруг земного шара и участвовал в трех международных парусных регатах

Однажды, в 1975–1976 годах, Винокуров лежал в больнице в Гамбурге, где ему делали новые протезы, оплаченные союзным Министерством рыбного хозяйства. У него не сгибались колени, нужна была механическая разработка. Процедура в те времена была страшно болезненной. Игоря привязали ремнями к кровати лицом вниз и начали растяжку. А ему кричать стыдно, кругом иностранцы, немцы. Что делать? Тогда Винокуров представил, что он… партизан и его пытает гестапо. А он им ничего не должен говорить! Стиснул зубы что есть силы и молчит. Один из врачей наклонился к нему и смотрит пристально прямо в зрачки. Потом спрашивает удивленно: «Ты, наверное, коммунист?» «Да!» – выдохнул «партизан» и... сам улыбнулся нелепости ситуации. Тут и врач рассмеялся, а медсестры, стоявшие рядом, зааплодировали сильному русскому моряку: «Что тебе сейчас хочется? Ты молодец, так долго терпел и не кричал». Наш «Маресьев» по закону жанра попросил рюмку коньяка и выпил залпом 150 граммов за здоровье врачей.

…В том своем первом рейсе Винокуров понял сам и убедил сомневающихся: в море он работать сможет без проблем. Все последующие медкомиссии уже без проволочек давали заключение: годен во все плавания! Сойдя на берег, Винокуров первым делом приехал в Лиепайский госпиталь с ящиком шампанского. Крепкий, здоровый, высокий (протезы прибавили ему несколько сантиметров роста) красавец-моряк выглядел неотразимо. Посмотреть на него сбежалась вся больница, включая уборщиц и санитаров. Они обнимали его, поздравляли с победой.

Своего рижского доктора Эрику Закис он нашел за городом на свадьбе у друзей. И на такси повез ее в Ригу. «Помните, я вам обещал – первый вальс только с вами?..» В риж-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Автор в гостях у бывшего моряка. В его «каюте» на календаре «машинный телеграф» всегда показывает «Полный вперед!»

ском кафе «Луна» играла музыка, а в центре кружилась в вальсе необычно счастливая пара – женщина-врач и ее бывший пациент. Как хотелось ей тогда крикнуть ничего не подозревающим посетителям кафе: «Люди, посмотрите, с кем я танцую! Вы не поверите, что у этого человека нет обеих ног и еще недавно он почти умирал!..» Свою дочку, родившуюся в 1972 году, Игорь назвал Эрикой.

Вперед – к хрустальной мечте!

Сам для себя он когда-то наметил рубеж – 25 лет в море на протезах. Но, вернувшись из последнего рейса в Ригу в 1996 году, радист узнал, что все его сбережения сгорели в одном из коммерческих банков. И он опять ушел в море. Бразилия, Южная Африка, Сингапур, Китай, Япония… Так пролетело 8 месяцев, и надо было на самолете улетать в Ригу. Но тут Игорь хватился, что не взял с собой свой талисман – медальон с фотографиями детей, сына Андрея и дочки Эрики. Узнав об этом, моряки, купившие билеты на тот же рейс, начали дружно уговаривать его остаться еще на одну смену: без талисмана никто не хотел лететь вместе с ним на самолете. Так он и остался в море еще на 8 месяцев…

В 1997 году на смену радистам пришла спутниковая аппаратура. Ребята помоложе пересдали экзамены на штурманов. Винокурову пришлось сойти на берег. Получил гражданство Латвии – за особые заслуги, оформил пенсию. Это был нелегкий период в жизни моряка. Частенько он вскакивал по ночам, принимая гул в водопроводных трубах за гудок парохода в океане… Игорь еще несколько лет проработал в охране, жил с дочерью и ее семьей. Но она вскоре перебралась в Москву, куда переехал и сын Винокурова.

На суше здоровье то и дело его подводило. В 2005 году он лег в больницу на обследование. Возвращаясь после процедуры в палату, моряк поскользнулся на своих протезах и получил двойной перелом бедра. Это изуродованное и укороченное на 10 сантиметров несчастное бедро уложило его в койку почти на год. Он нуждался в постоянном уходе, поэтому с помощью друзей-моряков перебрался из Риги в пансионат для сениоров, как в Латвии называют пожилых людей. Здесь бывший радист очень быстро поправился, окреп и вновь начал ходить, лишь слегка опираясь на трость.

Направляясь в пансионат, я ожидала увидеть своего старого знакомого в обществе немощных пенсионеров, блаженно греющих на солнышке свои косточки. Но Винокурова мне удалось найти в компьютерной комнате. Он заказывал себе по Интернету билет на самолет… в Париж. «Париж – это хрустальная мечта всех моряков, но на пароходе-то туда не причалишь! А я уже давно решил обязательно там побывать, – пояснил мне неугомонный искатель приключений. – Правда, в Европе сейчас все опасаются терактов, даже Эйфелеву башню пока хотят закрыть для туристов. Как думаешь, есть опасность?» «Игорь, уж если ты в море не утонул и в авиакатастрофе выжил, то что с тобой могут сделать какие-то террористы?» – успокоила я его. Он усмехнулся, кивнул и нажал на клавишу enter: вперед – к хрустальной мечте!

СВОЙ ПУТЬ

ЕЛЕНА КЛИМОВА
ФОТО **ВАЛЕРИЯ КЛАММА**

ВСЕ ЧАЩЕ У ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВОЗНИКАЕТ ЖЕЛАНИЕ СМЕНИТЬ «КАМЕННЫЕ ДЖУНГЛИ» НА «ДОМИК В ДЕРЕВНЕ». МНОГИЕ ИЗ ТЕХ, КТО НА ЭТО РЕШАЕТСЯ, ПРИМЫКАЮТ К ДВИЖЕНИЮ «РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ», ЧТОБЫ У ИХ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ ПОЯВИЛАСЬ МАЛАЯ РОДИНА. ПО ВСЕЙ РОССИИ ПОДОБНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ УЖЕ ОКОЛО 2 ТЫСЯЧ. В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ – ШЕСТЬ. БЛАГОДАТНОЕ – ОДНО ИЗ НИХ.

СТО ПЯТНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ – по сибирским меркам сущие пустяки. Новосибирск уже остался позади, впереди нас ждут простор и тишина. Благодатное раскинулось на берегу большого водохранилища – «Обского моря».

Договориться о встрече с поселенцами было непросто: не доверяют они журналистам, сомневаются, что «люди со стороны» поймут особенности здешнего быта и бытия. Оно на первый взгляд удивительное. На второй – самое что ни на есть естественное. На третий – спасительное. …Остановились мы у молодой семейной пары. Роман и Ольга с гордостью показали нам свое «родовое дерево» – четырехлетний кедр. «Нас уже не будет, – сказала юная мама Оля, – а дерево останется для правнуков».

Я иду!

Приверженцы «родовых поместий» по большей части читатели (и почитатели) книг новосибирского предпринимателя Владимира Мегре. В них главный герой встречает в тайге некую удивительную девушку по имени Анастасия, живущую в гармонии со всей лесной флорой и фауной. После чего, естественно, меняется до неузнаваемости.

Во всяком случае, такую версию излагает бывший бухгалтер Валентина Ивановна Фролова. Это благодаря ее усилиям в Новосибирске несколько лет назад появилась общественная организация «Анастасия», добившаяся выделения земли для первых поселенцев Благодатного. Сейчас «Анастасия» уже не функционирует, а Владимир Мегре, которого Вален-

тина Ивановна знала по совместной работе в профсоюзе, поселился в деревне во Владимирской области, где продолжает писать эпопею про свою героиню.

«Есть «Анастасия» или нет – для нас это не так уж важно. Важно, что мы выбрали свой путь, которым идем. И для меня не важно, будет ли Мегре этим путем идти. Важно, что я иду! И те, кто рядом со мной», – говорит Дмитрий Дмитриевич Иванов, которого в Благодатном все зовут «Дим Димыч».

Большинство мужчин Благодатного работают пока в городе. Тех, кто, перебравшись сюда, оставил все городские дела, в поселении немного. Валерий Попов – бывший врач, один из таких смельчаков. Говорит, что труднее всего было преодолеть страх перед будущим, когда закончится городская заначка. «Есть у нас соседи, которые работают в городе. Они зарабатывают больше. Зато здесь времени меньше проводят, – поясняет жена Валеры, Аня, выпускница экономфака Новосибирского государственного университета. – И в поместье работают меньше, всё чаще нанимают соседей помочь. Мы бы хотели, чтобы в Благодатном было поставлено общее предпринимательское дело. Но сначала надо определиться, чем бы мы хотели заниматься. Вот Валере понравилось пчеловодство. В первый год он вообще только что сам не жужжал, у него в глазах пчелы стояли! А мне нравится саженцами заниматься, прививками, семенами. Коллекция у нас хорошая, 52 сорта яблонь поса-

Место рождения Алеши Кима – поселение Благодатное на берегу «Обского моря»

дили. Плодоносят уже сортов десять». Аня тоже работает в городе. Дистанционно, по Интернету. Корректором. Скромность семейного бюджета ее не пугает. Самым трудным называет другое: в суете и тяготах первых лет обустройства сохранить то, за чем сюда приехали. Валера про «за чем» отвечает: «Чтобы наши будущие дети были более «настоящие», чем мы. А место, где они будут жить, – чище и лучше, чем сейчас».

«Я еще училась в НГУ и в 2003 году услышала, что дают земли под родовые поместья. Здесь тогда ни воды, ни света не было. Но я взяла участок и в первый год построила маленькую баньку. А осенью познакомилась с Валерой», – вспоминает Аня. «Я как раз приехал сюда с Валентиной Ивановной – посмотреть землю. И увидел на крыше Аню», – добавляет Валерий. «Ага, я как раз баню благоустраивала, сидела на крыше и заделывала щели. А Валера проезжал мимо. Когда он пришел, я поместье уже распланировала и на 70 процентов засадила. Причем засадила не тем, что он любит, и распланировала не так, как он хотел», – смеется Аня.

В зимнем саду – окна во всю стену. Светло и людям, и цветам

Без кино и дискотек

По неписаным правилам, родовое поместье должно занимать не менее гектара. Обычно на участке устраивается пруд, а вместо забора высаживается живая изгородь. Обращаться с землей помещики обязаны бережно. Но главное – землю нельзя продавать, можно только передавать по наследству.

…Худенькая, улыбчивая Ольга Ким меньше всего похожа на изнуренную физическим трудом селянку. Еще недавно она и слышать не хотела доводы своего мужа Романа о преимуществах «жизни на земле».

«Я говорила, что в деревне жить не буду! Я огни города люблю! А он мне отвечал: это не деревня, у нас все по-другому будет! И читал мне книги на ночь про Анастасию. Только я под чтение засыпала. А потом вижу: он совсем измучился в городе. Ну и тогда я решилась. Тут еще позвонила Валентина Ивановна и сообщила: «Земля есть!» Ходили мы по берегу, поросшему бурьяном в человеческий рост, и проверяли – наша земля или нет? Как проверяли? На землю ложились и слушали, что душа подскажет».

Теперь в их усадьбе комната, кухня и зимний сад, окна в котором – от пола до потолка. Рабочие, монтировавшие окна, удивлялись: и вы здесь все время живете? Без цивилизации? Правда, когда их попросили уточнить, что же невосполнимого поселенцы утратили, парни покрутили головами и после некоторой заминки назвали кино и дискотеку. Что касается кино, то своя фильмотека в Благодатном в каждой семье имеется, тем более что телевидение тут не в чести. Равно как и алкоголь, сигареты, нецензурная лексика, а у многих – еще и мясная кухня.

Оля и Роман могли бы обходиться без кино. Огромные окна их зимнего сада выходят на «море». Рассветы и закаты здесь демонстрируются ежедневно, на утренних и вечерних «сеансах». А еще на крыше дома – смотровая площадка, куда малыша Алешу подняли в год. Так здесь принято. «Сыну понравилось, – говорит Оля. – Я и не думала, что у нас так красиво».

Теперь Ольга – бывшая энтузиастка городской жизни – говорит «земля-матушка», еле выдерживает две недели на турецком курорте и переживает, что «в Сибири очень плохо с молочными козами!». Коз у семьи Ким три. Выписали их из Екатеринбурга. Зато теперь молоко – свое.

«Дачники удивляются, – рассказывает Ольга, – мы, мол, на 6 сотках вкалываем, и у нас уже спины не разгибаются! А у вас – целый гектар! Ну, понятно, молодые, сильные, но такая жизнь – это же никуда не годится! А мы отвечаем: мы не собираемся, как вы, весь гектар перекапывать. У нас тут и лес свой подрастает. Мы ведро маслят собираем под этими сосенками! Пруд будет… Сад. То есть это – усадьба. Как раньше. И свобода для ребенка».

Молочная ферма Кимов

Сено – не для коров. Для утепления стен

Взрослые тоже люди

…С восьмиклассницей Дашей мы познакомились, когда она забежала к Кимам в гости. У Даши ясный открытый взгляд, говорит она уверенно, перед незнакомцами не тушуется. Дети в Благодатном – отдельная тема. Все они – на домашнем обучении и почти лишены компании сверстников. Но, как ни странно, ни они сами, ни их воспитание от этого, похоже, не страдают.

– Даша, трудно учиться без контроля? Без ежедневных оценок, проверки домашних заданий и так далее?

– Мне, наоборот, так проще. Мама все равно лучше объяснит, чем учительница, которая еще и накричать может. Я каждую четверть в школе в Ордынке (ближайший райцентр. – **Прим. авт.**) пишу контрольные. На четыре и пять.

– А чем ты целый день занимаешься?

– Я люблю читать и рукодельничать. Прошлой зимой начала вязать себе кофту. Это занятие долгое. Потом наступили весна и лето, и мне стало не до кофты. Скоро зима – снова буду вязать… Мы много играем с взрослыми. Моих сверстников здесь нет. Я первое время страдала, когда из школы ушла, у меня там был целый класс подруг. Но в 5-м классе девчонки все только и говорили, кому когда мама купит сапоги на шпильках. А мне сапоги на шпильках были не нужны. Получилось, что мы с подругами разошлись в интересах, а ссориться не хотелось. И потом я поняла, что взрослые, они, собственно, тоже люди.

За разговором Даша заплетает косы Ольге – она, оказывается, в этом деле искусница. В шесть часов Ольга и Роман ведут нас на общий сбор поселенцев в тереме у Клавдии Лукиничны и Дим Димыча. Дим Димыч – бывший военный моряк. Служил во Владивостоке, вышел на пенсию. Жить на земле захотел сам, потом убедил Клавдию Лукиничну, с которой познакомился уже в Новосибирске.

У Клавдии Лукиничны – коса узлом, стройная фигура, необычная манера общаться: говорит вроде шутливо, а невольно ее слушаешься. Она много лет преподавала в детском саду музыку. Пока не познакомилась с Дим Димычем. Теперь у них здесь большой дом – настоящий терем. Дим Димыч построил его своими руками. Еще он кладет печи соседям. А Клавдия Лукинична и здесь преподает музыку малышам.

Семейные ценности

Дим Димыч к чаепитию надел косоворотку, а Клавдия Лукинична – сарафан и белую рубаху с узорной тесьмой по вороту и рукавам. Она

вообще-то шьет народную одежду по выкройкам, которые находит у таких же мастериц, как сама, и по книгам.

Забегая вперед, скажу, что на следующий день мы придем в терем посмотреть коллекцию Клавдии Лукиничны, а выльется это в фотосессию нашей третьей спутницы – студентки-журналистки-альпинистки Ангелины. И Ангелина превратится на наших глазах в девушку, которой не в горы бы ходить, а сидеть бы в тереме и смотреть, как принцы на белых конях соревнуются, кто первым до ее окошка допрыгнет и загадки разгадает. Наши с Ангелиной брюки и длинные челки Клавдия Лукинична не одобрит. И Ангелине велит перед примеркой головного убора челку убрать: никогда, мол, россиянки лба не закрывали. Наряды из коллекции русской одежды Клавдии Лукиничны очень дороги, ткани приходится выписывать, как ни смешно, аж из Америки: наша промышленность давно таких не выпускает.

…А пока мы пьем чай и осматриваемся. На столе печенюшки, сухарики. «И не ждите, не будет ничего мясного!» – предупреждает Клавдия Лукинична. Несколько женщин тоже в длинных юбках, у одной – юбка просто загляденье: желтая, в цветах, богато расшитая лентами. «Эта юбка алтайская, – объясняет ее хозяйка Татьяна. – Увлеклась шитьем – спасибо Клавдии Лукиничне». На руках у Татьяны годовалая Анечка, как и все «благодатные» дети, не капризная и не пугливая.

«Муж Алексей, военный врач, сейчас на пенсии, – рассказывает Татьяна. – Мы с ним оба любим растения, так и познакомились. Он мне показал, как можно выращивать кедры из орешков, не выкапывая в лесу саженцы. У нас на участке уже около 300 кедров растет».

Еще Татьяна рассказывает, что по профессии она – врач-стоматолог, правда, пока находится в отпуске по уходу за ребенком. В будущем хочет открыть в ближайшем райцентре свой кабинет. «Для чего мы здесь живем? – переспрашивает она. – Для Анютки. Она может потом уехать, но ей будет куда вернуться. Конечно, самое большое воспитание – наш образ жизни. Я сейчас собираю старые вещи, оставшиеся от бабушек и дедушек. Вышивки прабабушки. Привожу их в порядок вместе с Клавдией Лукиничной. Часы старые отремонтированные, с боем – в дом. Такие семейные ценности формируют быт. Хотим с Алексеем их сохранить, чтобы передать ребенку. Сюда мы переехали, когда Анютке было… пять дней».

На чаепитии увидели мы самого старшего из поселенских детей – девятиклассника Виталия.

В тереме – субботние посиделки

«Дом моделей» Клавдии Лукиничны

Тот же, как и у Даши, открытый взгляд и такая же манера говорить. «В школе я круглым двоечником был. Учиться мне было абсолютно неинтересно. Я не понимал учителей. И не переспрашивал. Потом подумал – дай-ка попробую учиться дома. Понравилось! То, что непонятно, объясняла мама. Если и маме непонятно, ищу знатоков в другом месте. Сейчас учиться стало достаточно интересно», – объясняет Виталий.

– Как ты с ленью борешься? Все равно ведь дома можно книжку отложить.

– А вот нельзя! Потому что если я не сделаю какое-то количество предметов сегодня, то на следующий день их станет больше.

– Ребята в классе как относятся к тебе?

– Ну, спрашивают: чего ты не ходишь в школу, возвращайся. Я говорю: а я не хочу. Ну и фиг с тобой, отвечают. Со сверстниками я не общаюсь. Разные интересы.

– Ты в девятом. Дальше куда?

– В кулинарный техникум в Ордынке.

– А потом? Откроешь кафе? А то ведь на работу ходить – то же самое, что в школу.

– Первое время работать буду в Ордынке. А потом, может, здесь открою кафе.

И тут взрослые наперебой заговорили о том, какая шарлотка да какой борщ получаются у Виталия…

Мечты

Я пытаюсь представить жизнь поселенцев здесь. Ну, летом – понятно: «море», лес, цветы, ягоды, грибы. Да и работа без конца. Скучать в самом деле некогда. А зимнее одиночество среди снегов? Деревенская зимняя скука да для интеллигентных людей, привыкших, что ни говори, к культурному досугу в городе?

Валера неожиданно воодушевляется: «Зима – самое хорошее время здесь! Зимой все замирает, и начинаются посиделки. Блинчики-оладушки, игры, спевки, театр. Спектакли ставим. Новогодний спектакль – на основе сказок с нашими добавлениями. В прошлом году делали детский кукольный спектакль про лису и зайца. Кукол сами мастерили. Или вот еще был у нас спектакль по биологии. Театрализованное представление о том, как в растениях вся эта химия происходит. Помню, я азот играл. Сидим, ржем весь вечер. Дети химию растений, наверное, на всю жизнь запомнили».

Дим Димыч и Виталик – с ними не пропадешь. Один терема строит, другой пироги печет

Мне все же приходится задать этим людям неприятный вопрос:

– Вы же хотите, чтобы Благодатное стало точкой на карте? А это значит, что появится власть, школа и так далее. Вы станете частью системы, от которой бежали.

– Если каждый из нас неравнодушен, каждый смотрит, где он может быть полезным общему делу, – тогда ничего не страшно, – говорит Аня. – Я считаю, наша цель достижима только тогда…

– …когда человек станет идеальным?

– Нет-нет, когда все станут относиться ответственно.

– Почему вы уверены, что у вас здесь это получится?

– То, что снаружи, зависит от того, что внутри. И если мы договоримся, что внутри коллектива мы равны, а кого-то просто выделим для работы в органах власти, то мы не погрешим против своих идей.

– А себе вы какие роли отводите?

– Активных деятелей и активных строителей, – вместе отвечают Аня и Валера. – Когда возникает проблема, ее один человек не может решить. И двое не могут, и трое. Нужны все! На заснеженную дорогу с лопатами мы выходили все вместе! Если человек приезжает сюда и живет с нами, то он становится частью чего-то большего. Сейчас здесь живет семей двенадцать. А числится – пятьдесят. Многие захотели взять гектар, но не придумали, что с этим гектаром делать. Кто-то брал для детей. Кто-то – для занятия на пенсии. А коммуникации надо тянуть на всех. Дела надо делать, даже косить – всем миром. Но части людей нет, и денег нет и рук. Основная задача сейчас – построение жизнеспособного коллектива…

P.S.

Мы уже усаживались в машину, когда на велосипеде подкатил запыхавшийся Виталий:

– Я хочу пригласить вас к себе в гости!

– Мы бы рады. Но в городе дела, надо ехать.

– А я для вас пирог испек!

…Вкуснейший манник мы ели в машине. Виталий предусмотрительно разрезал его на куски и аккуратно упаковал.

РУЧНАЯ РАБОТА

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА
ФОТО **АНДРЕЯ СЕМАШКО**

МОСКОВСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ УЧИЛИЩУ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА – 90 ЛЕТ. КАЖЕТСЯ, ВРЕМЯ НЕ КОСНУЛОСЬ ЕГО НЕТОРОПЛИВОГО УКЛАДА. КАК ВСТАРЬ, В УЧИЛИЩЕ РАСЦВЕТАЮТ НА ПОЛОТНАХ ВЕЧНЫЕ ОРНАМЕНТЫ... КАК И ПРЕЖДЕ, ВСЕ ЗАНЯТЫ КРОПОТЛИВЫМ ТРУДОМ. ВПРОЧЕМ, ЭТО ТОЛЬКО НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД. В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЗДЕСЬ, КАК НИГДЕ, ИДЕТ ОТЧАЯННАЯ БОРЬБА СТАРОГО С НОВЫМ.

НА ПРАЗДНОВАНИИ 90-ЛЕТИЯ Московского художественного училища прикладного искусства (МХУПИ) в филиале Малого театра в Москве собрались узким «семейным» кругом: преподаватели, студенты, выпускники – человек 200. Это совсем немного, учитывая, что за всю историю училище выпустило более 6 тысяч специалистов. «Чтобы прожить девяносто лет, надо что-то сделать, чтобы завоевать любовь коллег, – открыл праздник художественный руководитель Малого театра Юрий Соломин. – В моем кабинете стоит много ваших сувениров, подарков, дипломных работ. Мы десять лет дружим с вами». В отличие от друзей близкие люди и в праздник имеют право говорить о наболевшем. «Вы сейчас находитесь на переднем крае в поиске Россией своей идентичности, – сказал заместитель председателя ассоциации «Народные художественные промыслы России» Виктор Антонов. – Вам предстоит написать новую историю страны. Так приятно, что в наше время есть Марина Майорова из хохломского промысла, Диана Смирнова – специалист по михайловскому кружеву, Светлана Дорошенко – по елецкому кружеву, перечислять могу долго». Среди воспитанников училища и дочь космонавта Владимира Джанибекова. Он тоже вышел на сцену поблагодарить преподавателей. «Я не думаю, что все течет и меняется, – сказал космонавт. – Когда берешь в руки то, что держали в руках прабабушка или прадедушка, появляется трепет, совершенно особое состояние души. И вы несете на себе эту ношу – передавать трепетное отношение к нашим традициям. Не мы их создавали и не нам это ломать – только беречь. Пусть новое тоже рождается, но, не ломая старого».

Зал аплодировал, встречал преподавателей стоя, приветствовал выпускников... Эти люди поступали в училище из любви к народному искусству – престижной профессию не назовешь. Но большинство не работает по специальности. Екатерина Козлова окончила в 1994 году отделение ткачества и ни дня не работала ткачихой – сейчас она дизайнер интерьеров. «Умерло практически ткачество, – объясняет Екатерина. – Оно уже на момент моего поступления было экзотикой, но я все же рассчитывала попасть на фабрику в Шахунье, например. Но исчез Советский Союз, и с ним – мои планы». В один год с Екатериной окончил живописное отделение училища и Алексей Солонченко – теперь он работает в дизайне и рекламе. «Я должен был заниматься лаковой миниатюрой, – говорит Алексей, – но захотел жить в Москве, где давно не осталось никаких промыслов. Ширпотреб мне неинтересен. Чтобы писать лаковые миниатюры, надо жить там, где они зародились, – в Палехе, Мстере, Холуе». Ольге Недовиченко 53 года, она окончила отделение моделирования женской и детской одежды, 18 лет проработала на московской фабрике «Художественная вышивка», попала под сокращение и занималась лоскутным шитьем на «Трехгорной мануфактуре», а затем десять лет проработала ночным воспитателем интерната для талантливых детей при МГУ. В пятьдесят лет Ольга вышла на пенсию нянчиться с внуком. «Если бы я выпустилась из училища сейчас, то, наверное, занималась бы индивидуальной деятельностью, – говорит она. – Мало денег вкладывает государство в прикладное искусство. Мне обидно: везде много китайских, турецких товаров, а наше искусство мало кто всерьез продвигает». 23-летний Алексей Зернов пишет иконы и рассказывает, что среди иконописцев большая конкуренция. «Абсолютное большинство наших студентов идут дальше учиться в Строгановку, так как училище стало ее структурным подразделени-

ем, – говорит Алексей. – Представьте, что вы окончили ковровое отделение. Куда вы сейчас пойдете работать с коврами, не имея знакомых? Лучше уж учиться дальше». Одна из таких студенток третьего курса – Юлия Поверенова. «Я сейчас учусь на дизайнера среды, – говорит она. – И пишу картины на заказ. Пока не думаю о будущей работе, потому что с дизайном среды в России туго». Впрочем, есть еще один вариант трудоустройства – преподавание в МХУПИ. Подавляющее число педагогов здесь – выпускники родного училища.

Связь с прошлым

Первые сведения о МХУПИ относятся к началу XX века. Ко дню открытия, 5 ноября 1920 года, учебное заведение называлось техникумом кустарной промышленности и было создано «для обслуживания нужд кустарной промышленности». Эти нужды понятны из списка работавших мастерских: «деревоотделочной, металлической, живописно-декоративной, ткацкой, папье-маше, мягкой игрушки, резной игрушки, картонажа, кройки, шитья, строчки». Страна задыхалась от войны и голода, но техникум не был прихотью новой власти. Экспорт художественных промыслов оказался неплохим источником дохода. На создание учебного заведения были брошены лучшие силы. Среди преподавателей были живописцы В.М. Васнецов и К.Ф. Юон, получавшие за свой труд всего по 2–3 червонца в месяц. И того меньше зарабатывали известные исследователи декоративно-прикладного и народного искусства Н.Н. Соболев, Н.Д. Бартрам, А.А. Вольтер, А.П. Барышников, В.М. Василенко. Учащиеся – к 1922 году здесь училось 227 человек – стипендию не получали. Но наплыв желающих учиться был огромным. В 20–30-х годах открылись краткосрочные курсы, подготовительные группы и трехгодичные вечерние курсы. Даже нашлись силы на ускоренные кур-

сы русского языка для тех, кто на нем не говорил. Эту огромную работу проделал директор Иван Платонович Лосев – человек удивительный. Сын иконописца, он окончил в 1914 году химико-математический факультет Казанского университета, отбыл срок заключения за революционную деятельность. В 1930 году оставил пост директора техникума, ушел в науку. Он был одним из авторов первого учебника по химии синтетических полимеров, первого лабораторного практикума по химии высокомолекулярных соединений, а также 130 научных трудов и 38 авторских свидетельств.

В ноябре 1931 года учебное заведение переименовали в Московский промышленно-художественный техникум. Из Ленинграда сюда перевели вышивально-кружевное отделение. Принципиальное же реформирование началось в 1938 году – к тому времени уже Московское художественно-промышленное училище им. М.И. Калинина стало многопрофильным и единственным в стране, где готовили художников народных промыслов по специальностям: художественная роспись по дереву, лаку и металлу, резьба по кости, дереву и камню, декоративное ткачество и ковроткачество, строчевышивка и кружевоплетение. А в 1939 году выставка творческих работ учащихся обернулась бедой. Выставку посетил Герой Советского Союза И.Д. Папанин, которому понравились просторные помещения училища – вскоре демонтировали все мастерские и устроили здесь общежитие для моряков Севморпути. Вещи художники перевезли в церковь Девяти Великомучеников, занятия проводили где придется: в музеях, ботаническом саду, зоопарке… Скитания продолжались восемнадцать лет, занятия лишь на несколько месяцев прервались во время войны, и наконец после обращения к Ворошилову в 1952 году училищу построили красивое трехэтажное здание, то самое, в котором оно располагается и сегодня.

Память о корнях

В советские годы произошел настоящий расцвет прикладного промышленного искусства. Открылись художественные училища в Абрамцево, Холуе, Мстере, Федоскине, Богородском, на Урале. «Если в старину народные промыслы формировали среду обитания, поскольку 75–80 процентов людей жили в деревнях, – говорит директор МХУПИ Александр Толкачев, – то в советское время они стали сувенирами, доходом государству, получили развитие и финансирование. Я помню, как сложно тогда было купить в магазине матрешку – все шло на экспорт. Прикладное искусство стало элементом национальной идеи и чуть ли не единственным, что вообще нас связывало с прошлым». Правда, в оценках советского периода разные специалисты расходятся. Искусствовед Лидия Таежная, преподающая в МХУПИ, считает советский период полным крахом прикладного народного искусства – того, что создавалось в деревнях столетиями. «Этот процесс разрушения народного искусства начался с петровских реформ, продолжился в советское время, – говорит Лидия Таежная, – и очевиден сейчас. Посмотрите на нынешние молодежные выставки. Там вещи ориентированы на западную линию развития – причудливые формы, роль в интерьере, искажения… Это авторское искусство, не народное, в нем художник имеет право на все».

С распадом СССР на всех предприятиях началась депрессия. Всплеск интереса к промыслам произошел лишь в начале 90-х, взлетели конкурсы в училищах прикладного искусства – Россия открыла границы и ассоциировалась у иностранцев преимущественно с матрешками или шкатулками. Но после ликвидации Министерства местной промышленности в 1996 году, под чьей юрисдикцией находились художественные промыслы, народное искусство вернули общественности – делайте что хотите. Системное госфинансирование прекратилось, так же как и госза-

каз на кадры, – и все покатилось под горку. Правда, в 1990 году была основана ассоциация «Народные художественные промыслы России», которая добилась в 1997 году принятия первого отечественного закона «О народных промыслах». «Он защитил официальных производителей, – говорит директор МХУПИ Александр Толкачев. – Чтобы, например, не считались настоящей гжелью изделия, произведенные в Китае или на дому. Пусть даже росписью занимается та же художница, что работает на заводе. Ошибочно считать, что народным промыслам пятьсот лет и ими занимался кто хотел. Как форма производства они появились лишь в конце XIX века».

При спаде производства почти при каждом училище искусств открыли «прикладные» отделения с низким качеством обучения. Из 350 предприятий художественных промыслов осталось чуть более 30, их продукция перестала быть доступной большинству. А сувенирные лавки наполнились дешевыми штамповками, поделками а-ля рус и подделками. К слову, китайские подделки под палех в художественных кругах называют мультиками. «Качественное прикладное искусство никогда не уйдет в прошлое, – говорит Александр Толкачев. – Это память народа о своих корнях. Но оно утратило свою функцию. Вот, скажем, сейчас проводится много ярмарок, выставок, где можно купить хорошую вещь. Мне недавно тут понравилось расшитое полотенце за 6500 рублей, которое я не могу себе позволить, хотя я и не самый бедный в стране человек. Но если я и куплю это полотенце, то не буду им вытирать руки – а украшу исторический уголок в своем доме. Произведения народно-художественных промыслов теперь выполняют функцию дизайна. Это надо развивать. Вот почему мы не так давно открыли в училище отделение дизайна». Заместитель директора по учебной работе Вера Осипова соглас-

на с этим. «Народно-прикладное искусство должно адекватно войти в современную жизнь, – говорит она. – Чаще всего мы видим или грубую стилизацию, или хорошую вещь, но слишком традиционную, не вписывающуюся в реальность. Не нужно кричать, что нет теперь того, что было раньше. Надо найти подход к сердцу современного человека, ту нить, которая связывает прошлое и настоящее». Вот здесь-то и разгорается настоящая битва старого и нового. «Прикладное искусство не должно приспосабливаться и трансформироваться, – считает искусствовед Лидия Таежная. – Формы сами по себе несут традицию – в исконном, неизменном виде. Если меняется форма, она теряет содержание, то есть исчезает. Дизайн может заимствовать что-то из народного искусства – но не наоборот. И знаете, почему-то каждый наш период в нас возникает какая-то узколобость, захудалопровинциальное стремление подражать – будто мы должны строить особняки, делать в них какие-то интерьеры, дизайн, бежать за Западом... Это даже не то, что было у нас в XVIII веке, – тогда хоть мастера были прекрасные. Сейчас – сплошная эклектика».

Споры спорами, но училище регулярно проводит выставки и ярмарки, на которых представляет необыкновенной красоты произведения. Ясные линии, простые формы, техника, выверенная столетиями – в костюмах, панно, лаковых миниатюрах, керамике, в металле. За кропотливый труд училище получило не один десяток наград.

Большое дело

Когда заходишь в художественное училище, первое, что бросается в глаза, – это неспешная, спокойная атмосфера. В лицах – легкая отстраненность. Как говорит директор МХУПИ, каждый, кто выбрал этот путь, имеет свое особое понимание мира. Даже в вышивке салфетки традиционными узорами должен быть виден автор – в ритме, в чувстве красоты.

В кабинете в полной тишине миловидные второкурсницы вышивают белой гладью по полупрозрачной нежной белой ткани. Это студентки отделения вышивки. Процесс обучения построен так, что за четыре года девушки освоят все техники, существовавшие на Руси. Такой подход относится и ко всем остальным: резчикам по дереву, художникам лаковой миниатюры, художникам по металлу, кости, ткацкого, коврового и иконописного отделений. Будущая вышивальщица Елена Клементьева из Подмосковья ради любимого занятия бросила педагогический институт на втором курсе, узнав, что можно вышивке обучаться. «Мне в вышивке важно все: и процесс, и результат, – говорит Елена. – Стараюсь, чтобы все было идеально. Института не жаль. Оттуда по окончании всех без разбора отправляют в школы, а здесь я специальность получаю, выбираю место работы. К тому же здесь лучше учат».

Руководительница отделения Надежда Божьева разворачивает плащаницу. «Эта плащаница готовится в храм города Пушкино, мы над ней уже много лет работаем, – говорит педагог. – Каждый приходит, шьет понемножку, затем переходит на другое задание. В результате мы сошьем то, что одному человеку непосильно. И студентам интересно – они видят, что делается большая работа, а не прос-

то фрагментики. Мы сделали две пелены в Саввино-Сторожевский монастырь, плащаницу в Белопесоцкий монастырь Московской области, подарочные панно шьем в детдома, храмы. Мы занимаемся и церковным, и светским, и народным шитьем. Ребята изучают традиции, технику, грамоту, культуру, развивают вкус и только потом приступают к собственным творческим работам». Надежда Божьева – модельер по образованию, уже сорок лет занимается вышивкой и педагогикой. Это она вышила двухметровый покров Святителя Макария для Успенского собора Московского Кремля, который ежегодно выносят 12 января во время службы патриарха.

Все лучшее, что сделали студенты-дипломники, хранится в музее училища. «Самая старая вещь музея – фрагмент кружевной скатерти, датированной 1929 годом. Дипломные работы мы храним, а курсовые продаем на ярмарках», – говорит Вера Фирсова, заведующая фондом хранения МХУПИ. Среди учащихся достаточно людей, много сделавших для народных промыслов в России. Тут учился даже праправнук Пушкина – впрочем, он отличился только тем, что был чемпионом по альпинизму.

Кто мы тогда?

Новой образовательной реформы во МХУПИ не боятся. Здесь считают, что ничего хуже того, что случилось в 1996 году – окончание госфинансирования, – быть не может. Случались зимы, когда училище не могло оплачивать коммунальные услуги, и студенты сидели на занятиях в верхней одежде. Не хватало материалов, студентам до сих пор практически негде проходить практику. «Нас поставили на одну ступень с мощными техникумами по полторы тысячи человек, с оборудованием и цехами, – поясняет Александр Толкачев. – А мы принимаем 45 человек в год, оборудования нет, но нужны дорогие лаки, краски, сусальное золото, нитки, дерево, цветной металл, натурщики…И обучение чуть не индивидуальное. Стали рушиться предприятия, а ведь совсем другое дело, когда приемы кистевого письма показывают профессионалы на производстве. Наша художественная жизнь ушла на обочину, исчезли многие конкурсы».

В прошлом году училище объединилось со «строгановским» университетом, что улучшило финансовое положение. «Непростое было решение, – продолжает Александр Толкачев, – чувствуем, что идея плохая. Ин-

ститут промышленным искусством занимается, мы – крестьянским. А эти два направления не дружат, природа у них разная. Нас постигнут процессы глобализации, мы потеряемся среди престижных факультетов дизайна». Что же касается нашумевших государственных образовательных стандартов – к ним здесь относятся довольно миролюбиво. «Да он нас мало касается, – говорит директор. – Ну дали нам на 25 процентов больше выбора тех или иных предметов. А мы и раньше делали все, что нам было нужно. У нас иной раз достаются учебные планы 30–40-летней давности. Ну исчезли предметы по истории партии, добавились социология, экология. В целом они мало влияют на общий процесс». Правда, и конкурса приличного здесь уже давно не видели. Чтобы изменить ситуацию, преподаватели МХУПИ ходили по московским школам, агитировали – в итоге получили два человека на место. И это притом, что срок обучения – как в вузе. Преподаватели МХУПИ – подвижники не только потому, что они несут тяжелую ношу мало востребованных ценностей, они делают это за 7 тысяч рублей в месяц. Причем 30–40 процентов этих денег училище зарабатывает самостоятельно – платным отделением графического дизайна.

«Ну а зачем тогда вообще нужно ваше училище, – спросила я, – если матрешки не раскупаются, выпускники не работают по специальности, а вас понемногу поглощает глобализация?» Александр Толкачев аж подскочил на стуле: «А министр Фурсенко примерно так же и считает! Вопрос, конечно, логичный. Но не для нас. В этой вышивке память народная заключена. Мне министр как-то сказал: «Покорение космоса – не менее важная задача». А я ответил: «Космос одинаков из Африки, Франции или Японии. А чем мы отличаемся от тех же народов Африки? И кроме нас, хранить эту идентичность некому». – «Но для кого вы будете ее сохранять, если общество, по вашим же словам, все меньше интересуется народными промыслами?» – «Для потомков, которые будут лучше нас, – ответил директор МХУПИ. – Чтобы народ не стал населением, он должен знать, откуда он родом, чем питались прадеды, как растили детей, хоронили, влюблялись. Сейчас все хотят мира без границ, а мы против мира, который ездит на одних и тех же машинах и слушает одну и ту же музыку. У нас уже даже палех продается китайского производства. А мы-то кто тогда?»